

БОРИС ДЕРЕВЕНСКИЙ

**УБИТЬ МАРАТА.
ДЕЛО МАРИИ
ШАРЛОТТЫ КОРДЕ**

Борис Деревенский

**Убить Марата. Дело
Марии Шарлотты Корде**

«Автор»

2017

Деревенский Б. Г.

Убить Марата. Дело Марии Шарлотты Корде /
Б. Г. Деревенский — «Автор», 2017

История знает множество политических убийств. Однако, за исключением убийства Юлия Цезаря, быть может, ни одно другое покушение не поразило так современников и потомство, как убийство вождя французской Революции Жана Поля Марата молодой дворянкой Шарлоттой Корде. Для этого было много причин – от личности убитого и убийцы до необычного места действия: ванной комнаты. Настоящий роман целиком основывается на документах судебного процесса Шарлотты Корде и включает в себя важнейшие из этих документов. Для широкого круга читателей.

© Деревенский Б. Г., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие автора	6
Предупреждение	11
7 июля 1793 г., воскресенье	13
Кан, Гран-Кур. 3 часа пополудни	13
Кан. 5 часов пополудни	25
8 июля, понедельник	28
Интендантство. 2 часа пополудни	29
Большая Обитель. 3 часа пополудни	41
Большая Обитель. 7 часов вечера	46
9 июля, вторник	54
Большая Обитель. 7 часов утра	54
Бюро дилижансов. 10 часов 30 минут утра	59
Кан – Лизьё. Вторая половина дня	65
Лизьё – Марше-Нёф. Поздний вечер	68
10 июля, среда	72
Марше-Нёф – Эврё. Первая половина дня	72
Эврё. 11 часов 40 минут утра	80
Бюро дилижансов. 40 минут пополудни	85
Эврё – Паси-сюр-Эр. Вторая половина дня	89
Боньер – Мант – Мёлан. Вечер того же дня	97
11 июля, четверг	102
Пуасси – Париж. Первая половина дня	102
Париж. Первый час пополудни	110
Гостиница «Провиданс». 2 часа пополудни	117
Квартира Дюперре. 6 часов вечера	120
Гостиница «Провиданс». 7 часов вечера	124
12 июля, пятница	129
Гостиница «Провиданс». 6 часов утра	131
Гостиница «Провиданс». 9 часов утра	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Борис Георгиевич Деревенский
Убить Марата. Дело
Марии Шарлотты Корде

© Б. Г. Деревенский, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Предисловие автора

Этот роман был бы практически невозможен без объёмной и обстоятельной работы Анри д'Альмеры (Henri d'Almeras) «Шарлотта Корде в документах современников», изданной в Париже в 1910 году. Книга д'Альмеры давно стала библиографической редкостью. Экземпляр, хранящийся в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, поступил туда из Царского Села, где до Революции его владельцем был Великий князь Борис Владимирович, о чём свидетельствует его личная печать на форзаце.

Французский исследователь включил в свою книгу ценнейшие документы, которые теперь, пожалуй, уже и не отыскать. По этим документам можно проследить всю жизнь Корде, начиная с юных лет. Большей частью работа д'Альмеры основывается на более раннем труде, принадлежащем парижскому адвокату Шарлю Вателю (Charles Vatel), увидевшем свет в 1861 году. Этот уникальный сборник называется «Документы уголовного процесса Шарлотты Корде, представшей перед Революционным Трибуналом». Протоколы допросов и обысков, показания свидетелей, полицейские рапорты, служебные записки, письма, петиции и даже доносы в полицию – всё это, пронумерованное и расположенное в хронологическом порядке, само по себе читается как увлекательный детектив. Большинство этих документов вошло в настоящий роман.

После столь кропотливой работы нужно простить д'Альмере явную идеализацию образа главной героини. Мадемуазель Корде – несомненно, сильная натура, кажется, даже чересчур сильная для женщины. Такой натурой была Жанна д'Арк, другая знаменитая француженка, жившая почти на четыреста лет раньше её. Это женщины одного плана: религиозное самопожертвование в момент совершения «подвига», убеждённость в своей спасительной миссии и абсолютная бесстрастность, граничащая с презрением перед лицом судей. И всё-таки Жанна вошла в историю как Святая Дева, освободительница Отчизны, а Корде – как политическая авантюристка, спланировавшая и осуществившая кровавую акцию по устранению видного общественного деятеля.

О женщине, заколовшей Марата, стали писать и спорить на другой день после убийства, и этот спор не прекращается до сих пор. Немного можно найти других исторических фигур, которые бы имели столь неоднозначные оценки. Дело дошло до того, что известный французский историк Жорж Ленотр, знаток Первой революции, представил Корде неким неземным существом. «Она меня удивляет, – писал он, – изумляет, но не пленяет. Сердце совсем не участвует в этой навсегда знаменитой трагедии. Героиня слишком возвышена, чтобы быть привлекательной. Шарлотта, по-моему, остаётся холодной загадкой. Драма производила бы более сильное впечатление, будь она (Шарлотта) гуманна, но этого нет: всё в ней не от мира сего (*ou-dessus réolités*). Чтобы понимать и любить Шарлотту Корде, нужно быть способным на такой же безумный героизм». Это нужно понимать так, что Ленотр искал в Шарлотте женщину, женственность, и не нашёл. Перед его глазами парила неземная сверхъестественная фигура, по чистой случайности носящая женское имя.

Советский писатель Анатолий Левандовский, поклонник Марата, пошёл дальше и описал убийцу своего кумира как мужеподобное существо: «Ширококостная и приземистая, она ходила тяжёлой поступью; в ней было больше мощи, чем грации, – отсюда и тот поразительный по силе удар, который вызвал удивление Дешама и других, обследовавших рану Марата. Лицо её было правильным, но неприятным, оно не вызывало симпатии. И вообще от неё веяло холодом; странный контраст с внутренним жаром, жаром ненависти и честолюбия!..» («Сердце моего Марата»).

Но такие взгляды тонут в море восторженных отзывов. Большинство биографов Корде рассматривают совершенное ею как героический поступок, а её саму находят прекрасной.

Автор этого романа испытывает противоречивые чувства. Более того, он до сих пор не знает точно, как относиться к своей героине и кто она на самом деле: «демон мести» или «ангел убийства», палач или жертва, героиня или чудовище. Она вызывала двойственные чувства, когда автор ещё вынашивал замысел романа и ознакомился с различными версиями громкого дела 1793 года, и эта двойственность не исчезла после изучения непосредственных документов, опубликованных в книгах Вателя, д'Альмеры и в других изданиях. Тем интереснее было писать роман. Его можно назвать документальным романом, выросшим из психологической драмы. Возможно, кто-то назовёт его детективом. Но автору всё же хотелось, чтобы это был не детектив, не апология, не обличение, а психологическая драма.

Наконец совместными усилиями автора и издателя был определён новый жанр: Опыт исторической реконструкции.

* * *

Одержимые женщины были всегда, – и в Древности, и в Средневековье, и в Новые столетия. Есть они и в наши дни. Сначала автору казалось, что всё зависит от среды, от того общества, которое формирует и определяет характер этих женщин. Здоровое общество делает из них славных героинь, больное общество – преступниц. С течением времени стало ясно, что это не так. Не всё так просто. И потом: что такое «больное общество»? Революционная Франция была больной? А чем Франция времён Жанны д'Арк была здоровее? Тем не менее тёмное Средневековье явило славную фигуру Жанны д'Арк, а просвещённый и утончённый XVIII век выпестовал её карикатурное подобие, а может, и зеркальную противоположность. Стоит добавить, что Жанна была неграмотной крестьянкой, а Корде – образованной дворянкой и правнучкой великого драматурга Корнеля.

Женщинами, с увлечением играющими в мужские игры, в политику, готовыми пожертвовать своей жизнью в этой игре, готовыми на всё вплоть до убийства, не обделена никакая страна, никакое самое цивилизованное и передовое общество. Их огромная энергия, не найдя иного выхода, изливается в такие сферы, где этой энергии подчас совершенно не место. Мужчина – дело другое. Во всяком случае, когда мужчина борется за идею, за лидерство, за власть, увлечён борьбой и хватается за оружие, – это выглядит как-то естественнее, нежели когда всё это делает женщина. Не случайно после убийства Марата в Париже ходили слухи, что убийцей был мужчина, одетый в женскую одежду. Людям трудно было представить, чтобы кинжал в грудь вождя Революции вонзила женщина, точнее – девушка.

Разумеется, деяние гражданки Корде неотделимо от истории Великой Французской революции. Никой деятель не существует сам по себе, в отрыве от своей эпохи и окружающей среды. И всё же было бы неверно воспринимать кровавый подвиг молодой нормандки исключительно в связи с политической ситуацией во Франции в 1793 году. Дело гораздо глубже. Дело в конкретной личности. Революция тут в сущности всего лишь внешний фон, или, точнее, внешнее условие, которое эта личность вынуждена соблюдать. Бесспорно, Революция окрасила драму в свои тона, придала происходящему свою специфику, но не более того. Она была внешним условием, но не причиной. Суть в другом. То, что совершила Корде, она могла совершить и без Революции.

Представим себе, что нормандская героиня родилась не в конце бурного XVIII века, а в другие относительно «тихие» времена. Совершила бы она нечто подобное? Знали бы мы о ней? Вполне вероятно, что и нет. Буря в душе была бы подавлена «тихостью» эпохи, и огромная сила, не найдя себе выхода, свернулась бы внутри себя и зачахла. Разве так не бывает? Революция помогла Корде проявить себя, полностью раскрыться. Политическая борьба была тем плодотворным полем, на котором подобные натуры предстают перед нами во всём своём блеске. Но и в «тихие» времена нет-нет, да совершается нечто подобное. Даже в самую мирную

эпоху рождаются свои Шарлотты Корде. Цели и способы у них, правда, иные, но натура всё та же. Натура... Вот что главное, вот что определяет всё! Эта натура не терпит никаких границ. Она преступает через все границы, через все нормы и уложения, и поэтому она преступна по определению. Чем тише эпоха, тем тише и банальнее преступление; чем громче эпоха, тем оно громче, невероятнее, поразительнее, тем более тяжелы и болезненны его последствия. Вот и вся разница.

* * *

Как это часто бывает в таких случаях, личность подлинной Марии Анны Шарлотты Корде, мелькнувшей на страницах истории подобно метеориту в ночном небе, окружена легендой. Легенда эта стала создаваться ещё её современниками и чуть ли не участниками событий. Находившаяся тогда во Франции английская писательница Мария Елена Вильямс отмечала, что в департаментах к смерти Марата относятся без особого интереса, но молодая женщина, убившая его, вызывает живое участие: «Скупые рассказы о ней собираются с жадностью и повторяются с восторгом. Французы одобряют (именно так: applaud) деяние, само по себе страшное и преступное, едва ли создавая его мотивы, и жертвенность молодой женщины кажется им чем-то необычайным»¹.

Случившееся в Париже 13 июля 1793 года привлекло к себе внимание всей Европы. Люди были чрезвычайно заинтригованы. И дело было вовсе не в убийстве видного политического деятеля, и даже не в убийстве как таковом, совершённом, к слову сказать, самым банальным и прямо-таки примитивным образом. Парижское происшествие вызвало широкий общественный резонанс только благодаря личностям убийцы и убитого. Это обстоятельство подметил Марк Алданов в своём эссе, посвящённом нашей героине: «История знает политические убийства, имевшие ещё большие последствия, чем дело Шарлотты Корде. Однако, за исключением убийства Юлия Цезаря, быть может, ни одно другое историческое покушение не поразило так современников и потомство. Для этого было много причин – от личности убитого и убийцы до необычного места действия: ванной комнаты».²

Сближать Шарлотту Корде с Аристогитоном, Брутом и другими классическими тираноубийцами ещё тогда же стали идейно близкие ей жирондисты. Луве де-Кувре, знавший Корде лично, во время своего изгнания и подполья написал «Гимн смерти», в котором назвал Марата «зверем», а его убийцу возвёл на героический пьедестал:

Свобода! Свобода! Тебя почитаем мы свято.
Дрожите тираны! Вы месть воскресили в сердцах!
Ненависть наша убила Марата;
Рядом с Брутом Корде мы поставим в веках.³

Но если бы дело заключалось только в этом – в том, что убийство Марата является ретроспекцией убийства Юлия Цезаря, а Корде стала новым Юнием Брутом, – вряд ли бы в течение двух с половиной веков личность Шарлотты продолжала привлекать общественное внимание не только во Франции, но и далеко за её пределами. Значит, здесь есть что-то ещё, более важное и интригующее.

В чём тут интрига? Какая здесь тайна или какой парадокс, заставляющий снова и снова внимательно приглядываться к нормандской дворянке, потрясшей Париж и всю Европу?

¹ Williams H. M. A Residence in France during the years 1792–1795. London, 1797. P. 301–307.

² Алданов М. Ванна Марата. // В кн.: Алданов М. Сочинения. Кн. 2. М., 1995.

³ Перевод В. Рождественского (1934 г.).

Кажется, наилучшим образом это сформулировала парижская «Газете Перле» тотчас же после процесса Корде:

«Она не выказала ни страха, ни угрызения совести. Она отвечала на все вопросы с ясностью и невозмутимым хладнокровием... Это зрелище злодейства, красоты и дарований, объединённых в одном и том же лице, этот контраст между тяжестью её преступления и слабостью её пола, её демонстративное удовлетворение [содеянным] и её улыбка перед судьями, которые не могли не осудить её, всё это производило на зрителей такое впечатление, которое трудно передать [словами]».

Это загадочная улыбка и это демонстративное удовлетворение содеянным глубоко врезались в память очевидцев и современников Шарлотты Корде. Другой жирондист Анри Шенье посвятил ей оду, в которой есть такие строки:

Услышать думали твои мольбы и плач;
А ты, не дрогнувши душой неженски твёрдой,
С улыбкой слушала презрительной и гордой,
Как смертный приговор произносил палач.

«Не по-женски твёрдая душа...» Несомненно, это была личность мессианского плана. Корде исполнила миссию, словно бы возложенную на неё свыше, и была этим удовлетворена. В чём-то процесс Корде перекликается с судом над Иисусом Христом, как он описан в Евангелиях. Только основатель христианства вёл себя перед судьями смиренно, а нормандская героиня как бы смотрела на своих судей сверху, со снисходительной улыбкой. Далее, в романе, который является, по сути, исторической реконструкцией, читатель найдёт даже слова Иисуса, которые Корде произносит перед аудиторией, – правда, в её собственном истолковании.

Молодая нормандская дворянка обладала харизмой, сопоставимой разве что с харизмой самого Марата, её жертвы. Почитатели Друга народа отводили ему роль пророка, мессии Революции, якобинского Иисуса. И действительно Жан-Поль Марат был харизматической личностью, вовлекающей в свою орбиту, очаровывающей и подчиняющей себе окружающих. Тем интереснее исследовать и наблюдать столкновение двух сильных личностей. Причём исход этого столкновения мог быть разным, и совсем не таким, который получился в результате нескольких случайных обстоятельств. И это мы также покажем в ходе исторической реконструкции.

* * *

Настоящий роман претендует на историческую и психологическую достоверность. Автор готов поспорить с каждым, кто скажет, что было не так. Впрочем, он согласен сбросить процентов 10 достоверности за счёт второстепенных деталей, недостающих в материалах дела, но которые были внесены им для полноты картины. Ещё в 10-ти процентах автор может быть неточен в различных бытовых подробностях. Но за остальные 80 он готов ручаться. Практически все действующие лица – это реально жившие люди, носившие те имена, которые они носят в этом романе. Лишь немногим из них, которые также реальны, но неизвестно, как их звали, автору пришлось присвоить подходящие фамилии.

Даже там, где не приводятся непосредственные документы (в тексте они выделены курсивом), нередко звучит подлинная речь заглавной героини. Располагая подробными записями допросов Марии Анны Шарлотты Корде, автор мог бы лишь точно следовать протоколам, заботясь только о правильном переводе языка оригинала на русский язык. Однако надо понимать, что в протоколах мы имеем дело не с буквальной цитатой, а её с канцелярской обработкой. Сама Корде ставила свою подпись под этими записями, признавая тем самым, что всё изло-

женное верно, но и она всего лишь соглашалась с общепринятыми тогда правилами протоколирования речи. Но запись речи и живая речь – не одно и то же. Поэтому надлежало по возможности реконструировать живую речь персонажей.

Автор стремился избежать всякого приукрашивания образа главной героини, что свойственно биографам и романистам, а также не допустить излишней драматизации событий (и без того драматичных), преследуя единственно достоверность, пусть даже в ущерб жанру. Поэтому мы видим не столько роман, сколько художественную реконструкцию реальных событий. Насколько удачна эта реконструкция, читатель может судить, рассматривая и изучая приложенные в соответствующих местах документы, в той или иной мере отражающие эти самые события.

* * *

Это повествование не только о Корде. Это рассказ о тех людях, которые встретились на её пути. Самые разные люди: народные депутаты и конторские служащие, путешественники и кучера, торговцы и слуги, полицейские и стражники, судьи и адвокаты. Длинная галерея лиц. Все они так или иначе были втянуты в громкую историю, случившуюся в Париже в июле 1793 года. Деяние приезжей нормандки разящим кинжалом раскололо их размеренную повседневную жизнь на две половины: до встречи с убийцей Марата и после встречи с ней. Многие из них испытали потрясение и одновременно проверку на прочность. И, увы, многие из них не выдержали этой проверки. Дело Корде как лакмусовая бумажка выявило и обнажило их истинную сущность, которая до этого была скрыта не только от окружающих, но подчас и от них самих. Они сами узнали о себе много чего нового.

Это повествование о людях ничем не выдающихся, совершенно неизвестных, которые и остались бы таковыми, не будь гражданки Корде. И только в этом нечистом и преступном деле они проявили как своё трезвомыслие, так и свою прирождённую мужественность. Каждый из них определённо рисковал, выказывая сочувствие или хотя бы проявляя человеческое отношение к ужасной преступнице, расправы над которой требовал весь якобинский Париж. Посреди грозного рокота и улюлюканья эти люди не дрогнули сердцем и честно исполнили свои служебные обязанности. А главное, они исполнили их с внутренним благородством, делая им честь, и с человеческой чуткостью, достойной восхищения.

Все события, описанные в романе, спрессованы в одиннадцать дней, и это сделала сама жизнь. Каждый из этих одиннадцати дней преисполнен динамизмом, но всё же всякий следующий день отчётливо отличается, отделяется от предыдущего, так что нет никакой необходимости разделять роман на части и главы: достаточно просто называть дни и числа.

Борис Деревенский
СПб, 1999–2003
2016–2017

Предупреждение

Известное всем имя – Шарлотта Корде – не аутентично. Полностью наименование нормандской дворянки, убившей Марата, было: Мария Анна Шарлотта Корде д'Армон. Сама же себя она называла: Мария Корде (иногда де-Корде). Так к ней обращались её близкие и земляки, знавшие её до поездки в Париж, так же она подписывалась, и так значилась в её паспорте. В исключительных официальных случаях она называла свои имена полностью, но никогда – в сочетании «Шарлотта Корде».

Первым публично назвал её Шарлоттой Корде депутат Шабо, выступая в Конвенте на другой день после убийства Марата. С подачи Шабо так же её стали именовать и в газетах. Даже бриссотинцы, бежавшие в Кан и знавшие Корде как Марию, после этого именовали её не иначе как Шарлоттой.

В поддельных письмах, написанных от её имени, также стоит подпись «Шарлотта Корде», что, кстати говоря, указывает на фиктивность таких документов. В этом романе, претендующем на документальность, восстановлено аутентичное наименование главной героини.

*Париж, 16 июля 1793 г.,
2-й год Французской Республики
Чрезвычайный Уголовный Трибунал*

Протокол допроса обвиняемой

Вопрос. Ваше [полное] имя, возраст и место рождения?

Ответ. Мария Анна Шарлотта Корде, двадцать четыре года, родилась в Линьери, округа Аржантана, департамента Орн.

В. Место проживания?

О. Город Кан департамента Кальвадос, улица Сен-Жан, 148.

В. Как давно и у кого вы живёте в Кане?

О. Я проживаю два года у своей кузины, вдовы Лекутелье де-Бретвиль.

В. Ваше положение до Революции 1789 года и сейчас?

О. До Революции я жила в пансионе при монастыре Аббе-о-Дам. Сейчас – домохозяйка.

В. Вы из дворян? Ваша прежняя фамилия?

О. Корде д'Армон.

В. Где ваши родители?

О. Мой отец проживает в своём имении в Аржантане. Мать умерла много лет назад.

В. Ваше семейное положение?

О. Не замужем.

В. Были ли вы судимы раньше по уголовному делу?

О. Ни по уголовному, ни по какому-либо иному. <...>

7 июля 1793 г., воскресенье

Кан, Гран-Кур. 3 часа пополудни

События развивались стремительно. В четверг 4-го числа в Кан съехались посланцы восьми департаментов Нормандии и Бретани. Всю пятницу шли переговоры с бежавшими из столицы депутатами, с членами повстанческого Собрания и с командующим Шербурской армией генералом Вимпфеном. Наконец в субботу решено было учредить «Центральный совет сопротивления насилию и угнетению», бросить клич ко всей нации и двинуть соединённые силы на Париж.

На следующий день в три часа пополудни провинциальный город оглушил барабанный бой. По случаю единения департаментов был дан общественный завтрак, после которого генерал Вимпфен устроил парад канского воинства.

Мария Корде услышала грохот барабанов, когда была в гостях у своей подруги Розы Фужеро. Они выглянули в окно и увидели горожан, спешивших на Гран-Кур. В ответ на их расспросы какой-то каменщик крикнул, что начинается поход на Париж и город провожает солдат. «Ах, Боже мой, они уже уходят! – вскричала Роза. – А ты, Мари, уверяла, что они простоят ещё неделю». – «Так мне сказал Бугон», – развела та руками. «Много знает твой Бугон, – отмахнулась подруга. – Ну, да ладно, чего теперь причитать? Бежим скорее!»

Бросив вязание, не успев даже толком одеться, подруги бросились на южную окраину Кана, куда стекался весь город. Ещё вчера гарнизон мирно ночевал по квартирам, офицеры играли в карты, а солдаты от скуки палили из ружей по пустым бутылкам. Теперь всё пришло в движение.

Гран-Куrom – «Большим Двором» горожане называли обширный участок, очищенный от травы и дёрна, на котором раз в год собиралась канская ярмарка. Теперь здесь было устроено нечто вроде парадного плаца. Посреди площади стоял наспех сколоченный из досок высокий помост с деревянными же перилами. На этом помосте, громко называемом трибуной, локоть к локтю теснились бежавшие из Парижа депутаты, комиссары департаментов, а также представители местных властей. Перед ними стояли побатальонно солдаты генерала Вимпфена, а позади помоста и вокруг всё было запружено народом.

В тот момент, когда Роза и Мария прибыли на Гран-Кур, глаза всех были устремлены на дощатое сооружение, с которого обращался с речью к собравшимся статный красивый молодец в тёмно-коричневом фраке и высокой английской шляпе, с разметающейся по плечам густой гривой чёрных волос. Нормандским провинциалам он представлялся каким-то ослепительным, почти неземным существом, – столько в его облике было для них нового, неожиданного, смелого, свежего, столичного. Это был Шарль Барбару.

– Французы! Потом и кровью вы добились свержения монархии и установления республиканского правления. Ваши представители, избранные всеми вами, отправились в Париж, чтобы издать справедливые законы. Они стоят здесь, рядом со мною. Но почему же они не в Конвенте? Почему одежда их изорвана, почему их лица покрыты пылью? Потому что они подверглись насилию самым гнусным, самым варварским образом. За то, что они защищали Закон, отстаивали права добродетельных граждан, за это на них набросилось парижское отребье, все янычары и гайдуки Марата, – за это на них были направлены пушки, за это их подвергли аресту. Ещё немного, и они легли бы под нож гильотины. Но им удалось бежать из захваченного анархистами города, и вот теперь они стоят перед вами, оскорблённые и возмущённые так же как и вы.

Не столько даже смысл слов выступающего, не суть его речи, а самый его вид, звенящий голос, взмах чёрных кудрей, решительные и вместе с тем изящные движения рук совершенно завораживали слушающих.

– Итак, произошёл переворот. Древо Свободы подрублено, Республика в смертельной опасности. В этот час никто не может остаться в стороне, никто не вправе терпеть бесчинства разбойников, нагло захвативших власть и попирающих законы. Восемьдесят департаментов возмущены наглостью парижских санкюлотов. Повсюду вооружаются граждане на защиту Закона; шесть тысяч марсельцев уже идут на Париж, департамент Эр готовит четыре тысячи добровольцев, все каработы⁴ Кальвадоса⁵ встали под ружьё. Французы, вам известны ваши враги. Восстаньте! Идите! Поразите преступную клику, посягнувшую на ваших избранников. Вы знаете вождей этой клики, упивающихся кровью невинных жертв. Вы знаете её трибунов, увлекающих страну в пучину анархии. Никто из них не должен остаться безнаказанным. Исполнение Закона или смерть!

Барбару закончил выступление под гром оваций и многократно повторяемое, как эхо:

– Да здравствует Республика! Да здравствует Закон! Смерть анархистам!

Кричали все, начиная от городских старожилов, едва приволочивших ноги, и кончая босоногими мальчишками, гроздьями висевших на ветвях деревьев.

Антиправительственного энтузиазма гражданам Кальвадоса было не занимать. Ещё в начале июня, сразу же после известия об аресте в Париже тридцати двух депутатов-бриссотинцев⁶ Кан разразился нешуточным гневом. Директория департамента постановила считать этот акт оскорблением народа, избравшего этих самых депутатов, и объявила себя в состоянии законного восстания (*d'insurrection légale*) против «нового Рима». Вернувшаяся из Парижа департаментская делегация (посланная туда на помощь партии Бриссо и ставшая свидетельницей её падения) ходила по секционным собраниям и живописала ужасы, творившиеся в столице. Канские якобинцы объявили, что они не имеют ничего общего с парижскими якобинцами. В довершение всего были взяты в заложники комиссары Горы Ромм и Приёр, находившиеся в соседнем городке Байё⁷; их доставили в Кан и посадили под арест в так называемой Испанской гостинице. Это был уже открытый вызов Парижу. Беглецы-бриссотинцы знали, где искать убежище.

– Да здравствует департаментская армия! – воскликнул Барбару, и следом за ним это повторила вся площадь.

Присутствующие не сводили с оратора восхищённых глаз. Трактирщики, сыровары, булочники, швеи, судомойки как эхо, повторяли его имя. Всех в Кане покорила этот черноволосый марселец, самый энергичный, самый молодой из бежавших в Кан депутатов, – «наш Алкивиад», как говорила о нём мадам Ролан, или «Антиной Жиронды», как назвал его Робеспьер.

⁴ *Каработы* (*carabots*; этимология не ясна) – так во время Революции назывались революционные пролетарии в различных нормандских городах, а также их общества. В протоколе Общества каработов Кана от 12 февраля 1793 г. так объясняется название этого объединения: «Название эквивалентно имени санкюлотов. Шуточный и пренебрежительный эпитет этот был дан аристократией в начале Революции офицерам национальной гвардии из-за их горячей любви к Свободе, и они сохранили его по настоящий день». Следуя мемуарам Петиона, общество каработов Кана было настоящим ужасом для аристократии, а его глава считался «отцом народа». Однако, несмотря на идейную близость к парижским санкюлотам, в 1793 г. каработы Кана стали опорой бежавших в Нормандию жирондистов и ядром федералистской армии, выступившей против Горы и Коммуны Парижа. Это один из самых загадочных парадоксов Революции.

⁵ Департамент, образованный в 1791 г. на территории бывшей провинции Нормандии с административным центром в городе Кане.

⁶ *Бриссотинцы* (по имени лидера фракции Ж. П. Бриссо) – первоначальное название жирондистов, употребляемое в описываемое время. Сам Бриссо в письме от 11 января 1793 г. так отзывался об этом: «Эти названия, столь часто повторяемые: бриссотинцы, жирондисты, основаны на ироническом обращении к ним тех, кому знакомы эти лица; разумеется, в этих названиях отражены также честность, таланты и доверие, которыми обладают Бриссо и депутаты Жиронды».

⁷ *Байё* – второй по величине город департамента Кальвадос, лежащий западнее Кана.

– Тебе он нравится? – простодушно спросила Роза, склоняясь к уху Марии. – Что до меня, то я, кажется, от него без ума. Вот настоящий кавалер! Не то, что наши неотесанные грубияны. Красив, умен, изящен, и при этом как мужественен! Правда, скажи?

– Правда, правда, – отвечала Мария со смехом. – Но как же твой Капитен?

– По сравнению с ним и мой Капитен, и твой Бугон просто увальни.

– И что же, Роза, ты уже представлена ему?

– Ещё нет. А ты?

– Вроде бы да... – молвила Мария. – Мы беседовали как-то с полчаса или более.

– Беседовали?! – изумилась Роза. – Ух, ты! Что же ты молчала? Ни слова лучшей подруге!?

– Но это было ещё до твоего приезда.

– Всё равно. И где ты с ним виделась?

– В Интендантстве. Приходила на приём к представителям. И попала к нему.

– Тс-с! – Роза приложила палец к губам. – Сейчас не будем отвлекаться. Но после парада, клянусь небом, ты расскажешь мне обо всём в мельчайших подробностях. И если выяснится, что ты перешла мне дорогу и занималась с ним амурами, то я проломлю тебе голову камнем. Договорились?

Тем временем митинг на Гран-Куре продолжался. После Барбару с высоты помоста выступили Бюзо и Гюаде. Их речи мало чем отличались от речи Барбару; разве что им не доставало её страстности. Оба оратора заклеили Гору как виновницу ужасной резни в Париже в сентябре прошлого года, когда было зверски растерзано, по их словам, десять тысяч арестантов, и теперь, чтобы предотвратить повторение такого же по всей стране, все добрые граждане должны взяться за оружие, идти в Париж и ниспровергнуть «шайку маратистов».

Никто из выступавших не допустил даже туманного намёка на то, что нужно выступить против Конвента. Само слово «Конвент» было для каждого француза священным (почтения к нему не питали лишь роялисты-эмигранты, да мятежники-вандейцы), как в прежние времена понятия «король», «Бог» или «Церковь». Боже упаси, никто и не собирается бороться с Конвентом! Напротив, ораторы призывали выступить за Конвент, – то есть за новый Конвент, очищенный от узурпаторов-монтаньяров. Стоявшие на помосте шестнадцать беглых депутатов как бы олицетворяли собою этот будущий, очищенный и свободный Конвент.

– Уже знамёна Кальвадоса, Иль-и-Вилена и Эра собрались при криках общей радости, – заключил свою речь Гюаде. – Уже ваш авангард стоит в Эврё, – всё возмутилось против анархистов. Вы хотите, чтобы они были наказаны, и они будут наказаны! Да, они будут наказаны, творцы сентябрьских убийств, те, которые всеми средствами добивались учреждения триумвирата, чтобы отдать власть Марату и его подлым сообщникам; те, которые давно уже, с первых дней Конвента готовили его низложение и роспуск.

Канские патриоты ответили шумной овацией. Солдаты запели «Марсельезу нормандцев», сочинённую бриссотинским поэтом Жире-Дюпре, опубликованную в «Афише Кальвадоса» и разученную накануне в казармах:

Город республиканцев возвышенный,
О Кан, ты северный Марсель!
И на знамёнах твоих написано:
«Господство Закона или смерть!»⁸
В чертогах своих, в своём сердце
Укрыл ты народа избранников, —

⁸ «L'exécution de la Loi ou la mort» – девиз Общества каработов Кана, ремейк на общереспубликанский лозунг: «Свобода, Равенство, Братство или Смерть».

Вся Франция теперь твоя данница,
И слава твоя не померкнет!

К оружию, граждане! сокрушим разбойничью банду!
Закон – единственный зов, который слышат нормандцы.

Вслед за солдатами песню подхватили многие собравшиеся на Гран-Куре:

Святой Закон, Свобода, Народ
Ведут нас сквозь бури и беды;
Ведь против анархии идём мы в поход
И возвратимся после победы.
О, жертвы сентябрьского глумленья,
Мы отомстим за вашу смерть, ваши раны!
Франция, мы избавим тебя от тиранов;
Они искупят свои преступления.

К оружию, граждане! сокрушим разбойничью банду!
Закон – единственный зов, который слышат нормандцы.

Рядом с Барбару на помосте стоял человек невысокого роста, с блеклыми впалыми глазами, без парика, уже заметно лысеющий, несмотря на свою молодость. На вид никто и не подумал бы, что этот щуплый неказистый субъект и есть знаменитый Луве де-Кувре, автор романа «Любовные похождения кавалера де-Фоблаза», наделавшего много шума в предреволюционные годы.

– Гляди-ка! – подмигнул он Барбару, кивая в толпу. – Опять эти аристократки. С тех пор, как мы в Кане, они не отходят от нас ни на шаг.

– Где?

– Вон, стоят в тени дерева. Две девицы в белых платяницах, машущие косынками. О, да они даже поют! Ты не находишь это забавным, Шарль? Баронессы и виконтессы затягивают нашу «Марсельезу».

Луве был в своём духе. Уже перестав описывать прелести салонных красоток, приняв на себя звание депутата и борца за народное счастье (Манон Ролан сравнивала его с Филопемном), он по-прежнему провожал пристальным взором каждую проходящую мимо женщину.

– Ту, что повыше, я знаю, – сказал Барбару. – Это Корде. Она приходила вместе со слугою к нам в Интендантство. А кто рядом с ней?

– Её подруга, мадемуазель Фужеро. Недавно приехала из Байё. Неужели ты с ней до сих пор не знаком? Это на тебя не похоже.

– Нет, не знаком, – молвил Барбару задумчиво. – По мне, так гораздо интереснее гражданка Корде. Правда, что она правнучка Корнеля?

– Это она тебе сказала? Вполне может быть. Мне говорили, что Корде д'Армон – старинный баронский род, корни которого уходят в глубину веков. Не удивлюсь, если в числе её предков был сам Вильгельм Завоеватель. Однако, Шарль, советую тебе быть поосторожней, – Луве кивнул через плечо на светловолосого молодца в мундире, стоявшего на помосте позади депутатов. – Говорят, что она пассия Бугона-Лонгре, прокурора-синдика здешнего департамента, и что он давно уже опекает её.

Барбару повернул голову, взглянул на орлиный нос и гордо выпяченную грудь наречённого жениха и ответил с подчёркнутым равнодушием:

– Я думаю, они будут хорошей парой.

Митинг близился к концу. Последним из бриссотинцев слово взял Петион, чувствовавший себя вождём всей группы депутатов и поэтому обязанный как бы обобщить сказанное. На федералистском собрании его единодушно избрали почётным председателем «Центрального совета». В коричневой шинели⁹ с отложным бархатным воротником ярко-красного цвета, в белом фланелевом жилете с огромными серебряными пуговицами, в щедро напудренном парике, он и в изгнании сохранял важный вид, бывший мэр Парижа, первый председатель Конвента, которого столичная толпа титуловала некогда «королём Петионом».

– Силы департаментов, направляющиеся к Парижу, – заявил он, – идут туда не затем, чтобы искать встречи с врагами для борьбы с ними, а для того, чтобы побрататься с парижанами и утвердить колеблющуюся статую Свободы. Граждане, когда вы увидите, как эти дружественные войска будут проходить по вашим дорогам, по вашим городам и вашим сёлам, побратайтесь с ними. Не допустите, чтобы среди вас появились враги Свободы и человечества и остановили их во время их шествия. Оказывайте этим патриотам всемерное содействие, предоставляйте им кров и пищу, присоединяйтесь к ним в их благородном порыве!

В шумной овации никто не обратил внимание, что речь Петиона разительным образом отличалась от той речи, которую произнёс Барбару, а также от выступлений Бюзо и Гюаде. Она совершенно дезавуировала их. Словно бы в пламенеющий огонь плеснули водой, горящие угли посыпали песком. И если предыдущие ораторы, по возможности избегая имён, называли только всем ненавистного Марата, говорили в общих словах о «триумvirате» и «шайке мара-тистов», то Петион настолько тщательно замаскировал призыв к гражданской войне, что его бы не обнаружил и самый придирчивый трибунал.

После такой речи петь подстрекательскую «Марсельезу нормандцев» было неуместно, поэтому с подачи Салля и Валади площадь затянула общенациональную Карманьолу, делая особое ударение на следующем катрене:

Друзья, в согласие мы сильны,
Врагов бояться не должны.
Пусть вздумают напасть на нас, —
Бежать заставим их тотчас.¹⁰

Наверное, громче всех Карманьолу распевали наши подруги, так что даже стоящий за спинами депутатов Бугон-Лонгре услышал их голоса и разглядел их лица. Он тут же спустился с помоста, и, растолкав толпу, пробрался к двум барышням:

– Что же вы тут стоите? Идёмте за мною, я проведу вас на трибуну.

– Правда!? – воскликнула Роза, хлопая в ладоши. – Ух, как здорово! Значит, мы увидим всё-всё...

Энергичный кавалер подхватил дам под руки и пустился с ними в обратный путь сквозь плотные ряды зрителей.

– Сегодня, дорогая Роза, вы просто сияете от счастья, – говорил он по пути, кланяясь мадемуазель Фужеро. – В этом повинен наш митинг или есть причина повесомее? Получили весточку от Капитена?

– От Капитена? – переспросила Роза. – Вовсе нет. Третий месяц не имею от него никаких известий.

– Не переживайте, – посочувствовал Бугон. – Он вам обязательно напишет. Уж я-то знаю, как он обожает вас.

⁹ Шинелью (*chenille*) в то время назывался удлинённый редингот, прообраз пальто. Женщины носили приталенную шинель.

¹⁰ Перевод А. Ольшевского (1934 г.).

– С чего вы взяли, что я переживаю? Какой вы смешной, Жан Ипполит! – отмахнулась она и залилась лёгким беззаботным смехом.

Бугон окинул её взором с головы до ног и подумал, что такой ослепительной красоте сердечные переживания, в самом деле, ни к чему; для этого вокруг неё есть восторженные воздыхатели. Прекратив разговор с мадемуазель Фужеро, Бугон склонился к уху Марии:

– Сегодня, перед сном, я зашёл за вами в Большую Обитель, но ваша кузина сказала, что вы в гостях у мадам Мальфилатр. Тогда я направился туда и опять не застал вас.

– Правильно, – отвечала она. – Я недолго пробыла у мадам Мальфилатр. Оттуда я поспешила к Фужеро, потому что мы должны были с ней кое-что обсудить.

– У меня такое впечатление, Мари, что вы избегаете меня. Вчера вы умчались куда-то, едва мы поздоровались, а сегодня я вовсе не могу вас найти.

Мария готовилась к этому вопросу.

– Почему я должна вас избегать?

– Не знаю... – прищурился прокурор-синдик. – Для меня это загадка. Уже второй месяц, как вы не отвечаете на мои письма, хотя я пишу их с прежним усердием и прежней почтительностью. Я не встречаю вас больше в салоне гражданки Левальян, вы не заходите в нашу администрацию. За что такая немилость? Я чем-то вас обидел?

– Ничем.

– Что же тогда? – не отступал Бугон. – С тех пор, как вы вернулись из поездки в Аржантан, вас словно бы подменили. Да-да, в конце апреля... Я тогда был по делам в Париже, а когда приехал, то не мог вас узнать. У вас появился кто-то другой, который занял моё место?

– А у вас было место? – тут же парировала Мария.

– Полагаю: да. Во всяком случае, наши отношения давали мне право надеяться...

В этот момент на площади вновь зазвучала барабанная дробь. Речи депутатов закончились; начинался парад гарнизонного войска.

– Скорее, скорее! – вскрикнула Роза, прибавляя шаг.

Хотя Бугон и доставил подруг к крутой лестнице, ведущей на помост, подняться вместе с ними не смог. На всех ступенях теснились чиновники и служащие, не реагирующие на крики и требования прокурора-синдика. Помощь пришла с неожиданной стороны. На помосте, прямо напротив лестницы стоял Петион. Услышав за спиною шум, он обернулся, нахмутив брови, но при виде двух молодых особ лицо его прояснилось:

– Пропустите здешних патриотов! Пропустите гражданку Корде и её подругу!

Как славно, что он вспомнил Марию, хотя до этого видел её лишь мельком, когда она приходила в Интендантство. Его зычный, закалённый на митингах голос возымел своё действие. Толпа немного расступилась, подруги пробрались по лестнице наверх, причём Петион протянул им руки, поднял на помост и поставил рядом с собою, у самых перил, на виду у всей площади. Быть может, ему показалось не лишним, чтобы скученную мужскую группу на «трибуне» разбавляла пара изящных женских фигур, а возможно, он подумал, что на их фоне он сам будет лучше смотреться. Как бы то ни было, Роза и Мария оказались в центре событий, между тем как их попечитель Бугон-Лонгре застрял внизу. Впрочем, Роза о нём уже забыла, а Мария радовалась, что избавилась от его назойливых расспросов.

Генерал Вимпфен взмахнул саблей. Два батальона из его бывшего Шербурского войска и отряд национальных гвардейцев Кана, поблёскивая начищенными штыками, сделали разворот и под грохот барабанов начали парадное шествие.

Здесь же, рядом с «трибуной» велась запись в федералистскую армию добровольцев из числа местных жителей. На плакате, протянутом над записными столами, было написано крупными буквами: «Французы, вставайте с оружием в руках на защиту поправленного Закона!». К концу парада к этим столам подбежало десятка два канских парней, воодушевленных речами депутатов и готовых пожертвовать своими жизнями ради восстановления конституционного

порядка в стране. Даже этот мизерный контингент (вокруг стояло до тысячи здоровых мужчин, которые так и не двинулись с места) привёл горожан в ликование. «Да здравствуют наши герои! Да здравствуют каработы!» – кричали им со всех сторон. Женщины взмахивали шарфами и чепцами, а у Марии от переизбытка чувств на глаза навернулись слёзы. Глядя на неё, прослезилась и Роза.

– Вы плачете, Корде? – спросил Петион, удивлённо поднимая брови. – Отчего же? Ах, кажется, я вас понимаю... Вам стало жаль этих цветущих, прекрасных юношей, ваших друзей и сверстников, которые теперь пойдут в пекло войны, и вероятно, – что делать, такова солдатская доля! – не все из них вернутся назад. Может быть, среди них есть и тот, который особенно дорог вашему сердцу? Да-да, я отлично понимаю вас...

– Ничего вы не понимаете, Петион, в моих слезах! – резко оборвала его Мария, и слёзы её мигом просохли. – Вы мерите всех женщин одной меркой, и все они для вас – легкомысленные ветреные существа, не мечтающие ни о чём другом, кроме плотских удовольствий.

– Это слёзы гордости за наших солдат, – пояснила Роза Фужеро.

Петион несказанно дивился, слушая юных провинциалок. Воображавший себя знатоком женской природы, кумиром столичных дам, очаровавшим саму принцессу Елизавету, он воспринял слёзы двух изнеженных барышень всё с той же хвалёной «проницательностью», какою отличался и в политике. Всё ещё отказываясь поверить, что его стрела пролетела мимо цели, он пытливо спросил:

– Может, оно и так, но скажите-ка мне, положив руку на сердце: разве вам не было бы приятно, если бы они вовсе не уходили отсюда?

При этих словах Мария отвернулась от Петиона, не в силах более вынести вида его мясистого одутловатого лица, на котором играла самодовольная усмешка. До окончания парада она больше ни словом не перемолвилась с парижским «королём».

После того, как воинская колонна во главе с генералом Вимпфеном прошествовала к выходу из города (можно подумать, прямо в поход) и помост стал понемногу пустеть, Мария сухо поклонилась сановному благодетелю и дёрнула Розу за рукав, увлекая её за собою на лестницу. Последняя сопротивлялась и медлила, надеясь оказаться рядом с Барбару. Однако марселец продолжал о чём-то беседовать со своими коллегами-депутатами и, казалось, вовсе не замечал присутствия на «трибуне» двух девушек. Что же до Бугона-Лонгре, застрявшего внизу, то он был оттеснён спускающимися по лестнице представителями народа, так что подруги уже не встретили его на пути, о чём, впрочем, не очень сожалели.

– Ты такая храбрая! – сказала восхищённая Роза, когда они удалились от Гран-Кура на порядочное расстояние. – Так смело говорила с этим, в парике... Он даже оторопел. Правильно, так и надо. Я тебя поддерживаю. В самом деле: отчего столь пренебрежительное отношение к нашему полу? Кем нас считают? Мы и не девочки уже: тебе двадцать четыре, мне двадцать два. В таком возрасте мужчины уже командуют батальоном, а то и полком.

– Подожди немного, – молвила Мария приглушённым голосом. – Скоро они расскаются в своих сомнениях на наш счёт. – Её глаза устремились куда-то вдаль, и в них зажёгся какой-то странный огонёк, – Да, расскаются... *Gladius, gladius exacutus est et limatus, ut caedat victimas exacutus est, ut splendeat limatus est!*¹¹

– Это по-латыни? – спросила Роза. – Из Цицерона? Звучит как-то угрожающе...

– Это из Библии.

– Из Библии?! О чём же это?

– Мне трудно перевести.

– Какая ты интересная! Помнишь то, что читали в монастыре...

¹¹ «Меч, меч наострён и вычещен; наострён для того, чтобы больше заколоть, вычещен, чтобы сверкал как молния» (лат.) – Иез 21:9–10.

– Нет, этого там не читали.

Донесение в Комитет общей безопасности от 8 июля

Город Кан, департамент Кальвадос, 8 июля 5-го года Свободы, 2-го года Республики единой и неделимой.

Петион, Салль, Бюзо и Барбару по очереди выступали в прошлую пятницу на собрании посланцев восьми департаментов Нормандии и Бретани. Они призывали уничтожить якобинцев, сокрушить Гору, разогнать Конвент и потопить в крови Парижский муниципалитет. В результате этих подстрекательских речей было постановлено создать особый Совет, который займётся формированием федералистской армии числом в десять или пятнадцать тысяч человек, чтобы идти походом на Париж. Командующим этой армией избран генерал Вимпфен. Вчера, в воскресенье, на Гран-Куре состоялся смотр собранных к этому времени сил – около шестисот солдат. Хотя Барбару, Бюзо, Гюаде и Петион опять держали подстрекательские речи, под их знамёна вступило только семнадцать добровольцев вместо ожидаемых многих сотен.

Однако мятежники всё ещё не теряют надежды собрать многочисленное войско. Ожидается прибытие трёх батальонов из Бретани. Передовому отряду, находящемуся в Эврё, состоящему из драгунов Ла-Маниша и стрелков Эра, общим числом в четыре сотни сабель, отдан приказ начать движение на Париж по дороге через Пасси, Брекур и Мант.

Настоящее письмо доставит вам добрая гражданка, являющаяся истинной республиканкой.

Спасение и братство!

Гражданин П. Л.,

член Общества друзей Республики города Кана.

P.S. Представителей [народа], заключённых в Испанской гостинице, перевели в донжон городского замка и усилили охрану. Нет никакой возможности связаться с ними.

*** * ***

Пятый год Свободы... Ослепительное солнце сияло над Каном, щедро заливая светом его небольшие улицы, узкие переулки и крохотные дворики. Прошедший военный парад понемногу перерастал в общегородское празднество и народное гулянье. Были открыты все кабачки и закусочные, отовсюду неслись смех и веселье. Мужчины и женщины, взявшись за руки, отплясывали карманьолу. Давно уже Кан не испытывал такого приподнятого настроения. Сказать по правде, город привёл себя в более или менее благопристойный вид только с появлением парижских гостей. Шестнадцать членов Национального Конвента, хотя и беглых, – в заштатном городке это было совершенно небывалым событием (впору открывать маленький Конвент) – заставили канцев позабыть о своих внутренних склоках и почувствовать себя ответственными за судьбу всей страны. До приезда депутатов тут творилось бог весть что. Если рассказывать всё по порядку, получится история не менее бурная и не менее драматичная, чем громкие события в Париже.

Поначалу разбуянилась деревенская округа. Хотя нападения на помещичьи амбары и усадьбы происходили и раньше, но делали это не столько крестьяне, сколько бродячие шайки, внезапно выскакивающие из леса и скрывающиеся в нём вместе с награбленным добром. Теперь же к ним всё чаще стали присоединяться местные жители, деревенская голытьба, всякие оборванцы, гуё¹². Помещики яростно защищали своё имущество, и тогда их стали резать, а усадьбы жечь, – сперва как бы случайно, в пылу возмущения, а затем всё более целенаправленно и ожесточённо. Помещики бросали имения и вместе с семьями спасались в городах. За год с небольшим в Кан переселилось от трёхсот до четырёхсот дворянских семей, либо купивших жильё, либо разместившихся у своих родственников.

Впрочем, в городе тоже становилось беспокойно. В питейных заведениях собирались местные санкюлоты (в Нормандии их называли *каработами*), зрело недовольство, раздавались угрозы, и можно было не сомневаться, что рано или поздно бунтари перейдут от слов к делу. Расправы начались уже летом 89-го года. Хлеботорговец Пажоль был обвинён в том, что скупал повсюду хлеб и уничтожал его, чтобы обресть людей на голод. Сбежавшаяся голытьба взломала замки и обшарила амбары Пажоля в поисках горелого зерна, а его самого потащила на суд в муниципалитет. Два бравых карабата тянули верёвку, привязанную к шее перепуганного торговца, а бегущая справа и слева толпа награждала вредителя тумками.

Счастливый господин Пажоль! – он отделался шестью месяцами тюрьмы и конфискацией имущества. В других городах богачей просто вешали. В Ренне при стечении народа на площади был забит до смерти майор королевской пехоты Бельзунс, дальний родственник настоятельницы монастыря Аббе-о-Дам, при котором воспитывалась Мария. Его тело разрубили на части, после чего реннские женщины, подёнщицы и прачки, насадили эти куски на веретена и торжественно носили по городу. «Женщины во сто крат более жестоки в своих ужасных увлечениях», – писал с горечью Бомарше, автор «Женитьбы Фигаро», после того, как к нему в дом, в Париже, нагрянула с обыском толпа революционных фурий, и он едва спасся чёрным ходом.

Итак, 89-й и 90-й года стали в Нормандии едва ли не самыми кровавыми. Революция ещё толком не вступила в провинцию, а жертвы её исчислялись уже сотнями. К своему счастью Мария Корде не застала этого всплеска насилия, поскольку до февраля 91-го года оставалась жить в пансионе при монастыре; затем, после его закрытия, провела некоторое время в отцовском поместье и появилась в Кане лишь в июне того года. Обо всех этих стихийных расправах она знала лишь понаслышке, по рассказам подруг и знакомых, и искренно разделяла их возмущение. Ей было очень обидно, что великие идеи Руссо и Рейналя о всеобщем равенстве и братстве так безбожно извращаются тёмными, необразованными и сомнительными личностями, которым почему-то всегда достаются первые роли в народном движении.

Революция вступила в Кан в виде трёхцветных знамён, красных фригийских колпаков, патриотических лозунгов и вороха хлёстких брошюр. Слово «аристократ» стало синонимом слову «кровопийца». Городской муниципалитет объявил себя Домом Коммуны, городская милиция – Национальной гвардией, а всё мужское население было приведено к присяге на верность Конституции. Город разбили на пять секций: Свободы, Гражданственности, Стойкости, Равенства и Единства. Почти все улицы были переименованы: улица Сен-Пьер стала улицей Революции, Темничная улица – улицей Свободной Нации, а улица Сен-Жан, на которой проживала Мария, сделалась улицей Равенства. На Королевской площади сбросили статую Людовика XV и посадили Древо Свободы, перед собором Сен-Пьер соорудили Алтарь Отечества, а в каждом учреждении установили бюсты Катона и Брута (позже к ним присоединился бюст Лепелетье).

¹² Гуё (*gueux*) – букв. «босяк (-и)», в годы Революции собирательный термин, обозначающий, с одной стороны, нищих, бродяг, людей низкого сословия, а с другой стороны – негодяев, смутьянов, бунтовщиков.

В конфискованной церкви Сен-Жюльен открылось Общество друзей Конституции, иначе говоря, местный Якобинский клуб, уменьшенная копия знаменитого парижского клуба. Вступительный взнос составлял шесть ливров; женщины не принимались, но им было позволено наблюдать с церковных хоров за шумными сборищами своих революционных мужей и братьев, а иногда даже участвовать в прениях.

В театре шли трагедии: «Коварство бывших королей», «Преступления феодализма», «Жертвы монастырей», комедии: «Королевская оргия или пирушка Австриячки»¹³, «Тайные утех епископов», «Бракосочетание Папы». То, чему вчера ещё поклонялись и перед чем благоговели, было подвергнуто беспощадному бичеванию.

Представления чередовались с выборами: на оглушительных, орущих до хрипа собраниях избирали то заседателей совета Коммуны, то депутатов Законодательного собрания, то членов департаментской директории, окружного и городского суда, то, наконец, попечителей сиротского приюта.

Число торжеств превысило всякие разумные пределы. Помимо общенациональных ежегодных праздников вроде 14 июля¹⁴ и 10 августа¹⁵ департаментские власти учредили собственные праздники и памятные дни; так же поступала городская Коммуна и почти каждая секция. Еженедельно устраивались парадные шествия с барабанным боем, сверкали фейерверки, зажигались бумажные лампионы, мужчины и женщины прогуливались, украшенные трёхцветными республиканскими лентами, танцевали, распевали Карманьолу и заключали друг друга в патриотические объятия (*l'accolade patriotique*).

Но все эти внешние атрибуты народного счастья не могли ни смягчить людские сердца, ни уменьшить насилия, пустившего в обществе глубокие и прочные корни. 23 августа 91-го года Якобинский клуб Кана опубликовал полный список переехавших в город аристократов, которые в опасении за свою жизнь покинули окрестные поместья. Список сопровождался точным указанием их места жительства и размеров годового дохода. Тем самым была указана цель и дан сигнал к травле.

С тех пор какие только обвинения не звучали в адрес титулованных особ! Это они, подлые кровопийцы и извечные враги народа вызвали дороговизну продуктов, из-за них произошло несколько пожаров, из-за них рухнул во время праздника крытый павильон и побил людей, потому что были подточены его опоры. А когда в городе внезапно распространилась оспа, уже никто не сомневался, что её нарочно занесли вредоносные аристократы. Не проходило недели, чтобы ретивые клубисты не возбуждали судебное преследование против какого-нибудь дворянина, благо городской муниципалитет, то бишь Коммуна, была в их руках.

Преследуемые, в свою очередь, искали поддержки в окружной администрации и в директории департамента, где они имели немало сочувствующих. Бывшие маркизы, бароны и шевалье инстинктивно потянулись друг к другу; у них даже образовалось нечто вроде своего клуба с членскими взносами, печатным органом и вооружённой охраной. На заседаниях этого общества поговаривали, что надо приложить все усилия, чтобы провести в Коммуну своих людей и что прежнее наплевательское отношение к выборам в местные органы власти было непростительной ошибкой. Известие об этом особенно встревожило клубистов: они поняли, что противник не думает капитулировать и даже напротив, готовится перейти в наступление. К ноябрю 91-го года положение обострилось настолько, что открытое столкновение стало неминуемым.

Поводом к нему послужило письмо тогдашнего министра внутренних дел Делесара, направленного городской Коммуне, в котором требовалось неукоснительно соблюдать прин-

¹³ Имеется в виду королева Мария Антуанетта, которая была австрийской принцессой.

¹⁴ Праздник в честь падения Бастилии 14 июля 1789 г., называвшийся в Париже сначала «праздником копий», а затем праздником Федерации.

¹⁵ 10 августа 1792 г. был взят штурмом королевский дворец Тюильри в Париже.

цип свободы культов и не чинить никаких притеснений неприсягнувшим священникам¹⁶. К этому времени большинство непокорных кюре было уже изгнано из своих приходов, и на их месте служили мессу сознательные пастыри, признавшие Революцию.

Письмо Делесара ободрило всех «бывших». На другой день неприсягнувший кюре Бюнель в сопровождении своих каноников, певчих и большой толпы аристократов явился в отобранную у него церковь Сен-Жан, выпроводил из неё конституционного «самозванца» и отслужил торжественную мессу с пением «Te Deum»¹⁷. Со всех концов города к церкви потянулись верующие, обрадованные возвращением любимого пастыря. Клубисты тут же забили тревогу; не мешкая, собрался генеральный совет Коммуны, в церковь были посланы муниципальные офицеры, следом стали подтягиваться части национальной гвардии. Обстановка накалялась с каждой минутой. Возникшая у дверей церкви перепалка между патриотами и аристократами быстро переросла в кулачный бой, закончившийся перестрелкой на близлежащих улицах и на площади Сен-Совер. С обеих сторон в ход пошли сабли, пистолеты и фузеи. Четверо клубистов получили тяжёлые ранения. Справиться с аристократами смогла лишь подоспевшая национальная гвардия.

Коммуна не сомневалась, что имеет дело с контрреволюционным мятежом. Немедленно начались аресты руководителей путча и просто подозрительных лиц. Облава продолжалась до глубокого вечера; было схвачено до двухсот человек, которых заперли в городской цитадели. Клубисты вкушали победу, но для полного удовлетворения им не хватало лавров спасителей Свободы. Они искали *настоящие улики*. Когда у одного из задержанных обнаружили письмо под названием «проект объединения (projet de rassemblement)», победители исполнились истинным вдохновением: ещё бы, раскрыт злодейский заговор, направленный на истребление народной власти! Работа Коммуны закипела с новой силой. И не беда, что в пылу следствия главою заговорщиков записали бывшего маркиза, возраст которого перевалил за 77 лет и который едва шевелил языком; главное – теперь есть о чём говорить народу и рапортовать в Париж.

Впрочем, столица не торопилась поздравлять провинциальных героев. Департаментские власти доложили Законодательному собранию иную версию происшедшего, а генеральный прокурор-синдик Кальвадоса мсье Байё прямо обвинил Коммуну Кана в раздувании ажиотажа и превышении своих полномочий. Для обеспечения порядка в Кан были направлены линейные войска, не подчинявшиеся местной Коммуне. Клубисты восприняли это как тяжкое оскорбление, и хотя затем Законодательное собрание декретировало предание суду 84-х арестованных ими заговорщиков, включая и 77-летнего маркиза д'Эрици, обида на парижские власти надолго запала в душу канских патриотов. Не потому ли через полтора года они поддерживали бежавших из Парижа депутатов и оказались в авангарде федералистского движения?

Как бы то ни было, первая победа, пусть и не полная, была ими всё же одержана. Город Кан очистился от проклятых аристократов, а в церкви Сен-Жан вновь воцарился конституционный священник (Мария Корде жила напротив этой церкви и прекрасно видела всё происходившее). Теперь на очереди была департаментская администрация, всё это время тайно интриговавшая против истинных патриотов и жаловавшаяся на них в Париж. Революционеры готовились к новым боям.

Из всех народных обществ в лидеры выбились каработы, – лихие парни с городских окраин, гудевшие ещё вчера в кабаках и трактирах, а ныне заседающие в большом зале с колоннами, имеющие собственную форму, оружие и знаки отличия. На их знамени было написано:

¹⁶ Имеется в виду священники, отказавшиеся присягать гражданской Конституции духовенства, принятой Учредительным собранием 24 августа 1790 г. и одобренной королём.

¹⁷ «Te Deum laudamus» («Тебя, Боже, хвалим») – церковный католический гимн, называемый также гимном св. Амвросия, исполняющийся в конце заутрени в торжественных случаях. Во время Революции исполнение «Te Deum», по крайней мере, в войсках, было официально заменено исполнением «Марсельезы».

«Исполнение закона или...», и ниже красовалось изображение человеческого черепа со скрещёнными костями в обрамлении языков пламени. «...Или смерть», – хотели сказать отважные каработы, подчёркивая свой патриотизм, но на деле получилось нечто пиратское.

Новый 92-й год был во всех отношениях выдающимся. Если до сих пор провинциальный город плёлся в хвосте событий, лишь дублируя то, что происходит в столице, то теперь, набравшись опыта, он стал даже опережать Революцию. В Париже ещё только готовились свергать королевскую власть, а в Кане уже вовсю шли аресты, хватали «приспешников венценосного тирана», участников широкого и разветвлённого роялистского заговора. Все аристократы, избежавшие суда в ноябре прошлого года, оказались в застенках того же городского замка.

Но главный удар был нанесён теперь не по ним. Под усиленным конвоем каработы отправили в темницу строптивного прокурора Байё, а заодно перетряхнули всю департаментскую директорию и ввели в неё людей, преданных Революции. Именно в те дни Бугон-Лонгре, до этого незаметный секретарь администрации, пересел в кресло генерального прокурора-синдика. Каработы немедленно создали собственный революционный трибунал, который должен был судить строго и беспристрастно, не давая никакого спуска заговорщикам. Теперь арестованным не могли помочь ни Париж, ни сам Господь Бог.

Впрочем, по-настоящему поработать трибуналу не пришлось. Вскоре пронёсся слух, что в тюрьмах готовится восстание, что из окрестных лесов выбрались разбойничьи шайки, угрожающие городу, а на Шербурском побережье вот-вот высадутся англичане. Все были чрезвычайно напуганы, по улицам бегали ошалелые люди, призывающие вооружаться, – для этого сломали замки арсенала и растащили его содержимое, – по всем дорогам выставили пикеты, в крепости свернули судопроизводство и немедленно казнили Байё и прочих сидящих там «врагов народа».

Спустя немного разбойники действительно появились, только они не выползли из густых лесов и не вырвались из тюремных застенков, а оказались всё теми же местными жителями, вооружившимися за счёт того же арсенала. Теперь редко какая ночь обходилась без происшествий. То грабили какой-либо состоятельный дом, то разворовывали какую-нибудь лавку или склад. От богачей перешли к людям умеренного достатка, а от них – к простым прохожим на улице. С наступлением темноты рекомендовалось не покидать пределы города, а в нём самом – передвигаться с величайшей опаской.

До самого июня 93-го года, до прибытия жирондистских вождей, Кан представлял собою глухую крепость на осадном положении. И только перед взорами столичных гостей, не желая ударить лицом в грязь, город стряхнул с себя тяжёлые путы, быстренько начистил мундир и обязал всех своих граждан радушно улыбаться и выказывать хорошие манеры.

Оттого-то сегодня ярко блистало солнце, прохожие на улице галантно раскланивались, приглашали в гости, оживлённо обсуждали новости и хвалили друг друга за патриотизм.

Кан. 5 часов пополудни

Возвращаясь с парада, Мария и Роза миновали казармы и оказались в секции Равенства, обнимающей обширный квартал Сен-Жан, в те времена называемый ещё островом Сен-Жан, поскольку его со всех сторон омывала речная вода. По пути подруги несколько раз наталкивались на какую-нибудь весёлую группу мужчин и женщин, зазывающую их в свою компанию. Мария вежливо отклоняла приглашения. Что же касается Розы, то ей не терпелось обсудить наедине с подругой ужасно интересное сообщение о её встрече с красавцем Барбару. Подходящим местом для такого разговора был уютный дворик отеля Добиньи на улице Сен-Жан, где в тени роскошных вязов пустовала одна деревянная скамеечка, на которую Роза торжественно усадила свою спутницу.

– А теперь, Мари, давай, рассказывай, что ты делала в Интендантстве. Я стораю от желания всё знать. Что у тебя с Барбару?

– Ровным счётом ничего. Я приходила по делу.

– По какому делу?

– Это пока секрет, и я не хотела бы, чтобы в городе толковали об этом. – Мария встретила горящие глаза подруги и, подумав, добавила: – Так и быть, тебе я скажу, но с условием, что ты будешь держать язык за зубами.

– О, ведь ты знаешь, какая я скрытная! – воскликнула Роза и произнесла самые страшные клятвы, какие знала.

– Так вот, слушай, – сказала Мария. – В сущности, это не моё дело, а дело Александрины Форбен. Я тебе о ней рассказывала: это родственница покойной матушки Бельзунс, которая была настоятельней нашего монастыря. Два года тому назад Александрина выехала с родителями в Швейцарию. В прошлом месяце я получила от неё письмо, полное слёз, в котором она жалуется на нехватку всего самого необходимого. Они живут там в ужасной нищете и считают каждый ливр. А ведь у Александрины как у канониссы была неплохая пенсия, но наши окружные чиновники отменили её, объявив её эмигранткой-роялисткой. Вот я и ходила к представителям посоветоваться, что можно сделать для семьи Форбен, и нельзя ли вернуть эту пенсию. Ведь Форбены никогда не выступали против Революции, и уехали в Швейцарию единственно потому, что отец Александрины нуждался в лечении на водах.

Мария перевела дух и посмотрела на Розу. Та придвинулась поближе и доверительно спросила:

– А ты не пробовала поговорить об этом деле с Бугоном? Ведь он как-никак прокурор. Он тебе не откажет.

– Нет, к Бугону я не обращалась.

– Понимаю, – кивнула Роза. – Рассказывай дальше.

– Ну, так вот, – продолжала Мария, – я и пошла в Интендантство. Меня сопровождал Леклерк, управляющий моей кухни, очень воспитанный молодой человек. Он вырос в её поместье и теперь ведёт её счета. Впрочем, в дело своё я его не посвящала, а только попросила меня сопровождать, чтобы потом не было кривотолков. Придя, мы спросили, кто сегодня принимает посетителей, и узнали, что это Барбару. Тогда я вошла в зал для приёмов: там сидели Петион, Бюзо, Валади и ещё кто-то, но они тотчас же вышли, оставив меня наедине с Барбару. Когда я показала ему письма Александрины, он воскликнул, что хорошо знает семейство Форбен ещё по тем временам, когда оно проживало в Авиньоне. Оказывается, мать Александрины дружила с его матерью! Так мы разговорились и беседовали примерно полчаса или больше, а Леклерк оставался в коридоре. Барбару обещал помочь в деле Александрины. Я поблагодарила его и ушла. Вот и всё.

– И всё? – подозрительно прищурилась Роза. – И это всё, о чём вы говорили?

– Конечно, мы поговорили немного о политике, об опасности анархии, о том, что угрожает Франции и её народу...

– И договорились встретиться снова?

– Он просил зайти через неделю за ответом.

– Когда опять пойдёшь к нему, возьми с собою меня. Обязательно! Слышишь, Мари?

– Не знаю, как скоро смогу собраться, – ответила та уклончиво. – Сейчас у меня так много дел, так много визитов...

Роза прижалась к плечу подруги и доверительно проворковала:

– Послушай, Мари, что я скажу. Ведь я знаю тебя не первый год, и скажу правду. Ты очень смелая; это у тебя в крови. Мне никогда не быть такой смелой. Ты берёшь людей своей смелостью, но это не бывает надолго. Через некоторое время это заканчивается, и всё идёт по-прежнему. Так вот: тут смелости мало, людей нужно обворозить. Возьми с собою меня, и ты не пожалеешь. Ты увидишь, что дело несчастной Александрины будет решено наилучшим образом. Ведь ты хочешь, чтобы её дело решилось?

Мария хорошо понимала, куда дует ветер. Её подруга, которую как магнитом тянуло к прекрасному марсельцу, готова была воспользоваться любым предлогом, лишь бы попасться ему на глаза. Жеманства и кокетства Розе было не занимать. Она всерьёз надеялась произвести впечатление на молодого южанина, который представлялся ей воплощённым Аполлоном, и о котором она болтала без умолку всю неделю после своего приезда в Кан. Нормандские женщины вообще-то достаточно сдержаны по натуре, но Роза Фужеро являла собою заметное исключение из правила. И отчего она такая ветреная? Может быть, у неё в роду были южане? Мария никогда бы не решилась столь откровенно предлагать себя. Более того, она бы заклеила презрением ту барышню, которая набивается кому-то в невесты или в любовницы. С её точки зрения у такой барышни просто нет никакого достоинства. Если бы её не связывала с Розой многолетняя дружба, она бы сейчас же высказала бы ей, что думает по этому поводу. Самым решительным образом. Но, поскольку они были подругами, Мария не стала обижать Розу нравоучением. Пусть лучше это сделает кто-нибудь постарше.

Сердце Марии и впрямь было далеко от амуров. Теперь её бросало в краску стыда, когда она вспоминала ту высокопарную чушь, которую ещё год назад несла в письмах, адресованных Пьеру Лакавелье, местному канскому поэту, в ответ на его любовные вирши, посвящённые ей. «Я не знаю, мсье, какими словами выразить вам мою признательность за то небольшое сочинение, в котором вы выказали знаки внимания Возлюбленной (Bien Aime)...», – писала Корде аккуратным почерком на белых листах, теснённых ажурной виньеткой.

С Пьером Лекавелье она познакомилась в салоне мадам Левальян и имела неосторожность похвалить его творчество. Окрылённый пиит тут же избрал Марию дамой своего сердца и воспел её в своих длиннющих слащаво-выспренних стихах, надеясь, верно, не столько на ответную страсть, сколько на восхищение его талантом. Поначалу Мария старательно отвечала на каждое послание: «Ничто лучше не доказывает ваши чувства, чем эти трогательные стихи. Я прошу вас, мсье, быть уверенным в признательности и почтительных чувствах, которые я питаю к автору “Возлюбленной”. Ваша преданная и покорная служанка Корде».

Стихотворец, однако, не унимался; всякий день от него приносили очередное сочинение в её честь, одно другого нелепее и вычурнее. Вскорости Мария перестала писать ответы и даже настоятельно просила мадам Левальян воздействовать на неутомимого сочинителя, чтобы он избрал иной объект для приложения своего кипучего дара.

Больше о нежных чувствах Мария ни с кем не заговаривала.

8 июля, понедельник

Из мемуаров Луве де-Кувре (1797 г.)

В Интендантство, где мы тогда находились, явилась, чтобы поговорить с Барбару, одна молодая особа, высокая, стройная, благовоспитанная, со скромными манерами. Во всей её фигуре чувствовалась смесь мягкости и гордости, как это ей сообщила её небесная душа. Она приходила, постоянно сопровождаемая слугою, и всякий раз ожидала Барбару в салоне, где каждый из нас проводил определённое время.

С тех пор, как эта девушка приковала к себе взоры всего мира, мы часто вспоминали все обстоятельства её визитов, из которых нам стало ясно, что её настойчивые заботы о некоторых своих родственниках были только предлогом. О её настоящих намерениях, без сомнения, знали лишь основатели этой Республики¹⁸, которой она собиралась посвятить себя.

¹⁸ Вероятно, Луве имеет в виду Катона, Брута, Вольтера и Руссо.

Интендантство. 2 часа пополудни

На другой день после полудня Мария вновь явилась в Интендантство. Она пришла одна, без провожатого и, конечно же, без мадемуазель Фужеро. Просторный особняк, построенный в начале века королевским интендантом Орсё Фонтетом (почему этот дом и называли Интендантством), с некоторых пор служил гостиницей для приезжих. Именно там по предложению Бугона-Лонгре департаментские власти расквартировали депутатов Конвента, бежавших от тирании парижской Горы. Исполняя пункты департаментского постановления, Интендантство снабдили всей необходимой мебелью, а также поставили у ворот почётную охрану. За три недели беглецы до того освоились на новом месте, что открыли делопроизводство и даже стали устраивать приёмы граждан по личным вопросам.

У ворот особняка Мария столкнулась с Бугоном-Лонгре. Прокурор-синдик только что покинул Интендантство и готовился сесть в свою карету. Но тут, увидев свою неуволнимую «пассию», он сделал знак кучеру подождать и, подойдя к Марии, пожал ей руку:

– Какая неожиданная встреча! Не меня ли вы здесь ищите, Корде?

– Нет. Мне нужен кто-нибудь из представителей.

– Кто-нибудь из представителей? Так-так... Всё никак не наговоритесь с Барбару? Какой это по счёту ваш визит? Дался же вам этот марселец! Неужели вы, Мари, с вашим характером и с вашей осмотрительностью уподобились ветреной канским девицам, которые от него без ума? Он, конечно, красавчик. Но и развратник отменный. Вы знаете, что он возит за собой любовницу, маркизу Зели?

– Это меня не интересует. Я пришла по делу.

– Понятно, по делу! Своя департаментская администрация вас уже не устраивает. Вам парижских депутатов подавай. – Бугон гневно сверкнул очами: – Спеси у них много, это верно. Да только власти никакой. Кто они теперь? Беглецы-скитальцы. Что теперь может сделать ваш Барбару? Это там он был силён, в Конвенте, да и то, когда ему давали слово. А здесь вся власть у нас, в наших руках. Пусть они болтают, столичные говоруны, выступают с речами. А решать будем мы. Мы, нормандцы. Так-то вот, дорогая моя.

– Как странно вы разговариваете сегодня со мною, Жан Ипполит, – пробормотала она в некотором замешательстве. – В таком тоне вы говорите со мною впервые.

– Да?! – спохватился Бугон, – Неужели?

– Вы никогда не повышали на меня голос.

Он отступил на шаг и виновато приложил ладонь к своей груди:

– Ради бога, простите меня за мою горячность, Мари! Всею виною те чувства, которые я питаю к вам. Я хочу, чтобы вы меня поняли правильно...

– Я понимаю вас и охотно прощаю, – сказала она ему с милостивой улыбкой, только лишь бы избежать очередного выяснения отношений.

– Понимаете? В самом деле? – Бугон озабоченно оглянулся по сторонам и вынул из кармана часы. – Сейчас я срочно выезжаю в Эврё, и у меня, к сожалению, нет ни минуты времени. Давайте поговорим после моего возвращения. Но, знаете, что? Не хотел бы я, вернувшись, застать вас обиженной и оскорблённой.

– Не застанете, – сказала она.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно.

Он посмотрел в её глаза, мерцающие каким-то странным, непонятным ему сиянием, пожал ещё раз её руку, и, не слова не говоря, сел в карету. Кучер стегнул лошадей, карета тронулась с места и проехала мимо Марии. В самый последний момент Бугон выглянул в окошко и прокричал:

– Смотрите же, вы обещали мне!

– И даже поклялась... – подтвердила она, загадочно улыбаясь.

То, что Мария рассказала Розе Фужеро о своей встрече с Барбару, было не точно и не полно. Эта встреча произошла ещё 20 июня, когда Мария впервые появилась в Интендантстве. Действительно, она вовсе не стремилась попасть именно к Барбару, и было чистой случайностью, что он тогда оказался дежурным депутатом. И тогда же, узнав в ходе беседы, что Барбару знаком с семейством Форбен, обрадованная Мария посчитала это особенной удачей. Марселец просил её зайти через неделю за ответом, и она вторично пришла 28 июня. На сей раз она не застала Барбару и оставила для него записку, в которой напомнила о деле Александрины Форбен и сообщила, что вновь придёт через неделю. 5 июля она в третий раз отправилась в Интендантство, но снова напрасно: ей сказали, что Барбару и все представители находятся в городской ратуше на собрании посланцев восьми департаментов, и что это собрание растянется на несколько дней. Об этих двух безрезультатных посещениях Интендантства Мария умолчала в своём рассказе. Как и о том, что во второй раз её сопровождала Сюзанна Бомон, а в третий – вновь управляющий Леклерк. Вот как было на самом деле. Ныне она уже в четвёртый раз ступила под своды большого особняка на улице Карме, но теперь явилась без сопровождения.

Узнав Марию, стоящие у парадного подъезда национальные гвардейцы встретили её приветливой улыбкой и расступились, освобождая проход. Впрочем, будучи почётной охраной, они вообще никого не останавливали: любой желающий мог попасть в Интендантство.

В вестибюле гостя встретила большую группу проживающих здесь депутатов, среди которых она узнала Гюаде, Бюзо, Горса, Салля, Бергоена и Валади.

– Гражданка Корде! – почти хором вскричали они, увидев перед собой молодую особу. – Сегодня вы ещё неотразимее, чем вчера. Вы снова к нам? Но где же ваш обычный провожатый?

– Я пришла одна и мне нужно к Барбару, – коротко объяснила Мария.

– Простите, дорогая Корде, – молвил нараспев Жак Валади, очень манерный молодой человек с огромным бантом вместо галстука (за свою недолгую жизнь он успел побывать и маркизом с девятью именами, и гвардейским офицером, и санкюлотом, и депутатом, и шансонье, и, наконец, председателем Общества друзей чернокожих), – сегодня посетителей принимает не Барбару, а депутат Кюсси.

– Кюсси? – переспросила Мария. – Это тот почтенный мужчина, который обращается ко всем «сударь» и «сударыня»?

– Вы правы, он несколько старомоден. Ведь из нас он самый старший и, кажется, заседал ещё в Конституанте. Кстати, он и сейчас представляет ваш департамент.

– Нет, мне нужно именно к Барбару.

– Ах, так?!.. – переглянулся Валади со своими коллегами. – В таком случае вам следует пройти в левое крыло здания, в наш секретариат. Барбару, Петион и Лесаж сейчас совещаются там с генералом Вимпфеном.

– Они совещаются о походе против парижских анархистов?

– Разумеется. О чём же ещё можно говорить с военными?

– А почему вы не с ними?

– О, как вы требовательны, Корде! – изумился Валади. – Видите ли... Они подсчитывают пушки, ружья, сабли и фураж для лошадей, – словом, занимаются самой рутинной работой, конечно же, необходимой в таком деле, но нам никак не интересной. Я, например, твёрдо уверен, что всё это – забота здешних властей. И действительно, несколько членов департамента уже поехали к войску, идущему на Париж.

– Несколько членов департамента? – заинтересовалась Мария. – И Бугон-Лонгре тоже? Я только что встретила его во дворе, и он сказал мне, что едет в Эврё.

– Совершенно верно. Ваш прокурор-синдик немного задержался у нас тут, в Интендантстве, и теперь, верно, бросился догонять своих коллег.

– Кого именно? Кто выехал в Эврё?

Валади немного растерялся от такого вопроса и обратился за помощью к своим приятелям:

– Кто-нибудь помнит, как их зовут? У меня незнакомые фамилии в голове не держатся. А гражданка Корде желает знать всех поимённо: вдруг среди них есть её друзья.

– Насколько мне известно, – выступил вперёд осведомлённый Гюаде, – в Эврё поехали администраторы Мениль и Ленорман, и кто-то ещё, по-моему, из Общества каработов. Что касается Бугона, то Собрание поручило ему возглавить эту миссию.

– Ну, вот, – улыбнулся Валади, вновь поворачиваясь к Марии. – Теперь, я надеюсь, вы удовлетворены?

– Вполне, – кивнула она, торопясь в левое крыло здания.

Валади и Бергоен вызвались проводить гостью и показать дорогу в секретариат. Высокого же мнения они были о ней, если всерьёз полагали, что она вхожа во все учреждения и имеет друзей в департаментской администрации! Честно сказать, кроме Бугона, она никого там не знала, да и забыла уже, когда была там в последний раз.

В секретариате всё ещё шло совещание, так что Марии пришлось остановиться перед закрытой дверью в тёмном и душном коридоре, напоминающим какой-то склад: вдоль стен стояли ящики, тюки и бочки самой разной величины. Среди такого нагромождения не оказалось ни одного стула. Впрочем, решительную гостью это ничуть не смутило, и она попросила провожатых не беспокоиться и возвращаться к своим делам; что до неё, то она посидит и на ящике. Уходя, Валади и Бергоен обещали всё же раздобыть и принести какую-нибудь скамью.

Едва они удалились, как из секретариата быстрыми шагами вышел Петион, а следом за ним Лесаж с кучей папок под мышкой. Они куда-то спешили, но, как истинные кавалеры, не могли не задержаться при виде молодой особы, грациозно восседающей на походном имуществе и овевающей себя маленьким бумажным веером.

– Кого мы здесь видим?! – воскликнул Петион, всплеснув руками. – Какая неожиданная встреча!

И, повернувшись к спутнику, торжественно добавил, обращаясь не столько к Лесажу, сколько, как принято у депутатов, «к народу»:

– Вот прекрасная аристократка, пришедшая посмотреть на республиканцев!

Мария рывком поднялась с ящика, и по её лицу было видно, что её задела эти слова. Нет, он так ничего и не понял вчера, этот площадной демократ, самовлюблённый вождь парижского плебса.

– Гражданин Петион, вы судите обо мне, не зная меня. Но скоро наступит день, когда вы узнаете, что я такое.

– Помилуй бог! – галантно поклонился бывший парижский мэр, не придав значения её странному обозначению себя в среднем роде. – Мы уже убедились, что вы истинная патриотка, достойная подражания. Скажите же, что привело вас сюда? Быть может, мы сможем вам услужить.

– Я дожидаюсь приёма у Барбару, – ответила Мария, усаживаясь на своё место.

– Мы слишком стары, Жером, – заметил Лесаж иронически. – Наши услуги ни к чему. Молодые тянутся к молодым.

– Ваш Барбару скоро освободится, – снова поклонился Петион. – Мы уже закончили наше небольшое совещание, и ему осталось только обговорить с генералом кое-какие детали.

Мария и в самом деле ожидала недолго. Не прошло и десяти минут, как по коридору, звеня шпорами, прошествовал генерал Вимпфен. Седовласый старик, прошедший на своём веку десяток кампаний и экспедиций, держал себя с достоинством перед бежавшими из столицы парламентариями, продолжающими изображать из себя важных сановников. Сам в прошлом депутат Генеральных Штатов от дворянства, Вимпфен знал цену избранникам народа

и отлично представлял, как страшно перепуганы и растеряны на самом деле эти говоруны, и насколько зависят они от его солдат и его командирского слова. Из всех депутатов-бриссотинцев он отличал только Барбару, героя штурма дворца Тюильри, с которым говорил охотно и подолгу.

Нормандцы считали Вимпфена своим национальным героем. В Париже им восхищались не меньше чем в своё время генералом Дюмурье. В сентябре прошлого года, когда все прочие армии отступали перед австрийцами и пруссаками, Вимпфен удержал Тионвиль. Это вдохновило французов на последующее наступление. Нормандский генерал стал героем оперы «Осада Тионвиля», где его прославляли как первого защитника Республики. Но монтаньяры не могли простить ему знатного происхождения. Ещё до того, как обрушиться на Дюмурье, который действительно изменил и перебежал к австрийцам в апреле 93-го года, Марат всячески поносил Вимпфена, утверждая, что он вот-вот сдаст Нормандию англичанам.

Генерал прочёл о себе разгромную статью в газете «Публицист Французской Республики», издаваемой Маратом, и послал ему обстоятельное письмо, в котором попытался защититься от обвинений. В ближайшем номере газеты Марат опубликовал это письмо, сопроводив его, как всегда, своим хлестким ответом: «Будь вы из числа угнетённых, Вимпфен, я со всем усердием выступил бы на вашу защиту, но вы принадлежите к орде притеснителей, к клике лакеев двора... Я приветствую поругание сатрапа». После такой резолюции оскорблённый генерал послал Марату вызов на дуэль. Бывший барон ещё жил дедовскими смешными представлениями о чести и благородстве...

Проходя по коридору, Вимпфен бросил взгляд на Марию, сначала беглый, а через несколько шагов второй – внимательный, и уже в конце коридора обернулся и посмотрел на неё в третий раз. Без сомнения, её лицо показалось ему знакомым, виденным совсем недавно, только он не мог вспомнить, где именно.

Теперь её путь был свободен. Войдя в кабинет, Мария встретила густой смог от табачного дыма, в котором не сразу разглядела чёрные кудри марсельца, склонившегося над разостланной на столе картой Северной Франции. Даже в этом чаду, с растрёпанной гривой волос, утомлённый и немного осунувшийся, он всё равно казался героем. Наверное, таким был Брут, когда он не спал ночами, дожидаясь мартовских ид.

– Салют! Я к вам, Барбару.

– Спасение и братство! – воскликнул он, подбежав к ней и крепко пожимая обе её руки. – Очень рад нашей встрече, Корде. Скажите, как вам понравился вчерашний парад? Знаете, мне передали ваш разговор с Петионом... Ради бога, простите его за недоверие к вашим патриотическим чувствам. Я несколько не сомневаюсь в их искренности. Я и сам готов был расплакаться при виде тех славных парней. Каждому из них не терпится ринуться в бой, чтобы снести головы парижским тиранам. И это только начало. Скоро поднимутся все восемьдесят департаментов. Вся Федерация! Не сегодня-завтра из Эврё выступит наш авангард, затем двинется здешнее войско во главе с генералом. Петион, Лесаж, я и ещё некоторые из нас пойдут вместе с армией.

– Я пришла к вам по делу, – сказала Мария.

– Да-да! – Барбару занял своё положенное место за столом. – Простите, все мысли только о предстоящем походе. Конечно, я слушаю вас.

– У меня всё то же дело, касающееся моей несчастной подруги, Александрины Форбен. Марселец встрепенулся:

– Да-да, я помню об этом! Ваша решимость помочь терпящим беду восхитительна. Право, я не ожидал столько энергии и усердия от такой на вид хрупкой девушки как вы.

Он сказал так ради комплимента; Мария отнюдь не выглядела хрупкой.

– Это моя обязанность, – заметила она, не меняя невозмутимого выражения лица. – Мы с Александриной много лет провели вместе при монастыре Аббе-о-Дам и с тех пор сделались как сёстры.

– Благодаря вам, Корде, – сказал Барбару, – я проникся несчастьем вашей дорогой подруги, тем более, что слышал о семействе Форбен самые лестные отзывы. Однако дело в том, что здесь нет её бумаг, которые полгода назад были отправлены в Париж, в министерство внутренних дел. Когда эти бумаги окажутся в наших руках, мы сможем нажать на здешние власти, чтобы они восстановили ей пенсию. Словом, нам нужен кто-то в Париже, кто сходил бы в министерство и взял документы. После нашей с вами первой встречи я написал об этом деле моему другу Дюперре, но ещё не получил от него ответа. Не знаю даже, дошло ли до него письмо; ведь оно послано окольными путями. Нам остаётся только уповать на удачу. Если Дюперре получит моё письмо, он сделает всё, что в его силах.

– Значит, теперь всё зависит от Парижа? – спросила Мария.

– Да, оттого, сможем ли мы получить бумаги из министерства. Но вы сами знаете, какова нынче столица и что происходит в этом логове анархистов.

– В таком случае, – заявила она, – я лично поеду в Париж и раздобуду все необходимые документы.

– Вот как?! – несколько опешил Барбару. – Что ж, это похвальное и мужественное решение. Вы истинная подруга. Но... чем же я теперь могу помочь?

– Напишите ещё одно письмо. Рекомендательное. Которое я повезу с собой.

– Рекомендательное? Хм... Кому же вас рекомендовать?

– Вашим друзьям.

– Хм... Вы меня озадачили, Корде. Мне нужно подумать.

– Я помогу вам, – улыбнулась Мария. – Вот, скажем, ваш друг Дюперре. Он депутат?

– Да, мы с ним земляки, вместе избирались и оба представляем Буш-дю-Рон¹⁹.

¹⁹ Департамент на юге Франции с административным центром в Марселе.

Жером Петион. Литография 1792 г.

Шарль Барбару. Литография начала XIX в.

Кан. Фото начала XX в.

– Прекрасно! Напишите ему.

При всём своём опыте в общении с женщинами и недюжинной закалке на этом поприще Барбару никак не ожидал такого напора от скромной провинциалки и выглядел явно смущённым.

– Что ж? Пожалуй, вы правы. К кому как не к Дюперре уместно обратиться в данном случае! Это верный друг. Знаете, уезжая из Парижа, я оставил там свою мать и тринадцатилетнего брата Жозефа, и очень беспокоился за них. И вот получаю от матери письмо, в котором она пишет, что вместе с Жозефом находится в безопасном месте, и что выехать им помог Дюперре. Небо отблагодарит его за это...

– Пишите, – сказала Мария.

Барбару взял чистый лист бумаги и обмакнул перо в чернильницу:

– Да, преданный друг. Думаю, немного осталось в Париже подобных ему. Теперь большинство моих парижских друзей постараются забыть, что ещё два месяца назад они сидели со мной на одной скамье в Конvente или занимали один столик в кофейне. Хотя, погодите... Можно обратиться к аббату Фоше. У него в Париже большой авторитет.

– Это к какому Фоше? – насторожилась Мария. – Не к нашему ли епископу, депутату от Кальвадоса?

– Да.

– Нет, напишите лучше Дюперре.

– Вы так полагаете? – переспросил Барбару, снова подчиняясь её решительному голосу. – Наверное, вы правы. В самом деле, священники тут не нужны. Правильно, напишу старине Дюперре. Господин он солидный, состоятельный, имеет обширные связи в правительстве. К тому же бывший виконт и вообще человек светский, – что, полагаю, вам будет особенно приятно.

– Почему вы так думаете?

– Потому что вы сами из бывших, – ответил Барбару добродушно, и, увидев тут же, как поджались губы Марии, поспешил поправиться: – Вас это обижает? Не принимайте всерьёз. Я пошутил. Итак, напишем Дюперре. Тем более, что у меня есть для него кое-какие новости.

Он склонился над бумагой и продолжал разговор, не отрываясь от письма:

– Когда вы намерены выехать?

– Завтра.

– Паспорт получили?

– Да.

– Кто вас сопровождает?

– Никто.

– Где думаете остановиться в Париже?

– Ещё не знаю.

– Разве у вас там никого нет?

– Нет.

– А раньше бывали там?

– Нет.

– Не бывали?! – Барбару задержал перо и вскинул свои красивые карие глаза, в которых сверкало изумление. – Никогда?! И теперь едете в неизвестный город, едете одна, да ещё в такое время, когда вот-вот повсюду вспыхнет война и в первую очередь в самом Париже. Не боитесь?

– Нет.

– Н-да... Отчаянная вы девушка, Корде. А я ещё хвалил перед вами храбрость наших волонтеров... Нашёл, перед кем! Были бы вы мужчиной, я бы рекомендовал вас Вимпфену в командиры батальона. Право слово. Сколько вам лет?

– В этом месяце исполнится двадцать пять.

– Я вас старше. Мне двадцать шесть.

Сложив листок пополам, Барбару подал его просительнице:

– Запечатаете сами? Возьмите письмо, дорогая Корде, поезжайте и возвращайтесь поскорее. Будьте осмотрительны. И если вдруг вас что-либо задержит в логове анархистов, постарайтесь как-нибудь оповестить меня об этом. Обещайте беречь себя. Мы будем вас ждать.

– Кто это «мы»? – поинтересовалась она, принимая листок.

– Мы, которые имели счастье познакомиться с вами в этом славном городе и узнать, что есть ещё на свете столь самоотверженные девушки.

– Вы снова, как и вчера, говорите от имени Центрального комитета?

Барбару откинулся на спинку кресла и залился громким смехом, но лицо Марии оставалось холодным и невозмутимым, точно выточенным из мрамора.

Тут, вспомнив о чём-то, депутат обернулся к шкафчику, стоявшему у него за спиной, достал из выдвижного ящика две тоненьких брошюры и вручил их Марии:

– Вот, передайте Дюперре, ему будет интересно. Это только что напечатанное сочинение Салля о Конституции²⁰. Там, в письме, я его упомянул. И ещё одна книжка: наше воззвание ко всем департаментам. Упакуете это?

– Разумеется, – кивнула Мария, вставая.

Барбару тоже поднялся, и, радушно улыбаясь, повёл её к выходу из кабинета.

– А адрес? – спросила она у порога.

– Какой адрес?

– Адрес Дюперре.

– Ах, да! – спохватился марселец, хлопнув себя ладонью по лбу. – Простите, дорогая Корде; от всех забот голова идёт кругом. Сейчас я вам его запишу.

Он двинулся было обратно к столу, но она остановила его рукою:

²⁰ Критические замечания о республиканской Конституции, принятой Конвентом 24 июня 1793 г., после бегства бриссо-тинцев из Парижа.

– Говорите, у меня есть грифель, – и извлекла из своей сумочки карандаш и какой-то маленький клочок бумаги.

– Записывайте: гражданин Дюперре. Париж, улица Сен-Томадю-Лувр. Вы знаете, это в двух шагах от улицы Сен-Никез, где жили мы с мамой...

– Номер дома? – спросила Мария.

– Сорок один. Улица Сен-Тома-дю-Лувр, дом номер сорок один. Она ушла, но Барбару не сиделось. Через минуту он вышел из кабинета, чтобы посмотреть ей вослед. И тут, в вестибюле, столкнулся с идущим к нему Луве.

– Дружище, – сказал ему автор «Фоблаза», широко улыбаясь, – ты стал очень популярен среди нормандских женщин.

– О ком ты говоришь?

– О Корде, которая только что выбежала от тебя раскрасневшаяся и счастливая, будто бы получила парочку крепких поцелуев. Смотри, узнает Зели – тебе не поздоровится.

– Не тот случай, Жан, – отмахнулся Барбару. – Я интересую её только как депутат. Знаешь, зачем приходила? Взяла у меня рекомендательное письмо в Париж. Хочет ехать туда, хлопотать о своей подруге-эмигрантке.

– О возвращении конфискованного имущества²¹?

– Нет, о восстановлении пенсии.

– Тухлое дело, – скривил губы Луве, – Только прокатится туда-сюда. И кому ты её рекомендовал?

– Дюперре.

– Клоду?! Хитрый лис... Но, боюсь, теперь и его не будут слушать. Тебе следовало бы отговорить её от этой бесполезной затеи.

– Отговорить её невозможно. Эта девица себе на уме. Уж если что решила – сделает во что бы то ни стало. Тверда как гранит. Пришлось дать ей всё, что она хочет. Я как-то не привык, чтобы женщины были такими.

– Привык ты или нет, дружище, – заметил Луве с мягкой иронией, – она всё-таки обращается к тебе, несмотря на то, что рядом находимся мы: Петион, Лесаж, Бюзо, тоже представители народа. Брось, Шарль; провинциалочка к тебе явно равнодушна. Ты для неё герой, а мы – кучка безликих чиновников из Парижа.

– Что ж, – ответил Барбару, – героем быть приятно. Кстати о геройстве. Все наши парады и смотры, безусловно, очень трогательны и являют отличное зрелище, но нужно ещё и воевать. Хорошо, что мы убедили генерала послать в Эврё кого-нибудь из способных командиров. Тамошние части давно нуждаются в крепкой руке, и Пюиззе, мне кажется, наведёт там порядок. Но этого мало. Нужно, чтобы Пюиззе немедленно повёл авангард на Париж, не дожидаясь ни Вимпфена, ни бретонцев. Сейчас дорог каждый день.

Чело Луве помрачнело, словно бы ему напомнили о чём-то неприятном.

– Ты всерьёз рассчитываешь на генерала, Шарль? Неужели ты не видишь, что он прожжённый роялист?

Голос Барбару посуровел:

– Роялист он или нет, выбирать нам не приходится. Он тот, за кем пойдут нормандцы и бретонцы. Это главное.

– И этот Пюиззе, кого он послал, ему под стать, – продолжал Луве недовольно. – Кто он, барон или маркиз?

– Граф.

– Тем более! Удивляюсь я на вас с Петионом. Как вы не чувствуете щекотливости ситуации? Департаментское войско, которое должно освободить Париж от анархистов и утвердить

²¹ По закону от 9 февраля 1792 г. имущество бежавших из страны лиц поступало в государственную казну.

знамя Закона, поведут бывший граф и бывший барон. Каково, а? И что скажут наши сторонники в столице?

– Хорошо бы для такого дела поставить санкюлотского генерала, – заметил с улыбкой Барбару, – да только где его сыщешь? Пока brave санкюлоты способны руководить лишь манифестациями в Пале-Рояле. А эти проклятые аристократы умеют-таки командовать войсками. А ведь речь идёт как раз о войне, Жан.

– Не знаю, не знаю... – пробормотал автор «Фоблаза», пожимая плечами. – И потом: разве так уж необходимо воевать? По-моему, нам следует не бросаться в бой, очертя голову, а поступать дальновидно. Например, перекрыть все дороги и лишить Париж подвоза продовольствия. Когда настанет голод, парижане сами скинут власть Горы.

– И это ты называешь дальновидностью? – проговорил марселец с лёгким раздражением. – Задерживать провиант, уповать на голодных парижан и дожидаться, когда Гора нагрянёт и сюда?

– Она нагрянёт сюда не скоро, – заметил Луве. – Для этого ей нужно отозвать войска с фронта, а на это уйдёт месяц или полтора.

– Несчастный! – вскричал Барбару. – Неужели ты надеешься, что твой бывший приятель Робеспьер даст тебе хоть день передышки? Посмотри: его эмиссары уже снуют по соседним департаментам. Не сегодня-завтра за наши головы будет назначен денежный приз.

– Надеюсь хотя бы, что за наши головы отсыпят золотом, а не ассигнатами, – ответил Луве, немного обиженный напоминанием о дружбе с Робеспьером. – Меня только пугает твоя горячность, Шарль, которая, видимо, передалась тебе от твоего бывшего учителя физики Марата.

Барбару примирительно улыбнулся:

– Ладно, Жан, не будем ворошить прошлое. Нам нужно думать о будущем. Скажи: согласен ли ты выехать со мной в Эврё? Согласен ли ты идти в авангарде всей армии?

– Не достаточно ли там четверых членов департамента?

– Не достаточно. Ведь новобранцы пойдут воевать и за нас, за оскорблённых представителей народа.

– А Салль поедет?

– Салль нужен здесь. Пусть печатает воззвания и пишет стихи.

– А Бюзо? А Гюаде?

Марселец пристально взглянул на собеседника:

– Я спрашиваю тебя, Жан.

– Изволь, если ты поедешь, я буду с тобой.

– Прекрасно. Это я и хотел от тебя услышать.

Из письма Барбару к Лоз-Дюперре от 26 июня 1793 г.

В понедельник²² комиссары пяти департаментов прежней Бретани прибыли в Кан, чтобы образовать всеобщий комитет восстания. Их вооружённая сила идёт следом. Крепкий отряд добровольцев отправился сегодня из Кана в Эврё с двумя орудиями, парой зарядных ящиков (caissons) и большим числом крытых повозок, наполненных провиантом. Кавалерия выступает в эту ночь, чтобы занять передовые позиции. Всё вопиет против анархистов. Сообщите мне, что происходит на Юге. Мы встретили одного путешественника, проезжавшего через Лион и Марсель и видевшего

²² 24 июня.

четыре великолепных батальона, составляющих авангард марсельской армии. Прощай.

Из мемуаров генерала Вимпфена (до 1814 г.)

Их (бриссотинцев в Кане) было двадцать семь²³, большинство из них не стоит упоминать, поскольку они не представляют никакого интереса для потомства, – они походили на весь мир и могли принадлежать к одной партии так же, как и к другой, и лишь силою случайных обстоятельств оказались в этом обществе.

Петион и Бюзо имели определённую цель: создание новой династии, при которой они сами станут руководителями. Совершенно как Питт и Кобург они считали, что Горе и Болоту достаточно лишь отсечь голову, не трогая при этом ни эмигрантов, ни ветеранов Революции. Придя однажды в клуб карабатов в Кане Петион сказал, что доказательством намерения Горы восстановить королевскую власть является то, что она сохранила жизнь маленькому дофину, чтобы в будущем он оправдал её государственные преступления, достойные смерти. Горса, напротив, склонялся к малолетнему дофину, разумеется, рассматривая его воцарение как последнюю крайность. Луве, Барбару и Гюаде надеялись закрепиться в южной части Франции, по другую сторону Луары, и устроить там Республику на свой лад. Они весьма рассчитывали на помощь владельцев Италии, с которыми они бы заключили наступательные и оборонительные союзы (это лучше всего показывает, насколько эти господа были «государственными мужами»).

²³ Это число явно завышено. На момент отправления Марии Корде в Париж в Кане находилось шестнадцать или семнадцать бриссотинцев. Всего в июне-июле 1793 г. в Кан бежало двадцать депутатов правой. Вместе с ними находилась и другие известные деятели, такие как поэт Жире-Дюпре, которых Вимпфен мог также принимать за депутатов.

Большая Обитель. 3 часа пополудни

От Интендантства до Большой Обители насчитывалось не более пятиста шагов. Уже через три минуты, после того, как Мария покинула кабинет Барбару, она дошла до конца улицы Карме, то есть до её пересечения с улицей Сен-Жан, где напротив церкви стоял старинный домик в три этажа и с тремя окнами на улицу. Неизвестно отчего жители Кана называли этот дом Большой Обителью (le Grand Manoir)²⁴. Может он и был когда-то одним из самых больших строений в городе, но теперь, на фоне выросших по соседству дородных особняков с колоннами и пышной геральдикой он выглядел убогой хижинкой, а громкое название его превратилось едва ли не в насмешку.

В этой-то Обители, не считая семьи столяра Люнеля, снимающей нижний этаж и имеющей отдельный вход, постоянно проживало четверо: вдовствующая домохозяйка, мадам Бретвиль; её любимая кошка Минетта; её верный пёс Азот; и последние два года – «свалившаяся на голову» бедная родственница из Аржантана, то есть наша героиня.

Чтобы попасть к себе, Марии нужно было открыть низкую дубовую дверь, пройти в конец длинного и узкого коридора, где каменная винтовая лестница вела на второй этаж, занятый мадам Бретвиль, миновать хозяйские покои и, сделав поворот, по ещё одному длинному коридору достичь дальней изолированной комнаты, окно которой выходило на задний двор, превращённый в нечто вроде оранжереи. Но был и второй путь, который позволял избежать встречи с обитателями дома. Для этого Марии требовалось обогнуть угол Большой Обители и через узкую арку проникнуть в крохотный дворик, окружённый со всех сторон стенами, отчего в него никогда не заглядывало солнце. Единственное, что помещалось в этом дворике, или, лучше сказать, карцере, – это каменный колодец с деревянной кадкой. Собственно говоря, это был дворик колодца. Здесь, в противоположной от арки стене имелаась дверца, через которую по запасной деревянной лестнице можно было попасть в ту же самую изолированную комнату, которую занимала наша героиня.

В этот час обитатели дома, включая кошку и пса, обычно предавались дневному сну, и Мария рассчитывала добраться до своих апартаментов незамеченной. Однако войдя в арку, она увидела во внутреннем дворике мадам Бретвиль, неспешно зачерпывающую воду из колодца и сливающую её в стоящую тут же жестяную лейку: так хозяйка делала всякий раз, когда собиралась поливать свою драгоценную клумбу, разбитую на заднем дворе, позади дома. Вокруг хозяйки вился, вертя хвостом, её любимчик Азот. Мария тут же сделала шаг назад и спряталась за выступом арки, решив подождать, когда мадам Бретвиль наполнит лейку и покинет маленький дворик. Ей вполне бы удался этот манёвр, если бы её присутствие не выдал чуткий пёс, бросившийся к ней с радостным лаем.

– Быстренько же ты вернулась, – проворчала мадам Бретвиль, не поворачивая головы (уже по одному лаю пса она поняла, кто идёт). – Неужели не приняли?

Марии пришлось покинуть своё укрытие.

– О чём вы говорите, кухня? – спросила она, становясь за спиною мадам Бретвиль.

– Как о чём? Ведь ты опять ходила в Интендантство. К вертопрахам этим, к депутатам. Понаехали, будто на бал, распустили трескотню, весь город взбаламутили. И девки, и замужние целыми днями вокруг них выются. И ты туда же. Два раза ходила с Леклерком ради приличия, а теперь уже и провожатый не нужен. Протоптала дорожку...

Марию покорило этот тон, и она ответила с некоторым раздражением:

²⁴ Этот дом сначала имел номер 148, затем – номер 71, несколько раз перестраивался, пока не был совершенно уничтожен в 1944 году, во время бомбардировок Кана немецко-фашистской авиацией. Ныне на его месте стоит современное здание (№ 141 по улице Сен-Жан), в котором имеется шоколадный магазин «Шарлотта Корде».

– Какую ещё дорожку? К чему эти намёки?

– Вот и я говорю, что это на тебя не похоже. Разогнала всех женихов, ни одного кавалера вокруг за полёт стрелы не видно, а тут вдруг, очертя голову, кинулась как мотылёк на первый вспыхнувший свет. С чего бы это?

– Что значит «кинулась»? Они – представители народа, и у меня к ним дело. Разве у меня не может быть дел?

– Знаю я твои дела, – отмахнулась мадам Бретвиль. – Дела... Малюешь картинки с утра до вечера или царапаешь бумагу, ничем другим заниматься долго не можешь, всё тебя тяготит, по дому ничего не делаешь; книжки да картинки – вот и все твои дела...

На шее Марии вздулась нервная жилка, но она взяла себя в руки и попыталась снисходительно отнестись к ворчанию хозяйки дома. Чего она, в самом деле, хочет от старой одинокой вдовы, как две капли воды похожей на её канских сверстниц, таких же древних чопорных старушек? Хотя Мария называла её кузиной (по причине точно не установленного родства), по возрасту хозяйка Большой Обители годилась ей в матери или даже в бабушки. Мадам Бретвиль казалась ходячей копией этого тёмного замшелого дома, словно бы выползшего из глубины веков, со скрипучими дверями и ступеньками лестниц (таким же низким и скрипучим был голос хозяйки), с закопчёнными стёклами на окнах, почти не пропускающими дневной свет, с нелепыми кружевами вместо гардин (точь-в-точь как на старомодном хозяйском платье), со столетней рассохшейся мебелью. Единственное, что здесь цвело, это клумба на заднем дворе, – предмет ежедневных забот его владелицы.

– Верно, засиделась ты в девках, – кивнула самой себе старушка, продолжая свою неспешную работу. – Оттого ты и маешься, оттого и бросает тебя из стороны в сторону. Да что проку в этих заезжих ветрогонах? Сегодня здесь, завтра там. Соберут деньги с наших простофиль, испортят девок, и дальше помчатся. Нужны вы им как прошлогодний снег.

– Какие девки?! Какие деньги?! – не выдержала Мария. – Ох, кузина, как же вы далеки от жизни! Сидите здесь как в совином гнезде, дальше своей клумбы ничего не видите, что творится на свете. Какие свершаются события, влияющие на судьбу Франции! Какая гроза нависла над всеми нами. И какое воодушевление народа, какой патриотический энтузиазм, какое мужество в сердцах самых простых людей!

– Патриотический тузиа-азм... – протянула Бретвиль, выпрямляясь и потирая заболевшую поясницу. – Словечек таких набралась, каких в нашем краю испокон веку не водилось. Ты мне ещё про Революцию, про Республику расскажи. Чертовщина какая-то! Была страна, а сотворили из неё сплошной срам. Ладно, там, в Париже давно уже свихнулись, – Бог им судья, – так теперь и сюда докатилось. «Патриотический тузиазм»... А наши-то хороши: как собачки дрессированные, готовы перед ними на задних лапках ходить, сапоги облизывать, всякую их гадость перенять. Тьфу ты, – прости, Господи! – где наша нормандская гордость? Где честь? Где заветы предков?

– Опять вы о предках, о ветхой старине... – отмахнулась Мария, не в первый уже раз слыша это брюзжание. – Ничего вы не понимаете ни в политике, ни в настоящем моменте.

– Ты много понимаешь, домашняя затворница! Я тебе, голубушка, вот что скажу. Выкинь-ка из головы всю эту чертовщину. Спустись на землю и подумай о себе. Долго ли тебе ещё маяться? Нет, не верти головой, а слушай. Ты уже не девка-первоцветок: на носу двадцать пять лет. Смотри, пробежит твоё время, через пять-шесть годков никто на тебя и не взглянет. Я сама в сорок лет вышла за старика и знаю, о чём говорю. Ищи себе мужа, пока не поздно. Вот и весь твой патриотизм.

– Хвала небесам! – воскликнула Мария. – Дошли наконец до главного. Вот что вас беспокоит!

– Спустись, повторяю, голубушка, на землю, – продолжала хозяйка. – Возьмём хотя бы Жана Ипполита. Серьёзный мужчина. Выбил в большие начальники. И не женат. Вчера захо-

дил сюда: важный такой, в мундире с золотыми пуговицами, при шпаге. Прямо как дворянин. Хотя отец его, помню, был бакалейщиком, а дед содержал трактир.

Как только кузина заговорила о Бугоне-Лонгре, Марию внезапно осенило:

– Вот оно что! Жан Ипполит?! Что он наговорил вам обо мне и представителях народа? Неужели он опустился до низкой клеветы? Я была о нём лучшего мнения.

– Ничего он про них не говорил, – отрезала кузина. – Тебя спрашивал и всё. И ушёл весьма огорчённый.

– Так, стало быть, это Леклерку я обязана тем, что о моих делах в Интендантстве вы судите столь превратно? – продолжала Мария в том же резком тоне. – И потом: что это за нелепое сватовство? С каких это пор вы стали заботиться о моём замужестве? Если я вам в тягость, и вам не терпится избавиться от меня, то так прямо и скажите. И я вам отвечу прямо: радуйтесь! Час вашего избавления пробил. Я уезжаю.

– Куда это ты уезжаешь? – обеспокоилась мадам Бретвиль.

– Далеко.

– В Байё?

– Гораздо дальше.

Хозяйка придирчиво осмотрела свою квартирантку и, не заметив ни в её лице, ни в её голосе никакого подвоха, смутилась и озадаченно пробормотала:

– И когда уезжаешь?

– Завтра.

Вполне удовлетворённая эффектом, произведённым на старую ворчунью, Мария повернулась и направилась в свою комнату, представляя, как онемевшая хозяйка ещё стоит во дворе, опустив кадку, из которой течёт на землю вода. В сущности, она была, хотя отсталой и костной, но прямодушной и беззлобной женщиной, способной на сочувствие и сопереживание. Не стоило, конечно, столь сурово обходиться с ней, и, уже войдя к себе, Мария пожалела о своей резкости. Можно было оповестить кузину о своём отъезде помягче. Ведь, как-никак, они прожили под одной крышей два года!

Впрочем, у завтрашней путешественницы имелись другие заботы. До отъезда ей нужно было перебрать свой секретер и уничтожить лишние бумаги. С этой целью она разожгла камин и устроилась перед ним на корточках. В первую очередь огню были преданы письма, полученные ею от своих друзей и подруг. Ведь она не может подставлять под удар близких ей людей! В этих письмах много чего такого, что не следует доверять постороннему взору: личные откровения, непредвзятые суждения, нелестные оценки происходящих событий. Если через некоторое время сюда нагрянут с обыском (а есть всё основания это предполагать), то эти письма, которые уже не в силах будут повредить лично ей, могут, тем не менее, принести неприятности тем, кто их написал. Поэтому их нужно сжечь все до единого. Свой личный дневник она сожгла ещё в апреле.

Далее связка написанных ею самою адресов, петиций и воззваний к Якобинскому клубу в Кане, к Канской Коммуне, к директории департамента Кальвадос и тому подобное. Из всех её сочинений публично оглашён был лишь коротенький «Проект учреждения Женского народного общества в Кане». Мария хорошо помнила тот день. Это было в первый же месяц после того, как она поселилась в Кане, у мадам Бретвиль. Она тогда много писала, и её, как всех активистов, тянуло на трибуну. Она явилась в Общество друзей Конституции в самый разгар заседания, но не уселась покорно на скамейки для зрителей, как то полагалось не членам клуба, а пробралась к столу президиума и попросила десять минут, чтобы зачитать свой проект. Председательствующим тогда был Бугон-Лонгре. При виде тогда ещё незнакомой ему молодой особы, взявшейся неизвестно откуда, но источающей неукротимую энергию, Бугон дал пятнадцать минут.

За то время, пока Мария, стоя перед ним лицом к залу, зачитывала свой проект, он внимательно ощупал взглядом её крепкий стан со всеми выпуклостями, очерченными складками лёгкого розового платья, густые каштановые волосы, мягко ниспадающие на плечи, и горделиво выступающий вперёд подбородок. Его взор задержался на белых перчатках, плотно облегающих длинные кисти рук незнакомки. «Аристократка, – подумалось ему, – а какая бойкая! Откуда взялась? И собою недурна...»

Между тем Мария говорила о том, что пора перестать относиться к женщинам как к существам второго сорта, удел которых – домашнее хозяйство, что настало время активным гражданкам стать рядом с мужчинами в священной борьбе за Свободу и процветание нации. Затем она перешла непосредственно к проекту создания женского общества и стала зачитывать статью за статьей устав будущего клуба, в котором сухие уставные положения были густо перемешаны с громкими декларациями. Знающие люди могли бы заметить, что во многих пунктах Мария повторяет идеи недавно изданного в Париже сочинения Олимпии де-Гуж «Декларация прав женщины и гражданки»²⁵.

Члены клуба бурно аплодировали молодой ораторше, осыпали её щедрой похвалой, но никакого решения по её предложению не приняли. Канские революционеры сочли про себя, что в политике достаточно и мужчин, а их послушным жёнам и дочерям полагается сидеть дома за пряжей и рукоделием. Тот случай изрядно остудил общественную активность правнучки Корнеля. Её словно бы окатили студёной водой. Больше с публичными речами она не выступала, а если и приходила в клуб или в департаментскую администрацию, то только лишь уступая настойчивым приглашениям Бугона. В нынешнем году она прекратила и эти посещения.

Языки пламени охотно поглотили густо исписанные листки. На что они ей теперь? К чему хранить эти наивные, никем не принятые прожекты, напоминающие о тщетности её усилий всколыхнуть людские сердца и разом переделать мир? Конечно, в огонь! Сжечь всю эту бесполезную писанину! Теперь она поступит иначе. Больше она не будет разглагольствовать. Довольно пустых слов. Теперь она будет делать **дело**.

Наконец главное. Бриссотинские документы: целая кипа тоненьких брошюр, напечатанных в Кане на протяжении последнего месяца. Среди них одна измятая книжица, которую Мария постоянно перечитывала и выучила почти наизусть: «Воззвание к французам, друзьям Свободы» Шарля Барбару. Брошюра эта оказала на Марию огромное влияние.

«В своё время, – писалось в брошюре, – Бриссо сказал, что истинный патриот не может, не краснея от стыда, называть Марата гражданином. Этот бешеный зверь никогда и не был таковым. Теперь, после 31 мая и 2 июня, мы видим, что сам Марат думает о себе: ему и не нужно быть гражданином; он хочет называться диктатором, как Сулла и Цезарь; и так же как Сулла и Цезарь, он намерен попать Республику своею стопою». Мария выписывала на отдельный листок кроткие фразы и целые предложения, чтобы продолжить и развить заключённые в них мысли. Постепенно к «Возванию» Барбару накопились пространные комментарии, о которых автор и не ведал. «Благополучие Франции зависит от исполнения законов», – писал марселец. «Поправ эти законы, – добавляла Мария, – анархисты сами и лишились их защиты. Подняв руку на священные права Нации, они обратили всю Нацию против себя. Обнажив оружие и пролив человеческую кровь, они заслужили того, что на них самих обрушится карающий меч...»

Таковы были рассуждения нашей героини, которые ввиду предстоящей поездки в логово этих самих анархистов она сочла нужным предать огню. Следом за книжкой Барбару и комментариями к ней в печь отправились «Краткий рассказ о событиях, происшедших в Париже 31 мая – 2 июня» Горса, «Обозрение доклада о 32-х проскрибированных бриссотинцах» Луве,

²⁵ При этом принятая Национальным Собранием 26 августа 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина» (Declaration des droits de l'homme et du citoyen) естественным образом понималась как декларация прав прежде всего мужчины (l'homme).

«Обращение депутата Бергоена к своим избирателям и всем гражданам Республики», а также прокламации повстанческого Собрания Кана, ставшего затем «Центральным советом сопротивления насилию и угнетению».

Через полчаса секретер Марии почти опустел. Остались лишь её рисунки на больших альбомных листах, аккуратно подшитые друг к другу и составившие две объёмные тетради. Жалко предавать огню эти дорогие её сердцу творения, может быть, единственное, что ей по-настоящему удалось. В первой тетради собраны пейзажные зарисовки: живописные каналы Кана, из-за которых его называли нормандской Венецией, причудливые извилины реки Орн, цветущий сад монастыря Аббе-о-Дам, прелестный луг у Лувины. Во второй тетради групповые сценки: вечер в салоне мадам Левальян, заседание Якобинского клуба, праздничный фейерверк в канской крепости, женщины Кана жертвуют свои серьги Отечеству, а также отдельные портреты: отец в парадной форме, важно опирающийся на золочёную трость, – работа пятилетней давности, – сестра Жаклин за рукоделием; Роза Фужеро, играющая на арфе; Бугон-Лонгре верхом на коне, натягивающий удила и готовый пуститься вскачь; он же у себя в кабинете, сидящий у горящего камина с книгой Вольтера в руках. Ещё один такой рисунок Жан Ипполит выпросил для себя, потом долго уговаривал Марию сделать дарственную надпись, но получив её, заметно расстроился: под рисунком появилась всего одна сухая строчка: «Моему другу, гражданину Бугону. Мария Корде. Кан, 23 февраля 1793, II года Республики».

Последний рисунок был не окончен: в римском сенате республиканец Брут в белой античной тоге, с пылающим взором южанина и густой чёрной шевелюрой, разметающейся по плечам, заносит обнажённый кинжал над сидящим на троне Цезарем. Тот, кто видел античные бюсты Брута, не мог не заметить, что у него была весьма короткая причёска.

В коридоре слышались тяжёлые шаркающие шаги, кто-то тронул ручку двери, но, запертая на крючок, она не открылась.

– Кто там?! – громко спросила Мария.

«Обедать!» – донёсся из коридора голос мадам Бретвиль. Кузина всё ещё силилась открыть дверь, и крючок звякал, подпрыгивая в железной петле. «Сейчас приду!» – отозвалась Мария, торопливо пряча тетради обратно в секретер. «А от кого ты закрылась, Мари?» – недоумевала хозяйка за дверью. – «Я не одета». Старушка хмыкнула и оставила дверь в покое; через минуту слышались её удаляющиеся шаги.

Марию удивило, что хозяйка не поленилась самолично прийти и позвать её к столу. Обычно это делала кухарка, да и то лишь тогда, когда Мария слишком задерживалась и не поспевала к урочному часу. Бывало и так, что она вообще оставалась без обеда. А тут такая забота! Видимо, здорово всё-таки она поразила кузину заявлением о своём завтрашнем отъезде. И хотя голос хозяйки по-прежнему звучал не очень любезно, сам приход её уже говорил о многом. Да, взволновалась бедная старушка... Надобно успокоить её. Вести себя как ни в чём не бывало, словно бы и не было неприятного разговора во внутреннем дворике.

Большая Обитель. 7 часов вечера

Столовая мадам Бретвиль была едва ли не самым тёмным помещением в Большой Обители. Через узкое окно с закопчёнными стёклами проникало так мало света, что приходилось зажигать несколько светильников, чтобы что-нибудь разглядеть. Копоть исходила от расположенной здесь же печи, у которой трудилась кухарка Габриель, приходившая в Большую Обитель по утрам и вечерам. Вдоль небелёных кирпичных стен тянулось несколько старинных шкафов, заполненных разнообразной посудой, ещё более ветхой, чем сами шкафы. Посреди столовой громоздился длинный дубовый стол из тех, какие встречаются только в старых дворянских домах или даже в средневековых замках, по обеим концам которого стояло по жёсткому креслу из орехового дерева, а с боков – ещё пара стульев со спинками. Особенно нелепо выглядел установленный здесь же неработающий клавесин эпохи Людовика XIV. После того, как хозяйка закрыла на два замка гостиную, а после неё и другие помещения, которые она сочла излишними для пользования, эта тёмная столовая стала одновременно и кухней, и столовой, и гостиной. О прижимистости владелицы Большой Обители в Кане ходили анекдоты.

В этот вечер, как обычно, мадам Бретвиль заняла место у одного конца стола, Мария – у другого, а кухарка подавала им блюда. Пища тоже была обычной: на первое суп с сушёными грибами, на второе жареный в масле тунец, и в завершение вишнёвый компот.

Неожиданно для Марии на обеде присутствовал Огюстен Леклерк вместе со своей женой. Они сидели рядышком на стульчиках и мило улыбались старой хозяйке и её молодой постоялице. Мария вдруг поняла, почему кухня не ложилась сегодня после полудня: она ожидала своего управляющего.

Когда мадам Бретвиль садилась во главе стола посреди своей челяди, она словно бы сбрасывала с себя груз лет и вновь становилась той величавой надменной особой, которая некогда внушала всему Кану почтение и трепет. Среди её предков были маркизы и графы, а её покойный супруг служил королевским казначеем Нижней Нормандии. Так что чувства собственного достоинства хозяйке Большой Обители было не занимать. Уже отведали первое блюдо, перешли ко второму, а она ни словом не обмолвилась об отъезде Марии. Говорили о том и о сём, и, конечно же, речь зашла о беглых депутатах, уже почти месяц укрывающихся в их городе.

– Да, сейчас все разговоры только о них, – заметил Леклерк, когда к нему обратились. – Хотите знать моё мнение, мадам? Эти господа не внушают мне доверия. Я уже говорил мадемуазель Мари и готов повторить: по-моему, они такие же прохвосты как и все прочие политики. Однако справедливости ради нужно заметить, что с ними обошлись незаконно. И отчего это парижане присвоили себе право решать за всех французов? Члены Конвента избирались не только Парижем, но и всей страной. Поэтому всей Франции и нужно решать, что делать с ними.

– Ты, Огюстен, человек рассудительный и, наверное, говоришь дело, – молвила хозяйка неспешно. – Но ты говоришь по-учёному и поэтому не договариваешь до конца. А я скажу по-простому и скажу всю правду. Все безобразия в стране начались с парижан. Вся зараза пошла оттуда. Кто придумал носить эти дурацкие колпаки, какие раньше носили только балаганные шуты? Это придумали парижане. Где начали перекапывать площади и сажать на них взрослые уже деревья²⁶, ломая им корни и обрекая на гибель? Начали в Париже. Кто первым навалил перед собором кучу камней и назвал это Алтарём Отечества? Опять-таки парижане. Теперь все толкуют о свободе и равенстве, а двери своих домов, которые раньше всегда держали открытыми, нынче запирают на девять замков. Вот и выходит: свобода нужна тем, кто рвётся творить беззаконие.

²⁶ Имеется в виду т. н. «Древо Свободы», увенчанное красным колпаком, вокруг которого водили хороводы и пели революционные песни.

– Если я вас правильно поняла, дорогая кузина, – заметила Мария с усмешкой, – парижане не нравятся вам всё же больше, чем бриссотинцы.

Мадам Бретвиль со вздохом откинулась на спинку стула и швырнула салфетку на стол:

– Дались же тебе эти бриссотинцы! Что ты всё трещишь мне о них, не переставая? Кто такие бриссотинцы? Это что, народ такой или такое сословие? Нет ни такого народа, ни такого сословия. Это всё случайные люди: не знаю уж, пострадавшие ли, или получившие по заслугам. Сегодня они есть, завтра нет. Ты, голубушка моя, смотри глубже, туда, где корень зла. Туда, откуда исходят все безобразия.

– Вы говорите о парижанах или о Горе?

– О какой ещё горе? – нахмурилась мадам Бретвиль. – Впору говорить о пропасти, в которую всё катится.

– А я вот что слышала на рынке, – подала голос супруга Леклерка. – Не знаю, верить или нет. Поверить страшно, а не поверить – хуже будет...

– Рассказывай, – милостиво разрешила хозяйка.

– Говорят, что самый главный из этой Горы... Как его?

– Марат, – подсказала Мария.

– Да-да, Марат. Так вот: этот Марат прямо сказал в Собрании²⁷: «бретонцы и нормандцы самые ненавистные нам люди на свете». Говорят, что у него уже и списки готовы по всей стране, и количество людей указано, которых нужно истребить: в Ренне – три тысячи, в Бретани – тридцать тысяч, а в нашей Нормандии – триста тысяч. Вот ведь ужас-то какой!

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, чтоб его треснуло! – с готовностью согласилась хозяйка. – Кто он по происхождению: итальянец или сардинец? А сардинцы – всё одно, что арабы. От подобных злодеев всего можно ожидать. В Париже уже всё растащили, расхитили, – вот теперь и зарятся на наше добро. Зря, что ли, думаешь, калиф этот присылал сюда своих скупщиков?

– Это которых арестовали в мае месяце?

– Их самых. «Коммерсанты, – говорят, – из Парижа». А под плащами у каждого по пистолету. Нагрянули к Отену, ювелиру: «Как у вас с камушками?» Затем по церквям, по ризницам прошли и всё-всё записывали в книжицу. Золото, стало быть, считали. Один из наших, почтмейстер, улучил момент и заглянул в их карету, а там на стенке буква «М» вышита и под нею скрещённые кинжалы.

– «Марат»! – воскликнула догадливая мадам Леклерк.

– Допустим, дорогая кузина, дело было не совсем так, – возразила Мария со смехом. – И по церквям они не ходили, и о карете, и о скрещённых кинжалах я ничего не слыхивала.

– Ты много чего не слыхивала, голубушка моя, – парировала хозяйка. – Ты и о сардинце-то услышала едва ли не вчера. А я на своём веку слыхала и видала всякое. Поэтому говорю: все бандиты на одно лицо.

Кухарка убрала пустую посуду и подала вишнёвый компот. На колени мадам Бретвиль, мурлыча и облизываясь, взобралась её любимица Минетта. Она жила в Большой Обители уже добрый десяток лет и по своему кошачьему возрасту была такой же старой как и её хозяйка. В прошлом месяце Минетту здорово потрепали соседские кошки, после чего её шею и левую сторону головы охватила огромная опухоль. Чрезвычайно обеспокоенная этим мадам Бретвиль носила кошку к знакомому ветеринару, который сделал ей хирургическую операцию. Теперь, хотя рана понемногу заживала, изрядно похудевшая за это время Минетта, со швами и выстриженной шестью на шее являла собою жалкое и одновременно умильное зрелище.

²⁷ *Собрание (l'Assemblée)* – так в просторечье называли высший законодательный орган Франции, – сменявшие друг друга Национальное собрание (1789 г.), Учредительное или Конституционное собрание (1789–1791 гг.), Национальное Законодательное собрание (1791–1792 гг.) и Национальный Конвент (1792–1795 гг.).

Молодую квартирантку Минетта недолюбливала, и когда встречалась с ней, то настороженно поднимала уши и дыбила шерсть. Из-за этой-то кошки и испортились отношения Марии и мадам Бретвиль. Дело в том, что до появления молодой особы Минетта вела себя как вторая хозяйка Большой Обители, для которой открыты все двери. Однажды вечером, идя к себе по тёмному коридору, Мария не заметила, как кошка вместе с нею проникла в её комнату. Только через полчаса, когда непрошенная гостья запрыгнула на стол и попробовала на зуб отмокавшие в стакане кисточки, Мария вскочила на ноги и с помощью чугунной кочерги выгнала кошку прочь. Наверное, при этом Мария слишком энергично размахивала кочергой и пару раз пре- больно задела Минетту.

По тому, как повела себя на другой день мадам Бретвиль, Мария не сомневалась, что кошка сумела каким-то образом пожаловаться на неё. «Да, я ударила её, – ответила она на вопрос кузины. – Терпеть не могу, когда кто-то суётся в мою комнату без спроса». После этого случая мадам Бретвиль неделю не разговаривала с Марией, а приходящие в дом гости узнавали, как молодая квартирантка жестоко бьёт и истязает незащищенных животных. Даже после того, как Минетту изодрали соседские кошки, и было件нятно, что человек не мог нанести такие раны, мадам Бретвиль всё же не преминула спросить у Марии, не она ли изувечила несчастную тварь.

Итак, обед подходил к концу.

– Совершенно согласен с вами, мадам, – продолжал свою речь Леклерк, всегда согласный с хозяйкой. – В прежние времена господ, подобных мсье Марату, держали в Бастилии под крепким замком. Или четвертовали на Гревской площади, как Картуша. А теперь эти господа заседают в клубах и обществах, пролезли в народные представители и вообразили себя вершителями судеб страны...

Впрочем, владелица дома уже не слушала своего управляющего.

– Завтра я с Габриель собираюсь в Сен-Уэн, – сообщила она, вытирая полотенцем руки. – В девять утра кюре Бюнель отслужит там обедню и примет исповедующихся. Ты пойдёшь с нами, мой друг?

Этот вопрос был обращён к нашей героине. Мария знала, что кузина ходила только к неprisягнувшему кюре Бюнелю и ни к кому другому. Конституционных священников она не признавала, называя их христопродавцами; причём главным христопродавцем в её глазах был департаментский епископ Фоше. И хотя под боком стояли церковь Сен-Жан и просторный собор Сен-Пьер, мадам Бретвиль тем не менее ходила в пригород Сен-Уэн, где в каком-то частном доме служил ещё тот самый священник, из-за которого разгорелся сыр-бор в ноябре 91-го и который уже третий год упорно отказывался присягать Конституции. Именно у этого кюре, в тесноте и духоте его каморки выстаивало мессу, пело «Te Deum» и причащалось почти всё пожилое население Кана.

– Я же вам сказала, кузина, что завтра я уезжаю. Мой дилижанс отправляется в одиннадцать утра.

– В одиннадцать? И я узнаю об этом накануне вечером?! Всего за несколько часов?! Хорошенькие дела... – покачала головою старушка, стараясь не выдать своего изумления. – И что же: ты и вещи уже собрала?

– Мой саквояж ждёт меня в бюро дилижансов.

Теперь четыре пары удивлённых глаз воззрилось на Марию; на лицах кухарки, управляющего и его жены был написан один и тот же вопрос: «Не случилось ли чего-нибудь, мадемуазель?» У кухарки даже задрожала в руках посуда, и Марии показалось, что чашки и тарелки вот-вот упадут на пол. Милая добрая Габриель, души не чаявшая в молодой госпоже, исполнявшая все её прихоти, – уж она-то никак не заслужила такого обращения. Наша героиня покраснела и поспешно добавила:

– Но вам не стоит волноваться. Я уезжаю всего на пару недель. Габриель облегчённо вздохнула, супруги Леклерки вернулись к трапезе, но мадам Бретвиль всё ещё не сводила со своей квартирантки испытывающего взора:

– И куда едешь?

– В Аржантан. К отцу.

– С кем?

– С одной подругой.

– Но ты ведь только что ездила к отцу, на Пасху...

– Я была у отца в апреле, дорогая кузина, – уточнила Мария. – А сейчас уже июль. Прошло почти три месяца.

– Да, три месяца, – хмыкнула хозяйка. – Раньше ты так часто не ездила. Если раз в год соизволишь повидаться с роднёй, и за то низкий поклон. А теперь гляди-ка, как зачастила. С чего бы это вдруг?

– Время вообще течёт быстрее, – заметила Мария философски. – То, что прежде совершалось за годы и годы, теперь происходит в считанные дни.

– Не понимаю, о чём ты говоришь...

– О стремительности событий, дорогая кузина. Читайте современные исторические труды.

Чело мадам Бретвиль потемнело.

– Огюстен! – обратилась она к управляющему таким торжественным тоном, что тот вздрогнул и едва не поперхнулся компотом. – Прошу вас, пощупайте пожалуйста лоб вашей новой хозяйки. Мне кажется, у неё жар и она бредит. Я предупреждала, что чтение этих новых книжек не доведёт до добра.

Леклерк виновато заморгал глазами, словно бы его уличили в чём-то нехорошем. Старая госпожа ревниво относилась к своему мажордому; ей не нравилось, если он служит кому-то ещё, да и без её ведома. Слова «ваша новая хозяйка» неприятно резанули слух всех присутствующих, за исключением одной лишь жены Леклерка, простодушной женщины, с детства воспитанной своим отцом, камердинером маркиза Бланжи, в уважении к титулованным особам.

– Что же вы не предупредили нас, дорогая Мари, что собираетесь в путь? – всплеснула она руками. – Вам не нужно было утруждаться. Огюстен отнёс бы ваш багаж к дилижансу.

– Достаточно уже, что он таскался с нею в Интендантство, – холодно вставила мадам Бретвиль. – Сегодня у неё на уме одно, завтра другое... Сама не знает, что делает. Если она хочет, чтобы он прислуживал ей всякий раз, когда ей что-нибудь взбредёт в голову, пусть выплачивает ему отдельное жалование.

– Неужели вы думаете, – огрызнулась Мария, – что мсье Леклерк оказывает мне услуги за ваш счёт?!

Леклерк сделал умоляющий жест в направлении старой госпожи и поспешил разрядить накаляющуюся обстановку:

– Успокойтесь, мадам, прошу вас. Не нужно ссориться в такой день! – Затем повернулся к Марии: – И вы, мадемуазель, пожалуйста, не обижайтесь на мадам. Всё это от того, что она расстроена тем, что вы уезжаете. Видимо, вы сообщили ей об этом столь внезапно, что она никак не может оправиться от неожиданности. Понимаете? Она по-своему привязана к вам, – право, привязана! – и ей будет очень грустно, если вы уедете надолго.

Хозяйка хотела что-то возразить, но не смогла открыть рта. Внезапная слеза скатилась по её щеке, и она отвернулась, чтобы никто этого не заметил. Её семнадцатилетняя дочь, которую также звали Мария, единственный плод её постылого брака с королевским казначеем, последняя отрада жизни, зачахла и умерла в 1789 году, в год начала Революции. После её похорон Бретвиль два года не снимала траура, а улыбка навсегда исчезла с её лица. Собственно говоря,

старая хозяйка немного пришла в себя и ожила лишь тогда, когда в её доме появилась молодая родственница из Аржантана. Только после приезда Марии Большая Обитель вышла из летаргического сна, вновь расцвели цветы на заброшенной клумбе и престарелая вдова вернулась к своим обычным хлопотам по хозяйству.

У самой Марии подкатил к горлу ком и слёзы готовы были вот-вот брызнуть из глаз. Ведь кроме неё никто в этом доме не догадывался, что завтрашний отъезд её станет окончательным, и она уже никогда не вернётся.

– Но... почему же надолго? Я же сказала, что уезжаю всего на пару недель. Сколько раз я ездила к отцу, и это не вызывало такого беспокойства. Что же переменилось теперь? Уверяю вас, всё будет как обычно. Я только проводаю отца и сестру и тут же вернусь.

Противиться тому, чтобы Мария провела своих ближайших родственников, естественно, никто не смел. Мадам Бретвиль беспокоилась по другому поводу. У неё были все основания считать, что Мария чего-то не договаривает. Никогда ещё её квартирантка не собиралась в дорогу так скрытно и не сообщала окружающим о своём путешествии всего за несколько часов до отъезда. Она и саквояж заблаговременно отнесла в бюро дилижансов, да так, что этого никто не видел. Сегодня, чтобы пройти к себе, она вздумала воспользоваться чёрным ходом, а между тем мадам Бретвиль ещё месяц назад запретила ей открывать старую разошедшуюся дверь в маленьком дворике и даже забрала ключи от неё. Значит, квартирантка где-то раздобыла ключи и пренебрегла хозяйским запретом, и всё это ради того, чтобы входить и выходить незаметно для остальных, живущих в доме. С чего бы вдруг такая таинственность? А теперь ещё эта чрезвычайная спешка...

– Проводать отца и сестру – это хорошо, – кивнула мадам Бретвиль, но в голосе её звучало прежнее недовольство. – Это поступок воспитанной дочери. Если бы ты ещё столь же усердно исполняла то, чему тебя учили в монастыре! Когда ты последний раз была в церкви? Когда последний раз исповедовалась?

Мария примирительно улыбнулась:

– Дорогая кузина, я бы с радостью пошла с вами к мсье Бюнелью. Но, увы, я должна ехать.

– Отложи выезд.

– Но я уже заказала себе место в дилижансе и заплатила вперёд!

– Матерь Божия, Пресвятая Дева! – всплеснула хозяйка ладонями, поднимая глаза к потолку. – И хватает же у неё денег разъезжать туда-сюда! Скажи: откуда у тебя деньги? Своими руками ты ни одного су не заработала.

– Я откладывала из того, что присылал мне отец, – обиженно молвила Мария; ей стало неудобно перед Леклерками, которые могли подумать, что она сидит нахлебницей на шее у бедной старушки.

– Когда нужно что-то для дома, по хозяйству, у неё денег нет, – продолжала ворчать Бретвиль. – А как на карету: нате, пожалуйста...

– Неправда, кузина. Разве я когда-нибудь скупилась на съестное, что полагается к столу? Почти все свечи в этом доме куплены мною, иначе мы бы сейчас сидели в потёмках при одной вашей лампадке. Подтверди, Габриель!

Обращённый к кухарке призыв остался без ответа. Хотя Габриель сочувствовала Марии, но открыто встать на её сторону не решилась, боясь вызвать недовольствие старшей хозяйки. Нет, против мадам Бретвиль она ей не помощница. Прислуге встревать в господские дразги – только себе во вред. Остановить назревающую перебранку мог лишь Огюстен Леклерк, слышавший у престарелой вдовы рассудительным человеком и в то же время пользовавшийся доверием Марии. Он и в самом деле открыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот самый момент мадам Бретвиль сбросила Минетту с коленей, поднялась и, ни слова не говоря, удалилась в свою спальню.

Леклерк перевёл дух, а кухарка удивлённо повела головою: впервые за два года старая госпожа уступила своей квартирантке и не подняла брошенную ей «перчатку». О, это что-то новенькое! Поле боя осталось за молодой госпожой. Неужели слабеет всевластная помещица, плоть от плоти господских кровей, пред которой некогда дрожали не то что дворовые девки, но и крепкие деревенские мужики?! Если так пойдёт и дальше, то глядишь, через месяц-другой хозяйки Большой Обители поменяются местами, и молодая будет командовать старой. Хотя, впрочем, ещё неизвестно, как всё сложится... По напористости и упрямству обе эти дворянки вполне достойны друг друга.

– Благодарю вас, мсье Леклерк, – сказала Мария прежде чем выйти из-за стола, – сегодня вы были весьма предупредительны. Мне хочется также поблагодарить вас за всегдашнюю помощь, оказываемую мне, и за ваши неоценимые услуги. Поверьте, я всегда буду признательна вам.

Вероятно, в словах Марии прозвучало что-то похоронное, отчего управляющий встрепенулся и устремил на неё удивлённый взор:

– Вы так говорите, мадемуазель, будто бы видите меня в последний раз. Я надеюсь ещё немало послужить вам и в будущем.

– Кончено-конечно, мсье! – поспешно улыбнулась она.

В длинном тёмном коридоре прогуливалась хозяйская любимица Минетта. Услышав скрип половиц она настороженно подняла уши и, увидев приближающуюся Марию, тотчас отпрянула назад и юркнула в открытую комнату хозяйки. «Глупое животное, – подумала Мария, проходя мимо. – Что она прячется от меня, будто я её преследую? Чего она боится?»

Зайдя в свой покой, Мария вновь заперлась на крючок, зажгла свечу и опустилась в креслице напротив камина. Взгляд её упал на кучу остывшей золы – всё, что осталось от сожжённых ею бумаг. Некогда один римский полководец приказал сжечь корабли после того, как его армия высадилась в Африке. Тем самым он ясно показал своим легионерам: назад пути нет. Говорят также, что это сделал Фердинанд Кортес, достигнув берегов Мексики. В Нормандии рассказывают нечто подобное о своём национальном герое – Вильгельме Завоевателе, переправившимся через Ла-Манш и покорившим Англию. Но, в конце концов, кто бы это ни был: римлянин, Кортес или Вильгельм, он поступил весьма решительно, исключив возможность всякого отступления. После этого его воинам не оставалось ничего иного, кроме как стать победителями, либо погибнуть. Или – или...

Для нашей героини брошенные в огонь письма, речи, прожекты, брошюры были теми же самыми кораблями, связывающими её с прежней жизнью. Предавая их огню, она рвала с прошлым и устремлялась в будущее. Вперёд и только вперёд! Ни о чём не жалеть! Ничто не должно тянуть назад. Да и что такого замечательного было там, позади, в её прежней жизни, чтобы сожалеть о ней?

День за днём, вечер за вечером, – одна в этих замкнутых стенах, в сгущающихся сумерках, во мраке безысходности сколько дум передумала она, сколько раз приходила в отчаяние от бессмысленности своего существования, сколько раз тяжёлый комок подкатывал к горлу и слёзы ручьями текли из глаз! Так можно сойти с ума. Мария брала себя в руки и чрезвычайным усилием воли заставляла просохнуть глаза. Ведь она ещё так молода! У неё ещё всё впереди. Но что, собственно говоря, впереди? Что может уготовить судьба для представительницы обедневшего дворянского рода? Какую жизнь ей предстоит прожить? Жизнь прилежной дочери, покладистой супруги, доброй матери, мадам Буа-Мари, как того хотел отец, или гражданки Бугон-Лонгре, как советовала кузина, – встречать мужа, возвращающегося со службы или с хмельной пирушки, сажать его за стол, повязывать на его шее салфетку, подавать ночную сорочку, желать спокойной ночи, нянчить детей, хлопотать по хозяйству, варить варенье, отчитывать нерадивую прислугу, запасаться на зиму дровами, греться на солнышке в плетё-

ном креслице, стариться, ворчать на внуков, принимать сердечные капли, слечь от паралича и умереть, – всё.

Для кого-то это и есть жизнь. Но только не для неё, кипучей и деятельной натуры, рождённой для бурь и раскатов грома, потрясающих землю от одного края до другого. Она ещё так молода! Обжигающая кровь струится по жилам и стучит в висках, сердце готово выпрыгнуть из груди. Такая нерастраченная сила коренится в её теле! Перед этой силой падут легионы. Ей не хватает только толчка, чтобы вырваться на волю, изливаясь широким потоком, сокрушая на своём пути все преграды. О боги света и тьмы, вложившие в неё эту великую неодолимую силу! неужели вы допустите, чтобы она зачахла, замурованная в четырёх стенах как в могильном склепе? Нет же! Если вы вложили её, то и сделайте так, чтобы эта сила нашла выход. О боги света и тьмы, укажите путь своей избраннице, и тогда она покажет, на что она способна! Тогда, быть может, вы сами всплеснёте руками от изумления, великие боги, и ваши уста застынут в немом восторге.

С этой молитвой Мария легла в постель, закрыла глаза и уснула. За окном тревожно стрекотали сверчки и ночная мошकारа тщетно билась в толстое стекло. Плывущий по небу полумесяц цеплялся рожками за острые шпили собора Сен-Этьен. На столе в жестяной плошке, оплывавая, догорала свеча. Мария забыла её потушить перед сном. Стояла тихая июльская ночь, – последняя ночь её безвестного прошлого и первая ночь славного будущего.

Жить ей оставалось всего девять дней.

Из мемуаров Луве де-Кувре (1797 г.)

Я заявляю и утверждаю, что она никогда ни единым словом не открывала нам своих намерений. И если бы мы могли ей советовать и руководить её действиями, то разве на Марата захотели бы мы направить её удар? Разве мы не знали тогда, что он настолько был поражён жестокой болезнью, что ему оставалось жить едва ли два дня. Склонимся же пред волей Провидения; это оно пожелало, чтобы Робеспьер и его сообщники были обречены на гибель задолго до того, как это случилось. И давно уже было ясно французскому народу, какая участь ожидает как коварных роялистов, так и честолюбивых тиранов.

Ничто не затмит нам тебя, о Шарлотта Корде! Напрасны усилия рисовальщиков-кордельеров, которые, сговорившись, пытаются обезобразить твои прекрасные черты; ты всегда будешь сиять перед нашим взором, гордая и возвышенная, благородная и целомудренная, какой ты останешься для нас навсегда. Ты сохранила эти достоинства в неприкосновенности, твой пылкий взор умеряла скромность. Этот взор блистал, когда ты нанесла нам последний визит накануне того дня, когда ты пустилась в путь, чтобы убить того человека, ужасные деяния которого не забыты до сих пор, сколько бы не старались затушевать и приукрасить его гнусности.

9 июля, вторник

Большая Обитель. 7 часов утра

Жанна д'Арк выехала спасать Францию верхом на коне, Мария Корде для той же цели решила воспользоваться дилижансом. Но если крестьянка Жанна пустилась в путь без гроша в кармане, то дворянка Корде взяла в дорогу пятьсот ливров металлической монетой и две тысячи триста ливров ассигнатами²⁸, а также запаслась приличным гардеробом: двумя платьями, тремя рубашками, юбками, чепцами, косынками и сменой нижнего белья. Ещё в воскресенье, сразу же после парада, едва расставшись с Розой Фужеро, она упаковала дорожный саквояж и принесла его в бюро дилижансов. Ей сказали, что проезд до Парижа стоит пятьдесят ливров серебром, по шестнадцати су за лё, и что экипаж отправляется по вторникам, четвергам и субботам. Теперь как раз был вторник.

День выдался ясный и безоблачный, как и все предыдущие. В половине восьмого утра уже блистало яркое солнце. «Ранний завтрак» прошёл в безмолвии. Поднявшаяся после бессонной ночи хозяйка Большой Обители натужно кряхтела и ни с кем не желала общаться. Её красные опухшие глаза словно бы не видели сидящую напротив Марию. Напрасно кухарка уговаривала госпожу съесть сладкий творог и печенье; она испила лишь одну чашечку кофе с молоком, тяжело поднялась и объявила, что идёт одеваться к обеду. «Дорогая кузина! – обратилась к ней Мария в самое последнее мгновение. – Простите меня, я вновь воспользовалась вашим саквояжем. Мой всё ещё в починке». Бретвиль наморщила лоб, пытаясь вспомнить, о каком таком саквояже идёт речь (сама она уже целую вечность никуда не выезжала), но, так и не вспомнив, махнула рукой.

Марии хотелось покинуть Кан незаметно, чтобы свидетелей её отъезда было как можно меньше. Последние дни она вела себя с предельной осмотрительностью. Встречаясь с подругами и бывая в гостях, она всячески избегала разговоров о своих планах на ближайшее время. Если с ней о чём-то договаривались и куда-то приглашали, она только пожимала плечами, а когда и этого нельзя было сделать, давала уклончивые ответы. Подруги сочли это за рассеянность и оставили её в покое. Те из них, которые знали её получше, вспомнили, что на неё и раньше находило нечто подобное. В такие минуты лучше было не раздражать её назойливыми расспросами. Впрочем, никто не подметил в поведении Марии чего-то необычного; она была как всегда сдержанно-приветлива и немногословна.

Конечно, через день или два друзья заметят её отсутствие и придут справиться о ней в Большую Обитель. Кузина скажет им то, что знает: Мария отправилась в гости к отцу с какой-то подругой. Такое известие не должно вызвать особенного беспокойства.

Хорошо, что Мария не назвала имя своей подруги, с которой она будто бы собирается ехать в гости к отцу. Будь хозяйка понастойчивее и потребуй назвать имя спутницы, Мария была бы поставлена в очень щекотливое положение. Назвать какую-либо из своих подруг, знакомых мадам Бретвиль, нельзя было без риска оказаться разоблачённой на другой же день, когда эта подруга придёт в Большую Обитель справляться о пропавшей Марии. Разумеется, о том, чтобы сказать кузине правду, что она едет одна, вообще не могло быть речи: совершенно ясно, как отреагировала бы на это владелица Большой Обители, воспитанная на дореволюционных нравах и понятиях. Помимо бурной сцены, устроенной Марии, на другой же день мадам

²⁸ До того, как Наполеон ввёл франки и сантимы с чётким соотношением 1:100, денежная система Франции была довольно громоздкой. 1 луидор = 4 экю = 24 ливра = 480 су = 960 денье. Введение в оборот во время Революции постоянно падающих в цене бумажных денег – ассигнатов ещё более усложнило ситуацию. К июлю 1793 г. ассигнаты обесценились на 75–80 %.

Бретвиль оповестила бы своих подруг о недопустимом и прямо-таки бесстыдном поведении проживающей у неё девицы из почтенной дворянской семьи, а те старушки в свою очередь принялись бы судачить об этом на всех перекрёстках.

Это там, в столице, в этом ужасном Вавилоне за четыре года утратили уже всякую нравственность. Провинцию так быстро не поколебать. Особенно в таких щепетильных вопросах. Незамужняя девица, находящаяся в незнакомом обществе (а салон дилижанса является именно таковым), должна иметь покровителя или сопровождающего, – так было испокон веков. Прежде всего это должен быть защитник; в идеале – взрослый мужчина-родственник, слуга; затем служанка; допустима также замужняя родственница или, на худой конец, знакомая мадам. Когда в апреле Мария ездила в Аржан-тан, её сопровождала модистка мадам Бретвиль по фамилии Корню. Ещё раньше, чтобы навестить Розу Фужеро, проживавшую в Байё, Марии пришлось присоединиться к едущей туда по делам мадам Бомон. До сего дня, в сущности, Мария не нарушала неписаных правил приличия. Но теперь был слишком необычный исключительный случай. Впервые в жизни она тщательно скрывала от окружающих свой истинный маршрут и истинную цель своего путешествия. Теперь ей надлежало полагаться только на самоё себя.

* * *

К десяти часам утра все сборы закончились. Комната в Большой Обители оставлялась такой же, какой была в тот день, когда Мария впервые переступила её порог, – столь же нежной, пустынной и тёмной: ничего, что напоминало бы о постоялице, прожившей в ней два долгих года. Все её вещи, не нужные ей в пути, включая книги, были снесены в тёмный чулан. В руках у путешественницы были лишь бумажный веер и небольшая сафьяновая сумочка, в которой лежали брошюры, приготовленные для депутата Дюперре²⁹, а также рекомендательное письмо Барбару. Немного подумав, Мария положила в сумочку и свои альбомы; чтобы они поместились, их пришлось свернуть трубочкой. Теперь, кажется, всё. Можно идти.

Нет, не всё. Надо проститься с отцом и младшей сестрой Жаклин. Они в Аржантане и ведать не ведают, куда она собралась. Весною, проведя в отцовском доме полмесяца, она обещала вновь приехать в августе, на день святого Жюстина. Они, наверное, ждут её к началу сенокоса.

Мария подобрала какой-то пустой листок и присела на подоконнике, где было больше света. Совсем небольшое письмецо, необходимая дань родственным узам. Хотя она покинула родительский кров и жила самостоятельно, она всё же оставалась под отцовской опекой. Отец всё ещё содержал незамужнюю дочь, регулярно посылая ей долю из своих отнюдь не великих доходов. В прежние времена она должна была испросить его согласия, прежде чем решиться на какой-либо важный шаг. Но теперь времена другие. Родительская власть над взрослыми сыновьями и дочерьми отринута как пережиток старого режима. Только в каких-нибудь глухих деревнях отцы ещё секут своих великовозрастных отпрысков за непослушание.

Шесть лет, проведённых Марией в пансионе при монастыре Аббе-о-Дам, и два года в Кане совсем отдалили её от родителя. Правда, после закрытия монастыря она хотела было поселиться в родовом поместье, но увидела, что никто её там не ждал, и лишний рот отцу вовсе не нужен; он и так едва сводил концы с концами. Вдобавок ко всему они разошлись в политических взглядах. Наивный роялист-прожектёр, печатавший некогда в «Записках аржан-

²⁹ Несколько странно, почему Мария не побоялась взять с собою эти брошюры, когда накануне уничтожила все хранящиеся у неё бриссотинские документы. Ответ может быть только один: эти брошюры находились у неё на особом счету. Вместе с рекомендательным письмом они составляли посылку, которую она должна доставить по назначению, невзирая на опасность. Со стороны Барбару, конечно, было не очень осмотрительно снабжать её такого рода литературой.

танского Собрания» статьи об идеальной, то есть о конституционной монархии, мсье Корде д'Армон не мог найти общего языка со своей дочерью, охваченной новыми идеями. К тому же годы брали своё. Отец быстро старел и превращался в скарёдного, ворчливого, брюзжащего затворника, озлобленного уже не столько на Революцию, сколько на весь белый свет. Сложив с себя муниципальную должность, он перестал выходить в общество и всё накопившееся у него раздражение от происходящего вокруг изливал на ближайшее окружение: на слуг и работников по хозяйству. Им доставалось по первое число.

А с приездом Марии у мсье Корде появился дополнительный раздражитель. Сама острая на язычок, дочь не давала отцу никакого спуска. Почти каждый их разговор, касался ли он событий в стране или просто посевной, заканчивался шумной перебранкой. Скоро стало ясно, что вместе им не ужиться. Вопрос был лишь в том, куда уехать Марии. После некоторых раздумий она выбрала Кан, который успела хорошо изучить, ибо монастырь Аббе-о-Дам почти примыкал к городу. По просьбе Марии её дядя, бывший аббатом в Аржантане, написал рекомендательное письмо к их дальней родственнице, мадам Бретвиль, прося приютить у себя его племянницу. С этим письмом на руках Мария и отправилась в Кан. С тех пор, когда она время от времени навещала отца, они оба старались держаться как можно любезнее и радушнее, хотя туча меж ними не рассеивалась.

Жаклин оказалась отцу ближе. Она-то осталась в родительском имении, хотя так же, как и Мария, провела в пансионе шесть лет и вместе с ней вернулась в родные пенаты. Уступчивая и покладистая, она подладилась к отцовскому характеру и нашла себе место в его ветшающем хозяйстве. Вопрос о переселении её куда-нибудь подальше не возникал. Наведываясь к отцу, Мария находила сестру вполне освоившейся хозяйкой усадьбы, принимающей гостей, распорядившейся на кухне, ведающей домашним гардеробом и даже выговаривающей за что-то своему родителю. К удивлению Марии этот «своенравный деспот» и «невозможный в общении человек» сделался сильно зависим от младшей дочери, без которой теперь не мог ступить и шагу. Никогда не ругавшаяся с отцом Жаклин постепенно возымела на него такое влияние, о котором Мария могла только мечтать.

Впрочем, и отец вскоре вынужден был покинуть своё поместье. После того, как оба его сына эмигрировали, он попал у местных патриотов в чёрный список. 12 мая 92-го года к нему в имение явились комиссары местной Коммуны; он велел не открывать ворота; те стали стучать и грозиться; он выстрелил из ружья, и тогда комиссары ринулись на штурм усадьбы. Неизвестно, чем бы всё это закончилось («мятежного аристократа» вполне могли убить), если бы отца решительно не защитила Жаклин. Она отобрала у него ружьё, а ворвавшимся в дом комиссарам объяснила, что старик не в себе, не ведает, что творит, и что она давно уже собирается показать его врачам. Комиссары ещё долго рассыпались угрозами, пытались учинить допрос «отъявленному феодалу и отцу эмигрантов», но, наконец, получив от Жаклин щедрые подарки, ворча, удалились.

После этого случая стало ясно, что оставаться в родовом поместье опасно. Жаклин предлагала последовать примеру Марии и переселиться в Кан, к мадам Бретвиль, но отец предпочёл Аржантан, где у него был брат-аббат, который и помог им снять дом на улице Бигель. В последний раз Мария приезжала именно туда.

Итак, письмо было готово. Всего десяток строк – только самое существенное, самое необходимое:

Я должна быть вам послушной, дорогой мой папá, а я всё-таки уезжаю без вашего разрешения; уезжаю, не повидавшись с вами, потому что мне было бы слишком грустно. Я уезжаю в Англию, так как во Франции долгое время не будет ни спокойствия, ни счастья. Перед отъездом я отнесу письмо на почту, и когда вы его получите, меня уже не будет в этой стране. Небо лишает нас счастья жить вместе, как оно лишило нас и многого другого. Быть может,

оно будет благосклоннее к нашему Отечеству. Прощайте, мой дорогой папá, поцелуйте за меня мою сестру и не забывают меня.

9 июля. Корде

По скрипучей деревянной лестнице Мария спустилась на нижний этаж и открыла маленькую дверцу, ведущую во внутренний дворик. В её планы входило удалиться этим запасным ходом, а не проходить по длинному коридору мимо покоев мадам Бретвиль. На ней было прогулочное платье из полосатого канифаса и жёлтая батистовая косынка, собранная у талии под пояс и завязанная на спине узлом. На руках белые перчатки, через локоть перекинута сафьяновая сумочка. Высокий нормандский чепец с длинными кружевными оборками, закрывающими лицо почти до половины, позволял узнать её только с очень близкого расстояния.

Всё же незаметно уйти ей не удалось. На улице Сен-Жан, по выходе из дома её увидел соседский мальчишка, сын столяра Люнеля. Он прыгнул с подоконника и громко заголосил: «Мари, Мари, куда ты идёшь? Ты идёшь рисовать?» – «Нет, Луи, я уезжаю», – ответила она с грустной улыбкой. «Уезжаешь?! – обеспокоился девятилетний подросток, почувствовав в её голосе трагическую нотку. – А когда вернёшься?» – «Через некоторое время...» Весёлость младшего Люнеля как рукой сняло. Дети подчас проницательнее взрослых; иногда кажется, что они обладают каким-то особым чутьём. Подчиняясь порыву, Луи подбежал к Марии и крепко обнял её за талию. Она и не ожидала, что этот маленький упрямец и задира, которого она вечно отчитывала за какие-нибудь безобразия, был так привязан к ней.

– Ты что, Луи? Пусти меня, пусти!

– Ты не вернёшься, ты не вернёшься... – всхлипывая, повторял он, не размыкая рук.

В сердце Марии что-то ёкнуло:

– С чего это ты взял, глупыш? Почему я не вернусь?

– Не уезжай! – простонал он, едва сдерживая плач.

Она мягко развела его руки, присела перед ним на корточки и ласково потрепала его рыжие кудри: «Не беспокойся обо мне, мой друг. Вот, возьми. Это тебе от меня на память». И протянула ему два альбома со своими рисунками. Глаза Люнеля засверкали: сколько раз он тщетно стучался в её комнату, чтобы посмотреть, как она рисует; сколько раз он догонял её на прогулках, когда она шла с альбомом и красками! А тут вдруг это доселе недоступное ему сокровище оказывается в его руках. Мальчик мигом забыл о своих страхах; он был счастлив.

– Теперь мне пора, – сказала она. – Не провожай меня. Давай поцелуемся на прощание.

Луи неловко чмокнул её в щеку, а она в ответ дотронулась губами до его чела. Вот и простились.

Пошёл уже одиннадцатый час и следовало бы поторопиться на дилижанс. И всё же, отойдя на несколько шагов, Мария не удержалась, чтобы не обернуться и не спросить ослепленного мальчишку, с увлечением листающего альбомы:

– Скажи, Луи, ты будешь помнить меня?

– Буду! – крикнул он, помахав ей рукой.

Из «Исторического эссе о Шарлотте Корде» Луи Дюбуа (1838 г.)

Это было в конце июня 1793, когда я встретил мадемуазель Корде в Кане, у мсье Левека, президента директории департамента... Я тотчас же отметил в мадемуазель Корде благородную внешность и в то же время немалую привлекательность. Её рост был чуть выше среднего и мог даже восприниматься как высокий; в её телосложении проявлялись классические пропорции. Молодая, свежая, волнующе красивая, грациозная, скромная по

своей природе, она скрывала за оттенком меланхолии необычайный блеск своих глаз.

***Из «Воспоминаний о нормандском восстании
1793 г.» Фредерика Вольтье³⁰ (1858 г.)***

Я тогда проживал у своих родителей, в доме налево от церкви Сен-Жан, напротив отеля «Фодуа». Сотни раз мне случалось видеть её в окне, либо встречаться с ней около её дома. Но ни разу мне не выпал случай заговорить ни с нею, ни с кем-нибудь из её общества.

М-ль Корде была красива, но всё же менее, чем утверждают, и чем это передают её так называемые портреты. Её черты были несколько резковаты. То, что меня поражало в ней главным образом, это выражение её лица, в котором спокойствие и достоинство сочетались с озабоченностью и грустью.

³⁰ Вольтье (Vaultier) Мари Франсуа (1772–1843) родился и вырос в Кане, в 1793 г. был секретарём секции Свободы в этом городе. В дальнейшем профессор литературы в университете Кана. На склоне лет написал мемуары, в которых отдельную главу посвятил своей знаменитой землячке.

Бюро дилижансов. 10 часов 30 минут утра

В половине одиннадцатого наша путешественница была уже на улице Сен-Пьер, 52, в бюро дилижансов. Однако, зайдя во двор, она обнаружила, что стоящий там экипаж совсем не готов к отправлению: багаж не погружен, лошади не запряжены и дышло лежит одним концом на земле. Вокруг дилижанса, постукивая палкой по колёсам и рессорам, неспешно прохаживался кучер, тотчас же узнаваемый по картузу из лакированной кожи, форменной куртке и кожаным штанам. «Вы едете в Париж? – спросила она, подходя. – У меня билет на этот рейс». Кучер бросил на неё хмурый взгляд и проворчал что-то нечленораздельное. «Отчего задерживается выезд?» В ответ опять невнятное бормотание. «Послушайте-ка, гражданин, – не отступала Мария, – надобно погрузить мой саквояж. Он находится в билетной кассе. Саквояж гражданки Корде». Кучер успел обойти дилижанс раза два или три, прежде чем Мария могла что-то разобрать из его речи: «Всему своё время, говорю вам. Сначала запряжём лошадей. Потом погрузим газеты и почту. Потом вещи». – «Когда же мы поедem?» – «Поедем...»

Марию совсем не устраивало, чтобы выезд задерживался, поскольку ей придётся всё это время оставаться поблизости, на оживлённой улице Сен-Пьер, то есть улице Революции, рискуя каждую минуту столкнуться с кем-нибудь из знакомых. Но делать нечего. По крайней мере, у неё есть время, чтобы послать письмо отцу.

Она вошла в соседний дом, в почтовое бюро, где служил мсье Ле-Пти, давний приятель мадам Бретвиль. В сумеречном помещении за деревянной перегородкой над кипой пакетов копошился седовласый благообразный старичок в форменном рединготе, который, услышав шаги вошедшей, вскинул глаза, поправил на носу большие круглые очки и расплылся в радушной улыбке:

– Мадемуазель Мари! Очень рад вас видеть. Чем могу служить?

– Хочу отправить письмо в Аржантан, – сказала она. – Дайте пожалуйста пакет.

– Сию минуту, мадемуазель, сию минуту! Отцу изволите писать? Доброе дело. Как он поживает?

– Как обычно. Знаете, что? Дайте мне ещё один пакет. Его я не пошлю, а возьму с собой. Сколько с меня?

– Четыре су, мадемуазель, за пакеты, и десять за пересылку.

В первый пакет она вложила письмо к отцу, а второй не стала ни подписывать, ни заклеивать: оно предназначалось для брошюр и рекомендательного письма к Дюперре. Старичок принял первый пакет, но не торопился отпустить свою гостью.

– Вижу, мадемуазель, вы в дорожной одежде. Не иначе как собрались в поездку?

Все-то он замечает, этот глазастый почтмейстер...

– Да, собралась.

– Далеко ли?

– В Аржантан.

– В Аржантан? Прекрасно, прекрасно... – проворковал старичок, но тут же поморщился. – Позвольте, как же так? Вы посылаете письмо в Аржантан и сами туда едете?!

– Что здесь странного? – парировала Мария. – Посылаю письмо отцу, а еду к друзьям.

Мсье Ле-Пти согласно кивнул головою, но недоумение его не рассеялось.

– И что же, будучи в Аржантане, поблизости от своего родителя, вы так и не повидаетесь с ним?

«Прицепился же!..» – подумала она с раздражением.

– Нет, гражданин Ле-Пти, у меня не будет для этого времени.

– И всё-таки это странно, – молвил почтмейстер, не в силах взять в толк намерения молодой особы. – Вы поедете в том же дилижансе, который повезёт ваше письмо, так? Не проще ли вам в таком случае по приезде в Аржантан послать письмо по «малой» почте?

Мария уже стала нервничать:

– Так вы отправите моё письмо или нет, гражданин?!

– Безусловно, мадемуазель! Если вы так желаете...

– Да, я так желаю, – сказала она с ударением на последнем слове, круто повернувшись и покинула почтовое бюро.

Хотя кухарка Габриэль снабдила путницу кое-какой провизией, которой вполне хватило бы на один день, – столько, сколько длится поездка в Аржантан, – Марии, не очень рассчитывающей на придорожные кабачки и таверны, к тому же не знавшей маршрута, какие и где будут делаться остановки, – надлежало позаботиться о своём питании заранее. Выйдя из почтового бюро, она направилась в давно знакомый ей магазинчик Лекуанта на углу Холодной улицы и улицы Моннэ, где взяла головку сыра, каравай хлеба, говяжий паштет, а также полфунта леденцов. После этого она зашла в трактир супругов Дюмон около церкви Сен-Совер и купила своё любимое кушанье – кулёк фисташек, обжаренных в масле, приправленных солью и перцем. Все эти покупки вместе с отправкой письма заняли около часа, так что с Холодной улицы она поспешила обратно, в бюро дилижансов, полагая, что на сей раз явится как раз к отправке экипажа.

В самом деле, во дворе заканчивались последние приготовления к отъезду. Запряжённая четвёрка лошадей храпела и, готовая пуститься вскачь, била землю копытами. У дилижанса уже собрались пассажиры, в ожидании сигнала к посадке успевшие перезнакомиться друг с другом и завязавшие оживлённый разговор. Подходя, Мария насчитала шесть человек, включая маленькую девочку. Прежде всего в глаза бросилась пожилая супружеская пара. Чета Жервилье прибыла в Кан из Фалеза и теперь направлялась в Эврё повидать свою замужнюю дочь. Их сопровождал слуга по имени Этьен.

Следующей попутчицей была полная дама лет тридцати, одетая по парижской моде в сильно декольтированный жёлтый карако³¹ и пышную гофрированную юбку. Голову её украшала шарлотка³² с плюмажем и трёхцветными республиканскими лентами, а на бумажном веере её красовались изображения фригийских колпаков, надетых на пучки фасций. За руку она держала свою шестилетнюю дочку, одетую с некоторой претензией на светскость.

Шестым пассажиром был известный во всех местных кабаках и трактирах Луи Вамбаз по прозвищу Флоримон – плохо выбритый мужчина тридцати пяти лет в изрядно потрёпанной куртке, в серых вылинявших панталонах, одетый вообще неряшливо. Хотя в паспорте его значилось, что он живёт на доходы от своего имущества, то есть будто бы рантье, однако никакого имущества у него давно уже не было, как и определённой профессии; он перебивался случайными заработками, переезжая с места на место. Теперь, по его словам, он направлялся в Дрё, где друзья обещали устроить его на гончарную фабрику. Неизвестно, какую именно должность ему приготовили на фабрике; в приличном доме его не пустили бы дальше прихожей. Город Дрё лежал немного в стороне от дороги на Париж, и чтобы попасть в него, нужно было пересечь в Эврё в другой экипаж. Таким образом, и этот пассажир покидал дилижанс на полпути до столицы.

Раскланявшись с Марией, спутники не преминули выяснить, куда она держит путь, и, узнав, что это Париж, тут же сообщили, что ей придётся провести в пути два дня и две ночи, и она прибудет на место не ранее как послезавтра к полудню. «Если всё сложится хорошо», – добавил зачем-то гражданин Жервилье.

³¹ Карако (*caraco*) – женская кофта в талию с рукавами и баской.

³² Шарлотка – женская шляпа с высокой тульей и опущенными вниз полями-оборками.

– Полно вам пугать девушку! – молвила полная дама в шляпе. – Это для вас, неисправимых домоседов, одна ночь в пути уже несчастье. А я постоянно езжу из Парижа в Кан и обратно, и настолько привыкла к дороге, что перестала её замечать. Подумаешь, две ночи... Бывают дороги и подлиннее, и ничего: едут себе и едут.

Она подошла к Марии поближе, внимательно приглядываясь, и вдруг просияла лицом:

– Послушайте, не вас ли я видела позавчера на Гран-Куре? Вы стояли вместе с бежавшими из Парижа представителями. С вами ещё была красивая рыжеволосая девушка в белом платье с длинным шарфом. Правда, это были вы?

– Ну, и что с того? – сухо ответствовала Мария, отворачиваясь и немного отходя в сторону.

Ещё вчера она бы радушно улыбнулась и завязала бы с незнакомкой оживлённую беседу. Но сегодня, когда она отправляется в Париж, у дверцы дилижанса, который повезёт её в логово анархистов, афишировать свою связь с бриссотинцами ей было совершенно не нужно. Напоминание о воскресном митинге и об участии в нём Марии пришлось весьма некстати.

– Я даже вспоминаю, – добавила полная дама, – мне сказали о вас, что вы принадлежите к какому-то знатному семейству. Это правда?

При последних словах все пассажиры повернули головы и воззрились на Марию с нескрываемым любопытством. Для них было приятной неожиданностью, что вместе с ними едет особа дворянского происхождения. Чувствуя на себе подобострастные взоры, Мария заметно сконфузилась:

– Какое имеет значение, из какого я семейства? Все титулы отменены три года назад.

– Прошу прощения, гражданка, – поклонилась полная дама, озаряя Марию приветливой улыбкой. – Позвольте представиться: Жанна Мария Прекорбен, в девичестве Леруа. Я приехала из Парижа навестить своих родственников в Кане и теперь еду обратно. Обычно я приезжаю вместе с мужем, но когда он занят делами, как теперь, то вдвоём с дочерью. Анриет! – обратилась она к шестилетней девочке, вертевшейся у ног пассажиров. – Иди, поздоровайся с тётей.

Девочка подбежала к Марии и пожала её руку своими крошечными пухленькими ладошками. Это было чисто республиканское приветствие. «Правда, прелестный ребёнок?» – спросила довольная мать. «Да, забавный», – сдержанно кивнула Мария.

Гражданка Прекорбен ожидала, что собеседница представится ей в свою очередь, и, похоже, не очень огорчилась, когда этого не последовало. Во всяком случае она с интересом продолжала разглядывать молодую попутчицу.

– Неужели вы едете в Париж одна и вас никто не сопровождает?

– Да, одна, – ответила Мария. – Что здесь такого?

– Согласитесь же, однако, что для девицы вашего сословия это несколько необычно...

Вероятно, гражданка Прекорбен из самых добрых побуждений хотела предложить в сопровождающие и покровительницы саму себя. Для нашей героини, право, это было бы наилучшим выходом из щекотливой ситуации, в которой она оказалась, и, возможно, она бы приняла такое предложение, если бы гражданка Прекорбен только что не разгласила её дворянское происхождение и её связь с бриссотинцами. Посему Мария жёстко прервала собеседницу:

– Пожалуйста, займитесь своими делами и оставьте меня в покое.

В это время во двор бюро вошли двое новых пассажиров, приковавших к себе взоры отъезжающих. Нагруженный узлами и кошёлками семнадцатилетний юноша вёл за руку согбенную старушку, опирающуюся другой рукой на дорожный посох.

– Старушка Дофен, а ты куда?! – воскликнул Флоримон, хохоча. – Вот так да! Глазам своим не верю. Старушка Дофен решила попутешествовать! Целый век шагу никуда не ступала, а тут вдруг под занавес пустилась в путь-дорогу... Открой-ка нам, ради бога, куда ты направляешься?

– Тебе, беспутному гуляке, я ничего не скажу, – отвечала ему старушка укоризненно. – А вот почтенные господа, если спросят, отвечу.

Почтенные господа ни о чём её не спросили, так что ей пришлось общаться всё с тем же неприятным ей собеседником.

– А-а, понимаю... – кивнул Флоримон. – Секретная миссия. Уж не эмигрируешь ли ты, старушка Дофен? Тогда скажу тебе по-приятельски: тебе нужен не парижский дилижанс, а экипаж, идущий в Онфлёр. Там ты со своим внучком разыщешь в порту пакетбот под названием «Звезда Сиона». Его капитан – еврей, мой приятель. За двести ливров он спрячет тебя в своём трюме и под покровом ночи высадит на острове Уайт, а это уже английская территория.

– Дурак! – воскликнула старушка, гневно сверкнув очами.

– Почему дурак? – пожал плечами Флоримон. – Многие господа таким путём унесли ноги из нашей счастливой Республики.

– Чего ты болтаешь? – осадила его старушка Дофен. – Какая эмиграция? В Мант я еду, в Мант, к своей родной сестре. И мой внук Филипп со мною. Мне написали, что сестра слегла в параличе. Вот и хочу повидаться с ней перед смертью.

– Так бы сразу и сказала, – добродушно молвил насмешник. – А то напустила туману: не знаешь, что подумать... Давай-ка, поддержи твои пожитки.

Приближающиеся шаги прервали этот диалог. Во двор вошёл кучер, следом за которым двое мужчин тащили тяжёлый сундук с корреспонденцией. Одним из носильщиков был кондуктор дилижанса, а другим – уже знакомый нам почтмейстер Ле-Пти. Завидев его, Мария насторожилась и хотела было куда-нибудь спрятаться, но почтмейстер заметил её и участливо сообщил:

– Вы ошиблись экипажем, мадемуазель Мари. Этот дилижанс едет не в Аржантан, а в Париж. Ваш рейс будет через три часа.

Мария не отвечала, делая вид, что не слышит почтмейстера. Добрые пассажиры, только что советовавшие Марии запастись терпением в долгом пути до столицы, переглянулись между собой, не понимая, в чём дело. Наступила неловкая пауза.

– Вы слышите меня, мадемуазель? – не унимался треклятый старикашка, подходя к Марии и трогая её за плечо. – Это не ваш дилижанс. Ведь вам нужно в Аржантан...

– Кто вам это сказал?! – вспыхнула она, гневно сбрасывая ладонь почтмейстера со своего плеча.

– Как, кто?.. – озадаченно пробормотал мсье Ле-Пти. – Ведь вы сами только что заходили ко мне, отправили письмо отцу и сказали, что собираетесь поехать к друзьям в Аржантан.

– Вы сошли с ума и бредите. Какой Аржантан? Отойдите от меня и оставьте свои выдумки! Какое вы вообще имеете право вмешиваться в дела, которые вас не касаются? Что за возмутительная наглость?!

Мария была близка к истерике. Изумлённый почтмейстер отшатнулся от неё и отступил на несколько шагов. Все свидетели этой сцены опешили и на некоторое время лишились дара речи. Вспышка гнева молодой дворянки казалась настолько немотивированной, что окружающие пришли в полное замешательство, не в силах ничего сообразить и дать происходящему какое-либо объяснение. В тягостном молчании работники бюро подняли на багажник дилижанса почту, разместили на крыше купе тяжёлую поклажу пассажиров и укрыли её брезентом. Кондуктор проверил билеты отъезжающих. «Теперь, кажется, всё, – молвил кучер, потирая ладони. – Пора трогаться».

Пронзительный рожок дал сигнал к посадке и кондуктор распахнул двери купе. Все пассажиры, включая старушку Дофен и сопровождающего её паренька, обернулись на Марию, нервно прохаживающуюся взад и вперёд в глубине двора. Флоримон робко приблизился к ней и спросил: «Вы будете садиться, мадемуазель Мари? (Он слышал её имя из уст почтмейстера)

Ваш саквояж уже погрузили, я проследил». – «Благодарю вас, гражданин», – отозвалась она, решительным шагом направляясь к экипажу.

Что такое дилижанс? Это в сущности та же карета, только огромных размеров. «Французы создали странный симбиоз кареты и нашего вагона», – говорили о нём строгие англичане. Чтобы везти такую махину, требовалось никак не меньше четвёрки лошадей. Пол купе возвышался над землёй почти на три фута, и чтобы попасть во внутрь, пассажиры должны были взбираться по откидной лестнице в четыре ступеньки. Редко какая дама поднималась без посторонней помощи. На хороших станциях для такого дела мастерили перрон или хотя бы деревянный настил, с которого пассажиры могли перейти в купе по мосткам. Но Кан ещё не обзавёлся подобными удобствами, и поэтому нашей героине пришлось прибегнуть к помощи того же Флоримона, который любезно поддерживал её под руку, пока она преодолевала крутую лестницу.

Изнутри купе дилижанса было обито обыкновенным зелёным сукном безо всяких украшений. Таким же сукном застелены деревянные лавки, а также небольшой продолговатый столик посреди купе, над которым висел на крючке ночной фонарь. Марии как особе благородного происхождения уступили лучшее место на лавке у передней стенки купе. Слева от неё на той же лавке села старушка Дофен. Рядом с Корде на боковой лавке справа заняла место гражданка Прекорбен со своей дочуркой, затем сел Филипп Дофен, а на другой боковой лавке разместились супруги Жервилье со слугою. На лавке у задней стенки устроился бродяга Флоримон, а на стульчике у дверцы – кондуктор.

Хотя купе было рассчитано на двенадцать пассажиров, а погрузилось в него, включая кондуктора и шестилетнюю девочку, только десять человек, в нём всё равно оказалось тесно. Путники втащили с собою ручную кладь: всевозможные картонки, корзины, узлы, несессеры, которые втиснули между сидящими на лавках, расставили на полу и заполнили столик посреди купе.

Тронулись. Дилижанс медленно выкатился за ворота, разгоняя клюющих что-то кур, проехал по улице Революции, свернул на улицу Равенства, промчался мимо Большой Обители, и, миновав мост через Орн, выбрался на парижский почтовый тракт. Мария не оглядывалась на уплывающий город, в котором провела два с лишним года. Она сидела, не сводя глаз с одной точки в купе, и весь вид её говорил о том, что она сильно расстроена. Дотошный почтмейстер здорово испортил её отъезд! Тихо и незаметно покинуть Кан ей всё же не удалось. Теперь этот говорливый старичок разнесёт по всему городу, что видел, как девица Корде садилась в парижский дилижанс, и что она уехала одна, без сопровождения. Ну и пусть! Пусть все узнают, что она уехала в Париж. Не бросятся же за ней в погоню, в самом деле! Кан – это перевёрнутая страница её жизни. В любом случае, что бы с ней не случилось в Париже, она вряд ли вернётся обратно.

Конечно, дорогая кузина несказанно изумится, узнав, что Мария поехала не в родные пенаты, а бог весть куда, да ещё и без сопровождения. Можно представить выражение её лица. Впрочем, хозяйка быстро оправится от изумления и скажет, что с самого начала подозревала что-то неладное. Она пригласит мсье Ле-Пти к себе отобедать, а заодно позовёт муниципального служащего Ларю, такого же неутомимого и вездесущего старичка, который обычно оповещает мадам Бретвиль обо всём, происходящем в городе. Втроём они долго будут обсуждать, что означает столь загадочное поведение молодой квартирантки. Они найдут, что, возможно, какое-то объяснение этому содержится в том письме, которое Мария послала в Аржантан и которое почтмейстер, увы, уже отправил по адресу.

Все следующие дни мадам Бретвиль будет пытаться Розу Фужеро, мадам Мальфилатр и других подруг Марии: не известно ли им что-либо о её замыслах? Но подруги не скажут ей ничего вразумительного. Только Роза догадается, что об этом надо спросить у Барбару, и даже воспользуется случаем, чтобы посетить красавца-марсельца. Но Барбару не окажется на

месте, поскольку он успеет уехать из Кана к войску, идущему на Париж. Тогда недоумевающие подруги найдут кого-нибудь едущего в Аржантан и попросят его справиться у самого отца Марии о том, что она написала ему в своём последнем письме. Пройдёт ещё какое-то время, прежде чем возвратившийся из Аржантана путник принесёт нужные известия. Только тогда в Кане узнают, что Мария эмигрировала в Англию. Дорогая кузина прослезится, понимающе кивая головою, и признается по секрету кухарке Габриель, что будь она помоложе, то сама уехала куда-нибудь подальше из этой очумелой страны. Останется лишь один вопрос: почему молодая эмигрантка выбрала столь странный маршрут? Разве ездят в Англию через Париж?

ОТЕЧЕСТВО. СВОБОДА. РАВЕНСТВО

Паспорт Марии Корде

Департамент Кальвадос. Канский округ

Пропуск (Laissez-passer) гражданки Марии Корде, родом из Мениль-Имбера, живущей в Кане, Канский муниципалитет, Канский округ департамента Кальвадос. Возраст 24-е года, рост 5 футов и 1 дюйм, волосы и брови каштанового цвета (chatains), глаза серые, лоб высокий, нос длинный, рот средний, подбородок круглый, раздвоенный (fourchi), лицо овальное.

Предписывается ей помогать и оказывать содействие в её поездке в Аржантан.

Выдан в Доме Коммуны Кана 8 апреля 1793, II года Французской Республики, нами, Фосси старшим, муниципальным офицером.

Заверено секретарём-делопроизводителем и указанной гражданкой Корде.

Мария Корде; Гени, секретарь.

На обратной стороне листа:

Утверждён в Доме Коммуны Кана для поездки в Париж. 23 апреля 1793, II года Республики.

Ангуляр, муниципальный офицер.

Кан – Лизьё. Вторая половина дня

Напряжённость благородной путешественницы не укрылась от взоров её спутников. Но, помня о гневной отповеди, которую получил почтмейстер, они не отваживались задавать ей вопросы. Более того, мрачная сосредоточенность Марии повлияла на атмосферу, царившую в купе дилижанса. Пассажиры молчали, не решаясь завязать обычный в таких случаях разговор.

При выезде из Кана, в пригороде Воцель, рядом с трактиром «10 августа» дилижанс остановился на проверку документов. В сторожевой будке дежурили солдаты из Шербурского полка, оказавшиеся добрыми приятелями гуляки Флоримона. Последний высунулся в окошко и вступил с ним в оживлённую беседу, длившуюся минут десять или пятнадцать. Всё это время пассажиры сидели, держа наготове паспорта, ощущая как дощатая крыша дилижанса нагревается от палящего солнца и в купе сгущается духота. У большинства уже катились по спине струйки пота, намокшие рубашки прилипли к телу. Наконец, когда друзья вдосталь наговорились, солдаты вернулись обратно в будку и дали знак кучеру трогаться. Документы пассажиров так и не потребовались. Дилижанс вновь поехал, постепенно набирая ход. На спуске дороги лошади пошли галопом, бречание бубенчиков на сбруе сменилось мерным звоном, свежий ветерок с окрестных лугов влетел в раскрытые окна и принёс долгожданную прохладу.

Июль 93-го года выдался необычайно жарким. Ослепительное солнце с утра до вечера пекло землю, лишь изредка скрываясь за белыми барашками облаков. Тучи летели с Атлантики и уносились к Апеннинскому полуострову. Ни одной капли не пролилось с неба, начиная со дня святого Винсента³³. Впрочем, на севере, в Нормандии, всегда овеваемой свежим дыханием моря, жара всё же не была столь несносной.

По обеим сторонам дороги тянулись живописные рощи, скрывающие за густой зеленью белые домики ферм и усадеб. На зелёных пригорках вращали ветрилами деревянные мельницы, вдоль селений тянулись яблоневые сады, – те самые благоуханные сады, за которые Нормандию прозывали «цветником Франции». В полях созревали пшеница и рожь, – в этом году крестьяне собрали неплохой урожай. Берега речушек и водоёмов были усыпаны деревенскими мальчишками: кто плескался в воде, кто загорал, кто ловил раков и угрей. В лесных зарослях мелькали белые платки и ивовые корзины – это сельские хозяйшкИ собирали землянику. То и дело встречались пасущиеся коровы, иногда целые стада, неспешно поедающие сочную траву на зелёных склонах холмов. Из-за этих-то стад парижские эконоМЫ, начисто лишённые поэтического воображения, называли Нормандию «молочной фермой Франции».

В те времена в Нормандии ещё расстилались девственные леса. Хотя крестьяне уже начали их интенсивно вырубать, всё же дело это не достигло такого размаха, как в последующие времена. Поэтому в конце XVIII века леса занимали ещё значительную площадь. Между Воцелем и Мультом дорога проходила в густом буковом лесу, в котором ещё водились медведи. Деревья, стоявшие по обочинам дороги, соприкасались над нею ветвями и закрывали небо. По ту и другую сторону непроходимая чаща – надёжное убежище грозных шуанов и вообще всяких противников режима. Они могли укрываться там годами. Да что там годами, – десятилетиями!

Впрочем, долго любоваться девственной природой нашим путникам не довелось. Через пару льё на дороге поднялась густая пыль, летящая прямо в купе, так что пришлось опустить шторы на всех окнах. Но это было ещё полбеды. Едва миновали деревушку Ро, первый населённый пункт на пути в Париж, как началась невероятная тряска. Колёса дилижанса то и дело попадали в ухабы и рытвины, оси скрежетали, кучер хлопал бичом, страшно ругался на лошадей, будто бы это они, несчастные, были во всём повинны. Пассажиры качались из стороны в

³³ 9 июня.

сторону, подпрыгивали на лавках, стукались друг о друга лбами и ловили падающие предметы. Фалезец Жервилье открыл было какую-то книжицу, но не смог прочесть и десяти страниц.

– Ужасные всё-таки у нас дороги, – молвил он, обращаясь к окружающим. – Как тут ездят? Больше трёх часов я этой пытки не выдержу. А ведь это не какая-нибудь осёлочная тропа, это «саквояжный» тракт!

– До Лизьё даже не думайте расслабляться, – посоветовал бродяга Флоримон. – Будьте готовы ко всему. Легче одолеть кручи, ведущие в Чистилище, нежели дорогу из Кана в Лизьё. Когда едешь здесь, всякий раз обязательно что-нибудь случится: то лопнет рессора, то отвалится колесо, то экипаж угодит в какой-нибудь овраг, из которого невозможно выбраться.

– Да, это верно, – продолжал Жервилье. – В последние годы дороги окончательно испортились. Раньше, хотя и изредка, их всё же чинили. Там мост исправят, там ямы гравием засыплют. Всё же польза какая-то. Почему при Республике никто не хочет этим заниматься?

– Республиканцам чинить дороги недосуг, – отозвался с ехидцей Флоримон. – Не знают, как власть поделить. До дорог ли тут? Раньше хоть ездить можно было безопасно: потрясёшься, но до места доберёшься. А сейчас того и гляди: пальба. То шайка какая-нибудь из леса выскочит, то батальон национальных гвардейцев окружит. Порою даже не отличишь, бандиты это, гвардейцы или департаментская милиция.

Все спутники согласно закивали головами, за исключением одной гражданки Прекорбен, которой все эти сетования пришили не по душе.

– Да бросьте вы жаловаться! – воскликнула она. – Чего такого хорошего было при старом режиме? Может, дороги и были ровнее, но вот экипажи никуда не годились. Или вы забыли, как мы ездили в этих ужасных тюргодинах и карабасах³⁴ без рессор, которые плелись по дороге как черепахи? В эдакой колымаге мы бы за день не добрались и до Мульта. Недаром был издан декрет о правилах пассажирских перевозок. И слава богу, что нашлась компания, которая взялась избавить народ от тех жутких катафалков, и благодаря которой появились дилижансы.

– Да, здесь вы, пожалуй, правы... – молвил Жервилье.

– И то, что мы едем в эдакую жару, тоже неплохо, – продолжала между тем Прекорбен. – Выехали бы в сезон дождей, увязли бы в первой же канаве.

– И здесь ваша правда, – согласился бродяга Флоримон. – Вообще надобно заметить, что мы едем в самое удачное время не только нынешнего года, но и вообще всей эпохи Свободы. Судите сами: дорога суха как горло вставшего наутро с похмелья, – это раз. Мы едем согласно правилам народной власти, можем наплевать на сословные различия и смело обращаться ко всем на «ты», как у нас в кабаке, – это два. В-третьих, возможно, по пути нам будет показано прелюбопытное зрелище войны французов против французов. А на это, уверяю вас, стоит взглянуть.

В последнем случае Флоримон имел в виду готовящийся поход федералистов на Париж.

Мария с удивлением взидала на этого странного пассажира. По всем законам природы этот отпетый бродяга-гуё, у которого в карманах свистел ветер и который, верно, и в дилижанс-то сел не по билету, а по знакомству с кучером, должен был боготворить Революцию и жаждать новых потрясений. Между тем Флоримон отпускал в адрес Республики всякие колкости, высмеивал нововведения и вообще рассуждал вполне здраво.

– Шутки у вас какие-то мрачные, любезный, – с укоризной покачала головою гражданка Прекорбен. – И охота вам портить настроение в начале долгого пути! Не забывайте, что до Парижа нам ехать ещё два дня и две ночи.

– Две ночи?! – оживился бродяга. – А вот мой приятель Анис в прошлом году, верите или нет, покрывал это расстояние за пятнадцать часов.

– Кто такой этот ваш Анис?

³⁴ *Тюргодина и карабас* – экипажи дальнего следования, предшественники дилижанса.

– Горький пьяница и мот, но когда бывает трезв – первоклассный возница. Скажу по чести, другого такого кучера не сыскать во всей Европе. Даже чрезвычайным королевским курьерам не удавалось одолеть шестьдесят с лишним льё всего за пятнадцать часов.

– О чём таком вы говорите? – заинтересовались пассажиры. – Как это можно доехать до Парижа за пятнадцать часов?

– О, это необыкновенная история! – воскликнул Флоримон. – Сейчас я вам её расскажу. Дело в том, что моего приятеля наняла в кучера удивительная женщина. Может быть, вы слышали о ней: это мадам Байё, супруга бывшего прокурора-синдика нашего департамента. В августе прошлого года её мужа взяли за участие в заговоре аристократов и ему «светил фонарь»³⁵. Напрасно мадам Байё обивала пороги канских учреждений, уверяя, что супруг её невиновен: из-за страха перед каработами её не желали даже выслушать. Тогда она решила ехать в Париж, чтобы там выхлопотать мужу помилование. И откладывать поездку было никак нельзя, ибо наступил памятный всем сентябрь, когда людей резали как скотину, особенно заключённых. Мадам Байё купила быстроходный фаэтон³⁶ у трактирщика Сервиля, в который запрягла четверку своих лучших лошадей, а на козлы посадила Аниса, вытащив его из кабака и обещав ему пятьсот ливров серебром, если он домчит до Парижа за двадцать четыре часа, и ещё по пятьдесят ливров за каждый час меньше этого срока. Мой приятель мигом протрезвел. С каким вдохновением он рассказывал мне об этой поездке!

– Скорость была просто сумасшедшей. Они выехали в субботу, а в понедельник утром должен был состояться революционный суд над бывшим прокурором. Мадам Байё буквально висела на плечах Аниса. Лошади неслись как ураган, ежеминутно подстёгиваемые кнутом. Из Кана выехали на заре, в одиннадцать утра были в Лизьё; в четыре часа пополудни миновали Эврё; вечером, не сбавляя скорости, оставили позади Мант, Муллан и Нантер, и ровно в полночь достигли Парижа. Всего за пятнадцать часов! Клянусь небом, такой скорости не знали даже персидские джинны, летающие на ковре-самолёте. Вот что значит женщина, спасающая мужа! Двоих лошадей загнали в дороге и они упали в Манте. Мадам Байё тут же купила замену у какого-то проезжего фабриканта, причём заплатила баснословную сумму. Она вообще не жалела денег. В Париже Анис повалился на землю от изнеможения рядом с издыхающими лошадьми, а этой аристократке всё нипочем. Тут же бросилась на приём к какому-то комиссару, разбудила его среди ночи и добилась своего. Учтите также, что она была тогда на сносях; по-моему, на последнем месяце беременности. Скажите, разве это не поразительный случай?! Правда, назад они ехали несколько дольше: двадцать два часа...

– Тем не менее, – заметила невесело Мария, – насколько мне известно, мсье Байё был убит.

– Верно, мадемуазель, – кивнул Флоримон. – Конец у этой истории трагичен. Мадам Байё успела вернуться в Кан до приговора революционного комитета, но не сумела предотвратить жестокой расправы. Её муж был выпущен из замка в десять часов утра, и ему оставалось пройти две сотни шагов до своего дома, чтобы заключить в объятия свою верную супругу и своего двенадцатилетнего сына, как на него набросилась разъярённая толпа, устроила самосуд и казнила его на площади Сен-Совер. Мадам Байё досталось лишь его безголовое тело...

– Какая грустная история! – вздохнула гражданка Прекорбен, утирая платком влажные глаза. – Вы всё-таки испортили нам настроение...

– Извольте, умолкаю, – молвил Флоримон, таинственно усмехаясь.

³⁵ Т. е. виселица, повешение на фонаре. Во время Революции даже появился новый глагол «фонарить» (*lumiére*) – «вешать на фонаре».

³⁶ *Фаэтон* – лёгкий открытый экипаж, обычно двухместный, не считая сидения водителя.

Лизьё – Марше-Нёф. Поздний вечер

Через Лизьё дилижанс проследовал не останавливаясь. В окно Мария разглядела, как в стороне проплыла пара готических соборов с остроконечными шпилями и мелькнула голубая полоска реки Тук, усеянная рыбацкими лодками. Вдоль дороги тянулись невысокие двухэтажные здания, стоявшие, по старинке, к улице боком, а не фасадом. Лизьё был многим похож на Кан, только ещё более ветхий. Впрочем, политическая жизнь клекотала и здесь, и Лизьё удалось вписать в историю Революции немало славных страниц. В городе имелся свой патриотический клуб, также называемый Обществом друзей Свободы и Равенства. В феврале месяце местная Коммуна послала в Конвент петицию, предлагая перелить в пушки церковные колокола. Представители народа пришли в восторг и призвали всех брать пример с граждан Лизьё.

Ещё раньше, во исполнение декрета от 14 августа 92-го года, предписывающего уничтожать памятники, напоминающие о феодализме, местные патриоты предлагали разрушить во Франции все средневековые замки и насадить на их месте «сады Свободы». Несмотря на столь похвальный революционный энтузиазм, дружба с Парижем у Лизьё не заладилась. В апреле 93-го года местные якобинцы отказались исполнять воинственный циркуляр столичного клуба, подписанный Маратом. Это был тревожный сигнал для Парижа. В июне месяце, узнав, что канцы арестовали комиссаров Горы Ромма и Приёра, власти Лизьё пошли ещё дальше и стали отлавливать подряд всех парижских чиновников. 16-го числа за решётку угодил комиссар Исполнительного Совета Франкевиль вместе с супругой. 23-го июня его, правда, отпустили, но только после личного вмешательства министра внутренних дел Гарá. Министров в Лизьё ещё уважали.

...Дилижанс ехал и ехал, оставляя позади одно льё за другим. За станцией Л'Отельри за окном сгустились сумерки, и кучер зажёл фары по бокам кузова. Это было и освещение пути и сигнал для встречных экипажей. В темноте пассажиры уже едва различали друг друга. Кондуктор поднёс огонь к ночному фонарю, качающемуся на крюке над столиком. Однако свет никому не потребовался. Те, кто хотели подкрепиться в пути, уже благополучно проделали это, а желающих развлечься чтением, кроме гражданина Жервилье, не было, да и он давно уже оставил попытки прочесть что-нибудь при ужасной непрерывной тряске. Впрочем, большинству пассажиров тряска не помешала, уронив голову на грудь, погрузиться в дрему.

Не спала лишь шестилетняя Анриетта, прелестное дитя, сидевшее на коленях гражданки Прекорбен. Всю дорогу она возилась и сучила ногами, то теребя в руках куклу, то требуя пить или есть, и постоянно беспокоила тётю, сидящую рядом с ней на передней лавке. Сначала она дёргала Марию за платье, а затем попыталась взгромоздиться на её колени, и, после того, как ей это удалось, осыпала её всевозможными вопросами: играет ли она в принцессу острова Ночи и принца Аквамарина? знает ли она, чем закончилась история прекрасной Розалии? есть ли у неё английская кукла по имени Джерри и как она её одевает?

Поначалу наша героиня старалась улыбаться в ответ на невинные расспросы малышки, но мало-помалу в ней начали расти усталость и раздражение. И здесь не дают покоя! Долго ли это будет продолжаться? Что за прилипчивый ребёнок! Была бы это её дочь, она быстренько нашла бы на неё управу. Но вот, наконец, белокурая девочка, сама утомившись беседой, прильнула к материнской груди и громко засопела. Только теперь в купе смолкли все голоса, и Мария вздохнула посвободнее. Слышалось лишь поскрипывание колёс, храп лошадей и позвякивание бубенцов на конской сбруе.

Когда около полуночи дилижанс остановился на какой-то маленькой станции, многих разбудило прекращение ставшей уже привычной тряски. «Что это? – разлепив глаза, спросила супруга Жервилье. – Это станция или что?» Вышедший из купе кондуктор осмотрелся и сообщил, что пока меняют лошадей, пассажиры могут размять ноги. Разбуженные люди долго потя-

гивались и зевали, прежде чем смогли двинуться с места. Запинаясь за расставленные на полу узлы и картонки они один за другим покинули экипаж, за исключением Флоримона, который продолжал посапывать, развываясь на лавке.

Девять человек оказались посреди узкого, плохо убранного дворика. Слева, из деревянных конюшен доносился храп лошадей, справа виднелись очертания широкого навеса для транспорта, впереди поперёк двора тянулась пустая балка-привязь, за которой темнели ещё какие-то строения. Где-то лаяли собаки. Повсюду остро пахло навозом.

– Где это мы? – произнесла супруга Жервилье упавшим голосом. – Какое ужасное место!

– Может быть, Дюранвиль? – предположил её супруг и подошёл к распрягающему лошадей кучеру: – Скажите-ка, любезный, где мы остановились?

– Марше-Нёф, – был ответ.

– Невероятное захолустье! – добавила супруга. – Неужели тут живут люди?

– Живут и неплохо, – отвечивал кучер, показывая рукою в темноту, откуда пробивался тусклый свет масляного фонаря. – Тут даже имеется трактир, открытый днём и ночью. Можете пойти, испить горячего шоколада.

Пассажиры гуськом двинулись на мерцающее в темноте пламя и через сотню шагов очутились перед тяжёлой кованой дверью с обыкновенной вывеской «Здесь можно переночевать». За дверью открылось продолговатое помещение, слабо освещённое газовым рожком. Отштукатуренные голые стены не придавали живописности сему убогому заведению, но в самой глубине зала рядом с высоким камином, на котором в несколько рядов висели расписные тарелки, виднелось нечто подобное буфету. За этим буфетом чернел дверной проём, из которого навстречу путникам вышел зевающий трактирщик, едва ли не поднятый с постели.

– Поздноватые гости... Откуда?

– Из Кана, любезный, – сказал Жервилье, вошедший первым. – Нет ли у вас чего перекусить?

Трактирщик добавил огня в рожке и посмотрел на висевшие здесь же, над камином, часы.

– Парижский дилижанс. Опаздывать изволите. Часа на два, а то и на три...

– Мы и выехали из Кана с опозданием на два часа, – холодно заметила Мария, снимая перчатки и кладя их на длинный дубовый стол, протянувшийся посреди зала. – Но нам сказали, что вы открыты днём и ночью. Это верно?

– Как видите... – ответил трактирщик, по-прежнему зевая.

Пока гости усаживались на лавки, стоящие по бокам стола, хозяин накрыл его скатертью и выставил нехитрую снедь, состоящую из остывшей похлёбки, парочки овощных салатов и принесённой из погреба квашеной капусты. Мужчины заказали бутылочку кальвадосского, а дамы попросили приготовить баваруазу. Чтобы удовлетворить последних, трактирщику пришлось разбудить свою жену, и хотя час был поздний, а времени немного, баваруаза была приготовлена по всем правилам. Изобретённый баварскими принцами, проживавшими в Париже, напиток этот мгновенно сделался популярным у французов, и из столицы быстро распространился по провинции. Теперь в меню каждого трактира обязательно значился чай-баваруаза. Через десять минут все дамы, включая старушку Дофен и крошку Анриетту, получили по деревянной кружке с дымящимся ароматным напитком.

Обслужив всех гостей, трактирщик присел с краю лавки, щуя глаза и внимательно оглядывая каждого путешественника поочерёдно. На гражданина Жервилье этот пристальный взор произвёл самое неблагоприятное впечатление: кто знает, что у него на уме, у этого жилистого крепенького мужичка, живущего в глуши, где на пять-шесть льё в обе стороны нет, пожалуй, ни одного жандарма? На дворе ночь, и в такое-то время от этих дикарей можно ожидать всего, что угодно. К тому же, кто знает, сколько людей ночует в этой подозрительной харчевне, и кто они такие?

– А что, любезный, – произнёс Жервилье с принуждённой улыбкой, едва скрывая свою настороженность, – пошаливают ли людишки в ваших краях?

– О ком вы говорите? – спросил трактирщик.

– О разбойниках.

– Слава Богу, пока всё спокойно! – осенил себя мужичок крестным знаменем. – Народ наш мирный, работающий, скверными делами не занимается. А если вы о каких-нибудь пришлых людях говорить изволите, то таковых и нет вовсе. Я в селении всех наперечёт знаю.

– Хорошо, если так, – молвил Жервилье, немного успокаиваясь. – Ну, а постояльцы у тебя есть? Много ли людей ночует?

Хозяин развёл руками:

– Жил тут один солдат с неделю, да позавчера уехал в почтовом экипаже. Никого здесь больше нет, окромя моей семьи: я, жена, да дочери наши.

– Помощницы... – кивнул Жервилье ободряюще, окончательно успокоенный доверительным тоном трактирщика.

– Помощницы, говорите? Э-э, помощник один у меня был. Настоящий помощник. Но его забрали. Пятый месяц от него ни слуху, ни духу.

– О ком это вы говорите?

– О сыне моём, понятное дело. Сынок-то у меня единственный наследник. Дочерей хоть отбавляй, – целых пять штук, – а сын один. Ещё в марте месяце, как объявили всеобщий призыв, записали его в департаментский батальон и увели по парижской дороге. – Трактирщик взгрустнул, вздыхая. – С тех пор никаких известий. Не знаю, в лагере ли он, в Париже, или уже на войне, бьётся с пруссаками и австрияками. Э-э, как в воду сгинул... Расспрашиваю всех едущих оттуда, никто о нём не слыхивал. Может, уже лежит с простреленной грудью в какой-нибудь траншее.

Гости сочувственно закивали головами.

– Война – дело не шуточное, – молвил слуга Этьен.

– У нас из Фалеза тоже немало молодцев забрали, – добавил печально Жервилье.

– Ох, и сколько наших храбрых парней не вернётся назад! – сокрушённо воскликнула его супруга.

Лишь одна гражданка Прекорбен не присоединилась к общему хору.

– Не нужно напрасно тревожиться, гражданин, – строго заметила она трактирщику. – Ничего с вашим сыном не случилось. Воюет как и все. А если желаете узнать про него, то вам следует обратиться в военное ведомство: туда все сведения поступают из всех четырнадцати армий.

– Это в Париже-то? – почесал за ухом озабоченный отец. – Обратиться? А как? Письмо писать, так я неграмотен. Самому ехать, так заведение не на кого оставить. Вот если бы вы, добрые люди, посочувствовали, вошли в моё положение, навели бы там справки, что и как... Был бы вам премного благодарен.

– Что до нас, – сказал Жервилье, имея в виду себя и супругу, – то мы едем до Эврё. А вот молодая барышня, которая сидит напротив нас, то она едет до самого Парижа.

Трактирщик с надеждой воззрился на Марию. Наша героиня никак не отозвалась, целиком занятая баваруазой. В самом деле, почему попутчик указал на неё, когда рядом сидит гражданка Прекорбен, которая не только едет в столицу, но и проживает в ней?! Или он считает, что у почтенной дамы и так полно забот, а незамужней девице нечем другим заняться в Париже, кроме как бегать по ведомствам и наводить справки о каком-то солдате?

Не только трактирщик, но и все собравшиеся некоторое время взирали на Марию, не прекращавшую, однако, свою трапезу. Гражданка Прекорбен протяжно вздохнула и вынула из своей сумочки записную книжку:

– Говорите имя и фамилию вашего сына, а также его воинскую часть. Я обращусь к мужу; возможно, он сможет что-нибудь разузнать.

«А кто у вас муж?» – хотела спросить аудитория, но в данный момент этот вопрос был неуместен.

– Записывайте, – оживился трактирщик: – Пьер Франсуа Ланс, девятнадцати лет, сын Жана Франсуа, уроженец Марше-Нёф, второй батальон департамента Эр. Высокий парень, видный такой, красивый. Волосы тёмные. Глаза серые. Что ещё?

– Достаточно, – молвила гражданка Прекорбен, закрывая книжку.

Обрадованный трактирщик велел своей жене принести корзину, доверху наполненную овощами и фруктами, которую с величайшей благодарностью вручил добродетельной даме. Прекорбен вздумала было отказываться от подарка, но её спутники стали горячо настаивать на том, чтобы она приняла подношение, да и супруга трактирщика не отступала: «Возьмите, пусть ваша дочка полакомится яблочками».

– Кстати! – встрепелась Прекорбен, видя возле себя оставленную на столе недопитую деревянную кружку. – А где она? Ведь только что сидела на лавке и болтала ногами... – она тревожно оглянулась по сторонам. – Вы не видели её, граждане? Куда она подевалась? Анриет! Анриет!

– Не волнуйтесь, мамаша... – раздался вдруг густой бас, сопровождаемый топотом сапог, и в таверну ввалился кучер. – Ваша дочка играет на крыльце с хозяйской кошкой. А я за вами пришёл, граждане. Лошади готовы, извольте занять свои места. Пора ехать.

Пассажиры засуетились и поспешно бросились к выходу.

– А ты что же, Николя, – обратился между тем трактирщик к кучеру, – так и не промо-чишь горло перед дорогой?

– Не сейчас, дружище Ланс, – отмахнулся тот. – На дворе темень, хоть глаз выколи. Думаю, перегон будет не из лёгких.

– И то верно, Николя. Вези их со всей аккуратностью, слышишь? Хорошие люди.

10 июля, среда

Марше-Нёф – Эврё. Первая половина дня

Рассвет застиг дилижанс на длинном перегоне от Марше-Нёф к Ла-Ривьер. В утренней свежести лошади бежали резво и за каких-нибудь два часа покрыли расстояние, на которое при дневной жаре потратили бы пять-шесть часов, а то и больше. Путешественники уже перестали ощущать тряску: утомлённые после тяжёлой и беспокойной ночи они отдались сладкому сну, положив головы на узлы и на плечи друг другу. Никто в купе не видел, как экипаж пересёк реку Риль по ветхому деревянному мосту, построенному ещё при Людовике XIV и с тех пор несколько раз горевшему и утратившему все свои украшения – изваяния Богоматери и ангелов, кресты и небольшую часовню, построенную в честь святого Франциска.

Теперь на мосту стояла полосатая будка, но она была пуста, караульных не виделось; проезжающих никто не останавливал и документов не проверял. Кучеру это показалось несколько странным, поскольку три дня назад, когда он ехал в Кан, мост просто кишел драгунами. Что здесь случилось за это время и куда все подевались? Добрый ли это знак или дурной?

Не останавливаясь, миновали и станцию Тибувиль – небольшое селенье в одном льё после реки Риль. Лошади бежали по-прежнему резво. Пассажиры один за другим просыпались и протирали глаза. Самое время совершить утренний туалет. По этому случаю гражданин Жервилье высунулся в окно и попросил кучера сделать короткую остановку.

– Скоро Ла-Коммандари! – ответил тот, продолжая взмахивать хлыстом. – Там смена лошадей. Потерпите немного.

Чета Жервилье откупорила кринку с яблочным морсом, старушка Дофен растолкала своего внука, чтобы он достал ей что-нибудь съестное, проснулась и захныкала дочурка гражданки Прекорбен, а Мария делала вид, что продолжает спать. Впрочем, развалившийся на половине лавки гуляка Флоримон также не открывал глаз, хотя он-то, кажется, почивал больше всех. В таком-то смутном и несобранном состоянии путешествующая компания приблизилась к крохотному посёлку, где находилась очередная почтовая станция.

Спокойно въехать в посёлок дилижансу не дали. На дороге висел закрытый шлагбаум. «Странно, – продолжал дивиться кучер, – На мосту не было ни души. А здесь, почти что в голой степи, какие-то заставы...» Заметив подъехавший экипаж, из близлежащей казармы тут же выбежали двое караульных. Хотя у каждого из них за поясом торчало по пистолету, это были не военные, а гражданские лица. Отсутствие мундиров компенсировалось трёхцветными республиканскими лентами, перекинутыми через плечо, и огромными кокардами, нацепленными на изрядно помятые треуголки. Один из них, который был постарше, потребовал бумаги у кучера, а другой, помоложе, с худым прыщеватым лицом, бесцеремонно распахнул дверцу дилижанса и скомандовал: «Всем выйти! Проверка документов».

Наконец-то дождались! Начиная от самого Кана это была первая такая проверка. Хотя пассажирам, которые в последний раз справляли свою нужду в Марше-Нёф, очень хотелось облегчиться, они всё же крепились, надеясь, что осмотр не займёт много времени, и они смогут продолжить свой путь. Станция уже виднелась за поворотом. Но не тут-то было! Караульный постарше остался стеречь дилижанс, а прыщеватый удалился с изъятými паспортами в казарму и отсутствовал там более получаса. Что он делал столько времени? Перечитывал бумаги по слога́м, с трудом осиливая грамоту? Совещался с кем-то, что делать с проезжающими?

Публика стала заметно нервничать, но напрасно обрадовалась, когда увидела идущего к ним караульного. Хмурый вид его не сулил ничего хорошего. Подойдя к дилижансу, прыщеватый стал вызывать пассажиров поимённо и возвращать им паспорта. Свои документы полу-

чили всё, кроме четы Жервилье. «А наши бумаги? – обеспокоено спросили они. – Вы забыли наши документы, гражданин комиссар».

– Гражданка и гражданин Жервилье? – сурово сдвинул брови охранник, глядя на две оставшиеся бумажки.

– Да, это мы.

– А это ваш слуга?

– Это наш работник Этьен.

– Следуйте за мной.

Гражданин Жервилье побелел как полотно, а его жена в испуге схватилась за его руку.

– Ради всего святого, отпустите нас, добрый человек! Мы не сделали ничего дурного...

Разрешите нам сесть в экипаж. Мы мирные путешественники.

– Без разговоров! – отрезал прыщеватый. – Все трое следуйте за мной.

Остальные пассажиры сочувственно покивали головами, но не проронили ни слова. Лишь один Флоримон осмелился подать голос:

– Позвольте сказать, гражданин комиссар. Мы едем с этими гражданами уже второй день и не заметили в них ничего предосудительного. Скажите нам, в чём они обвиняются?

– Помолчи-ка, оборванец! – грубо прервал его прыщеватый. – Не твоего ума дело.

Всё же какие-то объяснения нужно было дать, и караульный вперил грозный взгляд в почтенную чету:

– В ваших паспортах сказано, что вы проживаете в Фалезе и получили пропуск для поездки в Эврё.

– Именно так. Мы едем к нашей замужней дочери, проживающей в Эврё.

– Но этот дилижанс едет не из Фалеза, а из Кана.

– Что ж с того?

– А вот что. Возникает вопрос: были ли вы Кане, и если были, то почему здесь нет отметки о вашем пребывании в этом городе?

– Не понимаем, гражданин...

– Вы должны были отметить свои паспорта в Канском муниципалитете. Порядка не знаете?

«Что это за невиданные порядки?! Какие ещё отметки?» – хотела было возмутиться гражданка Жервилье, но муж остановил её крепким рукопожатием.

– Видите ли, гражданин комиссар... Позавчера мы приехали из Фалеза в Кан, переночевали у своих знакомых и на другой же день сели в этот экипаж. У нас просто не было времени посетить муниципалитет.

– Мы не знаем, как долго вы проживали в Кане и чем там занимались. Пропуск вы получили в Фалезе семнадцатого июня. А сегодня десятое июля. Прошёл почти месяц. Что вы делали в течение этого времени?

– В чём же вы нас подозреваете? – пробормотал изумлённый супруг.

– Без вопросов! – рявкнул прыщеватый, для вящей убедительности вынимая из-за пояса пистолет и взводя курок. – Вы нарушили порядок и задерживаетесь до выяснения всех обстоятельств. Немало врагов народа, роялистов и эмигрантов разъезжает ныне по подложным паспортам. Может быть, вы одни из них?

После такого аргумента, под дулами пистолетов несчастным супругам не оставалось ничего другого, как покориться. У обоих на глазах блеснули слёзы. Вместе со слугою и своей поклажей они побрели за суровыми стражами, часто оглядываясь на дилижанс и шепча слова прощания. Со стороны могло показаться, что их сажают в тюрьму.

«Попались, голубчики...» – проговорила гражданка Прекорбен таким странным голосом, что нельзя было понять, жалеет ли она невезучую супружескую чету или же радуется её задержанию.

Рейсовый дилижанс, следующий строго по расписанию, не мог останавливаться из-за того, что полиция (была ли это полиция?) арестовала кого-то из его пассажиров. Кучер дал сигнал отправления. Путники быстро поднялись в купе и расселись по лавкам.

– Что же с ними будет? – тревожно спросила Мария, когда экипаж тронулся с места.

– Не переживайте так сильно, – попытался успокоить её Флоримон. – Такое случается часто. Всегда кого-нибудь задерживают. Это называется «нарваться на акулу». Подпишут протокол, откупятся тремя сотнями ливров и поедут в следующем дилижансе. К их пропускам и прицепились только потому, что увидели, что люди при деньгах: у муженька брошь в галстук, а у жёнушки золотая цепочка на шее. В наше время кичиться богатством опасно.

– Выходит, – вздохнула Мария, – они-то и есть настоящие грабители, а не те, которых ищут в лесах?

– Что же, – усмехнулся завсегдатай канских кабаков, озорно подмигивая остальным пассажирам, – это вы справедливо заметили, мадемуазель.

– Но... – молвила наша героиня после некоторой паузы. – У меня ведь тоже пропуск выписан два месяца назад. Не прицепятся ли к этому?

– Но ведь на вас нет драгоценностей! – резонно возразил Флоримон. – Что с вас взять?

– Хорошо, если так.

На станции сменили лошадей, и дилижанс вновь покати по почтовому тракту. Путники большей частью молчали. На скамьях стало просторнее, но именно это-то и вносило дисгармонию в тот маленький, но по своему уютный мирок, образовавшийся за восемнадцать часов пути. Каждый из пассажиров остро ощущал отсутствие несчастных супругов Жервилье, повинных только в том, что они поехали в Эврё не из Фалеза, а из Кана. Кондуктору было немного стыдно перед опекаемой им публикой, а пассажирам было стыдно друг перед другом. Для того, чтобы путешественники сбросили с сердца тяжесть и вновь разговорились, потребовалось некое внешнее вмешательство.

В двух с половиной льё от Ла-Коммандари на дороге показался встречный дилижанс, едущий из Парижа. Экипажи остановились друг против друга; первыми сошли на землю и завели разговор два кучера, а затем из купе высыпали пассажиры, которым хотелось немного подышать свежим воздухом и обменяться новостями. Среди пассажиров встречного дилижанса находились две важные дамы, которые держали путь от самой столицы, и с ними пятилетний мальчик, почти ровесник дочурки гражданки Прекорбен. Этих-то дам наши путешественники и засыпали вопросами: как там, в Париже?

Столичные дамы отвечали обстоятельно, с большим знанием дела, и даже с некоторой обидой на Париж, – видимо, им пришлось там несладко и уехали они из него не по доброй воле. От разговоров о ценах на хлеб, мыло и свечи перешли к обсуждению ужасных парижских нравов. Тут встреченные дамы были особенно подробны. В столице творится чёрт знает что: парижские женщины поголовно записываются в патриотические клубы и надевают красные колпаки. Мода на амазонок, облачённых в доспехи, сменилась модой на «вязальщиц»³⁷. Нижнее бельё объявлено изобретением презренной аристократии и подвергнуто жесточайшей обструкции. Его ворохами сжигают на площадях. Свободной-де женщине нижняя юбка (*jupon*), чулки и трусы (*caleçon*) совершенно ни к чему. Каждой парижанке вменено в обязанность сжечь половину своего гардероба. Теперь, если какой-нибудь патриотке задрать на улице платье, то откроются её голые ноги и задница. Пальму первенства в этих революционных преобразованиях уверенно держат бывшие монахини. На Елисейских полях устраиваются народные пляски, на которых при каком-нибудь лихом «па» невесты Христовы сверкают всеми своими прелестями.

³⁷ Вязальщицы (*tricoteuses*) – женский аналог понятию «санкюлоты».

От таких сообщений у провинциалов волосы вставали дыбом, и, видя это, обе дамы чувствовали глубокое удовлетворение. Разумеется, они умолчали о том, что вместе с гонением на нижнее бельё и даже прежде того парижские патриотки объявили безжалостную борьбу с проституцией и вообще со всякого рода прелюбодеянием, ибо «разврат – пища аристократов». А только одних профессиональных проституток в Париже насчитывалось более семи тысяч (а по утверждению Себастьяна Мерсье даже тридцать тысяч, не считая «содержанок»), – цифра очень и очень большая. Для начала патриотки изгнали блудниц из Пале-Рояля и изо всех значимых мест, затем организовали настоящую охоту за ними, отлавливая их повсюду и отправляя в Приют и в Сальпетриер. За какой-нибудь месяц жриц любви с парижских улиц как метлой повымело; а те, которые избежали поимки, ушли в глубокое подполье. Бравым «вязальщицам» удалось то, что не удавалось королевской полиции на протяжении почти двух веков. Но об этом столичные дамы нашим путешественникам не рассказывали.

Впрочем, встреченные женщины также горели желанием кое-что узнать. В первую очередь их интересовало то, что происходит в Кане (почему-то именно в Кане). Та дама, которая была постарше, и у ног которой вился пятилетний мальчуган, даже не удержалась задать несколько рискованных вопросов: «Видели ли вы бежавших из Парижа депутатов? Где они живут? Как себя чувствуют?» Повышенный интерес встреченных женщин к беглецам был слишком заметен, и они могли бы поостеречься справляться о них у незнакомых людей. Вероятно, это были родственницы несчастных изгнанников. Гражданка Прекорбен при этом выразительно посмотрела на Марию, ожидая, что она вступит в разговор и поведает о своих встречах с бриссотинцами, но наша героиня, не проронившая ни одного слова во время беседы, продолжала хранить молчание.

– Ах, как жаль, что вы ничего не знаете о них! – сокрушённо проговорила дама постарше. – Может быть, нам встретится ещё кто-нибудь, кто сможет рассказать хотя бы что-нибудь.

На том и расстались. Едущие в Кан погрузились в свой дилижанс, едущие в Париж – в свой, кучера натянули вожжи, и два тяжёлых неповоротливых экипажа с трудом разъехались на дороге.

Чутьё не обмануло канских путешественников. Две встреченные ими женщины имели к беглым депутатам самое непосредственное отношение. Дамой постарше была никто иная как едущая к мужу гражданка Петион, а сопровождающая её женщина – её верная подруга, мадам Гушар. Пятилетний малец был сыном Петиона. Они покинули Париж тайно, среди ночи, хотя запрещения покидать столицу не было, – на случайном галиоте доплыли до Манта и там пересели в рейсовый дилижанс. Теперь большая часть пути была позади и до Кана оставались всего одни сутки езды. Самого Петиона заблаговременно оповестили об их приближении, и поэтому, когда Барбару предложил ему поехать вместе с ним к департаментскому войску, он охотно согласился, надеясь встретить жену по дороге.

Наверное, на весь оставшийся путь у путешественников хватило бы разговоров и предположений, кто именно им встретился, если бы их голова не была занята поразительными сообщениями о том, что творится нынче в столице. Все только и обсуждали, что неслыханное падение парижских нравов. Впрочем, две женщины молчали. Одной из них была гражданка Прекорбен, не склонная разделять всеобщее возмущение столицей, а другой – наша героиня. Марию, впрочем, занимало другое: странно, что встреченные женщины пребывают в неведении о судьбе бежавших в Кан депутатов, когда они имели случай подробно расспросить о них у Бугона-Лонгре, который выехал из Кана ещё в понедельник, и, конечно же, встретился им по дороге. Неужели они разъехались? Разве Бугон поехал не в Эврё? С какой стати ему нужно было обманывать Марию? Он сам сказал, да в Интендантстве подтвердили, что он отправился в Эврё следом за другими членами департамента, и что им поручено заняться тамошним войском. Куда же он подевался? Не случилось ли с ним чего-либо дурного?

В душе Марии поселилась тревога. В сущности Бугон – очень неплохой человек и отзывчивый друг. Сколько раз он помогал ей в мелких делах, хлопотал за неё в различных инстанциях (за неё и её подруг)! При его чрезвычайной занятости на службе это вовсе непросто. Он находил время, чтобы сходить с нею в театр, когда его ждали в клубе нетерпеливые соратники, – писал ей письма, присылал книги, гулял с нею в садах Лувины, обучал верховой езде и вообще оказывал тысячи услуг. А какие чудесные букеты он преподносил ей по праздникам и на дни рождения! Они превращали её тёмную угрюмую комнату в настоящую оранжерею, а их дивный аромат распространялся по всему дому, так что старушка-кузина поднимала нос, шумно вдыхая воздух, и с гордостью говорила кухарке: «Понюхай, Габриель, как пахнут мои магнолии. Даже сюда проникает их запах!»

Да, Бугон был неплохим другом, очень даже неплохим, пока... Пока не захотел сделаться для Марии кем-то бóльшим.

PATRIE. LIBERTE. ÉGALITE.

DÉPARTEMENT DU CALVADOS,

DISTRICT DE CAEN.

MUNICIPALITÉ DE CAEN.

N° 0387

LAISSEZ passer *l'afriqueur* *marie Corday*
nâtif de *mon* *habitat* domicilié à *Caen*
Municipalité d' *Caen* District d' *Caen*
Département d' *Calvados* âgé de *24* ans,
Taille de *5 pieds 1 pou.* cheveux & sourcils *bruns*,
yeux *gris* - front *large* - nez *long*
bouche *large* menton *large* - visage *oval*

Prenez-lui aide & assistance en cas de besoin, dans
la route qu'il va faire pour aller à *Angoulême*

Delivré en la Maison Commune de Caen, le *8*
avril 1793, l'an 2 de la République Française.
Par, Not. *de la Commune* Officier Municipal:
Expédié par nous Greffier soussigné, & a le-
dit *citoyen Corday* signé
Marie Corday *Marie Corday*

MAISON de CHARLOTTE CORDAY.
Rue St Jean, N° 148 à Caen.

Кан, дом № 148 на улице Сен-Жан («Большая Обитель»). Гравюра XIX в.

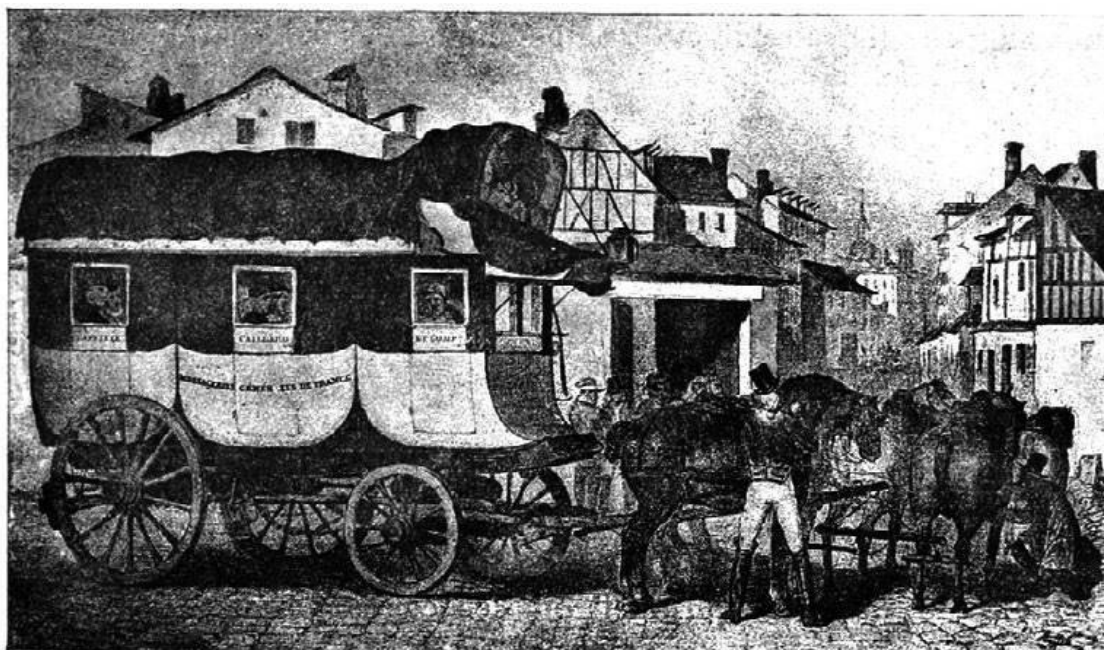

Fig. 315. — Diligence Lafitte et Caillard (Messageries générales de France) conforme à l'ordonnance du 16 juillet 1828. — D'après la lithographie coloriée de Raffet.

Французский дилижанс. Литография начала XIX в.

Эврё. 11 часов 40 минут утра

Главный город департамента Эр по своей величине уступал не только Кану, но даже такому захудалому городишке как Лизьё. В нём проживало всего восемь тысяч жителей. Но всё же это был административный центр со всеми приличествующими его статусу учреждениями: департаментской администрацией, правлением округа и коммуны, своей национальной гвардией, своей жандармерией и своей тюрьмой. Впрочем, в революционной Франции Эврё был известен главным образом тем, что в нём родился бриссотинец Бюзо: его дом находился на главной улице Шартрен.

Из оконца купе Мария могла любоваться на приближающийся город. Над красно-бурыми черепичными кровлями приземистых домишек торжественно возвышались башни и шпили кафедрального собора. Издали этот собор казался сказочным Гулливером, горделиво взирающим на мельтешащих у его ног лилипутов. С высоты окружающих холмов Эврё представлялся ворохом скученных, тесно прижавшихся к друг другу строений; трудно было поверить, что внутри этой тесноты имеются какие-то улицы и площади. Тем не менее дилижанс въехал на мощёную улицу, называемую Канской и ведущей мимо церкви Сен-Таурен и Дворца Правосудия прямо к кафедральному собору. Не доезжая примерно трёхсот шагов до собора, экипаж свернул во двор местного бюро дилижансов, очень похожего на станцию в Кане: тот же крытый перрон, оберегающий путников от дождя и солнца, те же конюшни, не закрывающиеся ни днём ни ночью, та же конторка с плохо отштукатуренными стенами и хлопающими ставнями окон.

Бродяге Флоримону надлежало покинуть дилижанс и пересесть в другой экипаж, едущий в близлежащий город Дрё. Но старушка Дофен со своим внуком, гражданка Прекорбен со своей дочкой, а также наша героиня держались прежнего маршрута. В то время, как две первые пары уселись в тени навеса, решив скоротать там время ожидания, а бродяга Флоримон, прислонившись к столбу, неторопливо потягивал из фляжки какую-то жидкость, Марию посетила некоторая идея.

– Скажите, долго ли мы будем стоять? – обратилась она к проходившему по двору кондуктору.

– Час, – отвечивал тот. – Сменим лошадей, погрузим здешнюю почту. Кроме того, отсюда нас повезёт новый кучер, а он ещё не явился.

«Целый час! – поразмыслила наша героиня. – За это время можно три раза обойти весь этот городишко».

– Скажите, а далеко ли до здешнего муниципалитета?

– Честно говоря, не знаю, – смущённо сознался кондуктор. – Выйдите на улицу и спросите у кого-нибудь из прохожих.

– Благодарю вас, я так и сделаю.

– Однако я не советовал бы вам уходить слишком далеко, гражданка. Время бежит быстро.

– Ничего, у меня есть часы.

Оправив своё порядком измятое в дороге платье, наша героиня поспешила за ворота, и уже здесь, на улице, услышала за спиною приглушённый голос, зовущий её:

– Мадемуазель Мари!

Это был бродяга Флоримон. Он также покинул двор и вышел следом за молодой попутчицей. Ещё минуту назад равнодушное сонливое лицо его переменилось: теперь на нём была написана озабоченность, смешанная с таинственностью. Мария приостановилась, повинаясь внутреннему голосу, который советовал ей выслушать этого необычного человека. Несмотря на свой босяцкий вид и типичную для породы таких людей расхлябанность, Флоримон успел

произвести на неё благоприятное впечатление. Она чувствовала, что под личиной весельчака-пустослова скрывается вполне трезвый ум, а под рваной одеждой бьётся честное сердце.

– Что случилось, гражданин?

– Простите, если задерживаю вас, – сказал он, приближаясь. – Всю дорогу я искал случая остаться с вами наедине, чтобы сказать пару слов.

– Пару слов? – напряглась Мария; что это значит? неужели этот босяк решил сделать ей признание? – Говорите скорее, я тороплюсь.

– Мне-то всё равно, – заметил Флоримон меланхолически, чтобы она не вообразила бог весть чего. – А вот вы поедете дальше и скоро окажетесь на территории, подвластной парижским властям. Поэтому, я думаю, вам будет небезынтересно узнать кое-что о вашей попутнице.

– О гражданке Прекорбен?

– О ней самой.

– Поэтому вы не обращались ко мне раньше, в её присутствии, и дожидались, когда её не окажется рядом?

– Именно так.

– Но почему вы вообразили, что меня интересует гражданка Прекорбен?

– Мой добрый совет: будьте осторожнее с нею, мадемуазель. Она якобинка. В Кане я несколько раз видел её выходящей из дома Легодье. Вы не знаете Пьера Легодье с улицы Каноников? Маленький шуплый человечек с всегдашней улыбочкой на лице. В Кане все знают о нём.

– Что о нём знают?

– Гнусный тип. Он ещё при Сартене³⁸ был тайным осведомителем. Немало людей по его доносам угодило за решётку. Он и на меня однажды донёс, чтоб ему лопнуть! После того, как учредилась Коммуна, он стал доносить на аристократов. Несчастный мсье Байё, о котором я рассказывал вчера, был взят как раз по его доносу. И вот у этого презренного мушара³⁹ оказываются какие-то дела с нашей попутницей. Не исключено, что она везёт в Париж его очередные доносы...

Похоже, канский гуляка был встревожен не на шутку и стремился предупредить молодую спутницу о возможной опасности, исходящей от благообразной на вид дамы, возвращающейся из гостей со своей очаровательной дочкой. Для нашей героини, едущей в столицу по чрезвычайному делу, предостережение такое было отнюдь не лишним, но ей не хотелось признаваться в этом случайному попутчику.

– Положим, Легодье – мерзкий доносчик. Допустим также, что гражданка Прекорбен ему подстать. Но отчего я должна её остерегаться? Мне-то чего бояться?

Флоримон поднёс ладонь ко рту, хотя и без того говорил едва ли не шёпотом:

– Она видела вас в компании бежавших из Парижа депутатов и уверена, что вы их единомышленница.

– Что ж с того? – усмехнулась Мария. – Почему вы думаете, что это может мне как-то повредить?

– Вам виднее, мадемуазель. Моё дело – предостеречь, а вы поступайте, как знаете.

Она поклонилась и проговорила со всей учтивостью:

– Нисколько не сомневаюсь в ваших добрых чувствах ко мне, гражданин. И всё же, смею вас уверить, вы зря беспокоитесь за меня.

– Что ж, мадемуазель, – поклонился в свою очередь Флоримон. – Прощайте.

³⁸ *Sartre* (Sartin) A. P. (1729–1801) при Людовике XVI был начальником государственной полиции, затем морским министром. С его именем связано процветание всеобщей слежки и доносительства.

³⁹ *Mouchard* (mouchard) – полицейский сыщик, шпион.

С этими словами они расстались, чтобы не встретиться больше никогда. Их пути разошлись бесповоротно. Марии не суждено было узнать, что случилось с этим необычным и в чём-то даже симпатичным человеком. А судьба его была незавидна. Ведь на горизонте маячил сентябрьский закон «О подозрительных»! Как ни ловок и увёртлив был Луи Вамбаз по прозвищу Флоримон, ему пришлось-таки поплатиться за свой острый язычок. В ноябре того же года уголовный трибунал Кальвадоса приговорил его к изгнанию из страны. Впрочем, в такое время, когда гильотина работала бесперебойно, можно сказать, что провинциальному остряку ещё повезло. Он уехал в Бельгию, потом перебрался в германские графства, и там, между Рейном и Одером, следы его окончательно потерялись. На родину он не вернулся, и никто из земляков о нём больше ничего не слышал.

Мария спешила к кафедральному собору, полагая, что раз там центр города, то и муниципалитет находится где-то поблизости. Но это было несколько не так. Сидящий в открытой лавке колбасник объяснил ей, что от собора нужно свернуть на улицу Орлож, именуемую теперь улицей Брута, пройти башню с часами, повернуть направо и двигаться до тех пор, пока она не окажется между двумя большими зданиями: направо будет театр, а налево Дом Коммуны. Путь был не то чтобы дальний, но и не такой короткий, как ей бы хотелось. Беседа с Флоримоном отняла у неё четверть часа, так что времени на путешествие оставалось совсем немного.

Она прибавила шаг, стараясь не сбиться с того пути, который указал ей лавочник. Скорее бы найти муниципалитет! Наверняка Жан Ипполит сейчас заседает там вместе с другими администраторами, приехавшими из Кальвадоса. Вот изумится он, встретив её здесь, на полпути из Кана в Париж, почти на передовой войны с анархистами! Как вытянется его лицо при виде той, которую он только что оставил в Кане, чтобы она сидела там, сложа руки, и дожидалась его возвращения из славного похода! И в эту самую минуту, когда он ещё не успеет опомниться от изумления, можно будет сказать ему несколько слов на прощание, поцеловать в щёку и стремительно скрыться.

Ага, вот, по-видимому, и те два здания, о которых говорил колбасник! Направо театр, а налево Дом Коммуны. Большое трёхцветное знамя, вывешенное над парадными дверями, а также стоящие в карауле национальные гвардейцы рассеивали всякие сомнения, что это и есть муниципалитет.

Впрочем, отчего Мария вообразила, что Бугон должен быть в городском муниципалитете, то есть в коммуне? По статусу чиновника департаментского ранга ему скорее полагалось находиться в местной департаментской администрации, или, как её ещё называли, в директории. Ей следовало бы спрашивать директорию, а не муниципалитет. Однако по какому-то наитию свыше она шла в общем-то верно.

– Спасение и братство! – приветствовала Мария гвардейцев, стоящих на карауле у парадных дверей. – Подскажите, как мне найти гражданина Бугона-Лонгре, приехавшего из Кана?

Охранники переглянулись.

– Приехавшего из Кана? Вы говорите об одном из администраторов Кальвадоса, которые прибыли вчера вечером?

– Да, я говорю о них. Только гражданин Бугон не администратор, а генеральный прокурор-синдик.

– А, это тот большой начальник в зелёном мундире! Да-да, всё утро он и его спутники провели здесь. Но вот уже полтора часа, как они и большинство муниципалов покинули здание.

– Куда же они отправились?

– Известно куда: за кавалерийские казармы, на Авиронский луг. Сейчас почти весь город там. Или вы не слышали общего сбора, гражданка? С минуты на минуту ожидается прибытие из Кана бригадного генерала Пюиззе, который возглавит наши войска. Уже прискакал его вестовой...

Мария обеспокоилась:

– А далеко ли до этого луга?

– Вы не знаете Авиронского луга? Разве вы не здешняя?

– Нет. Я еду из Кана.

– Это на том берегу Итона. Полчаса ходьбы.

– Полчаса... – повторила она упавшим голосом. – Пожалуй, это слишком далеко.

В самом деле, ходить так далеко было неразумно. Через полчаса дилижанс тронется в путь, и добро ещё, если кто-нибудь догадается сгрузить её саквояж ввиду отсутствия хозяйки. А то ведь, не ровён час, так и уедут вместе с её вещами! Поэтому опаздывать никак нельзя. Да, неплохо было бы встретить здесь Бугона и перемолвиться с ним парой слов. Но, видимо, не судьба...

Мария сделала несколько шагов в обратную сторону, но вдруг остановилась и вернулась к охранникам.

– Не сочтите за труд, добрые граждане, передать Бугону мои слова.

– Что передать? – пытливо спросили гвардейцы, мгновенно сообразившие, что здесь вступают в силу сердечные чувства.

Она помедлила пару секунд: стоит ли говорить? А впрочем, терять ей нечего.

– Передайте ему, что я прошу у него прощения. Пусть не обижается на меня и не сокрушается: с Барбару у меня ничего не было. Ровным счётом ничего. Так и скажите.

Гвардейцы усмехнулись:

– Так и сказать?

– И ещё скажите. Я хочу, чтобы он был счастлив. Передайте ему, что я желаю ему счастливой женитьбы. Пусть его суженая будет достойной его. А меня пусть простит. Я питаю к нему самые нежные чувства, но... – следующие слова Мария произнесла с расстановкой: – Но не предназначена стать его женой. Я предназначена исполнить дело, которое освободит нашу Отчизну от пут тирании. И это дело смертельно опасное.

Охранники были весьма заинтригованы. Не каждый день доводится слышать такое.

– Кто вы?

– Это не важно. Передадите Бугону то, что я сказала?

– Передадим. Но назовитесь, как вас зовут?

– Он знает, – молвила Мария.

И удалилась так же стремительно, как и появилась.

Из «Воспоминаний о нормандском восстании 1793 г.» Фредерика Вольтье

Он (Бугон) был генеральным секретарём департамента с 1791 г., и стал, как я уже говорил, генеральным прокурором-синдиком в конце следующего года, после убийства м-е Байё. Это был искренний молодой человек, полный дарований и деятельности, дородный, с развитым и крепким умом.

Безо всяких колебаний Бугон с первого момента примкнул к восстанию и представил нашей секции, где он сам проживал, десять возвратившихся из Парижа комиссаров, о которых сделал специальное сообщение. Кажется, впрочем, он хотел оставить функции генерального прокурора-синдика после того, как вошёл в Генеральный совет повстанцев... Вскоре он был послан возглавлять федеральное собрание Эра, и находился ещё на этом посту в момент столкновения у Брекура.

Во время восстания и задолго до него Бугон был в дружеских отношениях с м-ль Корде, с которой он вёл литературную и политическую переписку.

Именно он давал ей читать труды новейшей философии, которые её так увлекали.

Бюро дилижансов. 40 минут пополудни

Парило. Пассажиры уже заняли свои места в купе, а дилижанс всё не трогался с места. И гражданка Прекорбен, и её шестилетняя дочурка, и даже старушка Дофен неустанно помахивали веерами. Мария высунула голову в оконце и печально разглядывала станционный двор. Новый кучер, черноволосый смуглолицый парень двадцати-двадцати двух лет, то садился на козлы, то вновь спрыгивал на землю, что-то поправляя и подтягивая у четвёрки лошадей, и было заметно, что он больше суетится, нежели делает дело. Бродяги Флоримона нигде не виделось. Может быть, он уже уехал в свой Дрё, а может, в ожидании экипажа решил скоротать время в каком-нибудь местном кабаке.

Блуждающий взгляд Марии упал на сточную канаву, пересекавшую двор, где в мутной лужице барахтались измученные жарой воробьи. Как жалко, что она не прихватила с собой альбом и краски! Право, эта забавная сцена заслуживала красочного офорта. Растрёпанные, взъерошенные птички умилительно взмахивали крылышками и гребли под собою лапками, брызгаясь друг на друга. Бедные создания, им ещё тяжелее, чем людям! Мария достала из сумочки булочку, отщепила и бросила на землю несколько крошек, на которые занятые банными процедурами воробьи не обратили никакого внимания.

В самый последний момент, когда кондуктор уже поднимал лестницу, а кучер натягивал вожжи, во двор вбежали два бравых молодца с криками: «Стой, стой! Это рейс в Париж? Нам в Париж!» Один из молодчиков схватил руку кучера, держащую хлыст, а другой уцепился за боковую лестницу и проворно вскарабкался в купе. Кондуктор спросил для порядка проездные билеты, на что новоявленный пассажир разразился громким смехом: «Пустая формальность! Мы платим тебе по сто ливров с носа, отсюда до самой столицы, и давай, дружище, сади нас на лучшие места!» – «Правила есть правила, гражданин, – строго отвечал кондуктор. – Извольте пойти в кассу и оплатить проезд». – «О, педант! – воскликнул молодец в притворном гневе. – Тебе нужны билеты? Сейчас ты получишь сто билетов, хотя я мог бы показать тебе лишь один свой мандат, чтобы ты понял, с кем имеешь дело! Но я люблю порядок не меньше тебя, и ты в этом убедишься». После этой тирады, выпаленной на одном дыхании, опоздавший окликнул своего товарища: «Арман, я задержу дилижанс, а ты сбегай быстренько в кассу».

Когда все формальности были соблюдены, новые пассажиры смогли присоединиться к общей компании. Наши путники увидели перед собой двух расфуфыренных щёголей, чрезвычайно похожих один на другого. У обоих цветастые фраки с высокими стоячими воротниками и длинными отворотами, доходящими до плеч. Оба опоясаны трёхцветными национальными шарфами. Даже голоса их были одинаковы: громкие, пронзительные, напоминающие звуки ирландского рожка. Различались они лишь по головным уборам. У одного на голове сидела широкополая бурдала⁴⁰, по последней моде щедро посыпанная пудрой; у другого – английская шляпа с высокой тульей, украшенная серебряной пряжкой. Заметив в купе дам, молодцы широко улыбнулись и тут же принялись знакомиться, протягивая руки. Мария, гражданка Прекорбен, её дочка и даже старушка Дофен были удостоены их крепких рукопожатий; при этом Мария подала им руку, не снимая перчатки. Щёголь в бурдале представился гражданином Одилом, а его товарищ в английской шляпе – гражданином Дарнувилем. Тому и другому на вид было не больше двадцати лет.

Молодцы заняли места на боковой лавке, там, где раньше сидели супруги Жервилье.

– Мы едем в Париж на праздник Федерации, четырнадцатого июля, – объявили они. – Вы тоже едете на праздник?

– Какой ещё праздник? – проворчала старушка Дофен. – Не знаю я никаких праздников.

⁴⁰ Бурдала – мужская высокая круглая шляпа, украшенная шнуром и кокардой, часть костюма революционера.

– А я с дочкой просто возвращаюсь из гостей, – пояснила гражданка Прекорбен. Только Мария ничего не ответила на этот вопрос.

– А вы, прекрасная фея? – поинтересовались у неё друзья. – Куда едете вы?

Она отвернулась к окну, сделав вид, что разглядывает проплывающие мимо городские здания (дилижанс уже выехал на парижский тракт).

– Вы слышите нас, гражданка? – Одиль протянул руку мимо старушки Дофен и дотронулся до плеча Марии. – Нельзя ли узнать, как далеко вы держите путь?

– В Париж, – ответила она еле слышно.

– Как это приятно! Мы с вами будем попутчиками до самой столицы. Вас там встречают? Корде опять не ответила.

– Арман! – обратился Одиль к своему спутнику. – Может быть, я спрашиваю не так, как это принято в светском обществе? Попробуй ты, у тебя это лучше получается.

– Оставь девушку в покое, Жозеф! – одёрнул его Дарнувиль. – Не видишь что ли, что она не из таких, которые готовы ворковать с первым встречным; особенно с таким пройдохой, как ты.

– Клянусь небом, – заметил Одиль, кивая на её белые перчатки, – сдаётся мне, что наша спутница – девица благородных кровей, не чета прочим. К таким нужен особый подход. – Он заглянул ей в глаза: – Простите меня, гражданка, если я был не совсем учтив. Оставляю вас. Продолжайте пребывать в своей поэтической мечтательности.

Однако оставленная в покое Мария не долго хранила молчание. Несколько мгновений она постукивала сложенным веером о ладонь, что-то напряжённо обдумывая, и вдруг вскинула голову:

– А где состоится праздник Федерации?

Друзья переглянулись и с готовностью пояснили:

– Как обычно, на Марсовом поле. Туда сойдётся почти весь Париж, депутаты Конвента, заседатели Коммуны, а также тысячи приезжих. Но учите, чтобы занять лучшие места и видеть всё происходящее, нужно быть либо членами правительства, либо делегатами департаментов. Если вы не комиссар и не делегат, то вы рискуете затеряться в невообразимой толпе. Так что, если желаете попасть на торжества и стать их участницей, вам лучше держаться нас.

– А вы делегаты?

– Естественно! Мы делегированы в Париж от Общества друзей Свободы и Равенства города Эврё.

– То есть вы якобинцы?

– Самые настоящие.

Одиль торжественно вынул из кармана и показал всем круглую карту, в центре которой был отпечатан красный колпак, а по ободу тянулась трёхцветная лента с надписью «Общество друзей Свободы и Равенства. Эврё. 5-й год Свободы». Карта за подписью президента и секретаря клуба извещала, что её владелец, гражданин Жозеф Мари Одиль значится в клубе под номером 131.

– Что ж, – молвила Мария с загадочной улыбкой, – может, я и прибегну к вашей помощи.

– И правильно сделаете! – заговорили наперебой обрадованные друзья. – С нами вы окажетесь не где-нибудь на обочине, а в самой гуще событий. Более того, мы ещё пойдём в Якобинский клуб, где заседают Дантон и Марат, и зачитаем там обращение нашего местного клуба к головному. Вообразите теперь всю важность нашей миссии. Вообразили? Позвольте, однако! Как же вы найдёте нас в Париже? Сейчас же берите бумагу и записывайте наши адреса.

Мария открыла сумочку, вынула карандаш и два клочка бумаги: «Диктуйте».

– Пишите: Дарнувиль, улица Сен-Антуан, дом номер два. Это квартира одного моего приятеля в двух шагах от бывшей Бастилии; меня там все знают. Записали? Далее: Одиль,

улица Гайон, дом номер тридцать. Разумеется, Жозеф останавливается там только тогда, когда приезжает в Париж. Чтобы его найти, нужно спросить у гражданина Гийо, портье. Записали?

– Записала.

Сообщение о готовящемся празднестве на Марсовом поле весьма воодушевило нашу путешественницу. До сего момента, одолев уже половину пути до Парижа, она всё ещё не имела определённого плана действий и большей частью полагалась на удачу. Настало время серьёзно подумать, каким образом она осуществит свой замысел. Праздник Федерации 14 июля... Как это кстати! Лучшего места для совершения подвига трудно себе вообразить. Многотысячное скопление народа, все власти, делегаты из провинции... И как символично! – новоиспечённый тиран французского народа падёт именно в тот день, когда четыре года назад пала королевская тирания. С тех пор каждый год французы празднуют день 14 июля как начало эры Свободы. Она ничем не нарушит этот праздник. Напротив, он станет праздником вдвойне, ибо только теперь наступят подлинные Свобода и Мир.

Но до 14 июля ещё целых три дня! Впрочем, и это неплохо. У неё будет достаточно времени хорошенько подготовиться к решительному моменту. Трёх дней для этого более чем достаточно. Будет время заняться также и делом Александрины Форбен. Может быть даже, это дело следует решить в первую очередь... Да-да, по приезде в Париж прежде всего нужно позаботиться о судьбе несчастной подруги, сходить в министерство внутренних дел и взять оттуда все необходимые бумаги. Пусть этому делу будут посвящены два дня: 11 и 12 июля. В запасе ещё целый день, чтобы к моменту открытия торжеств на Марсовом поле быть во всеоружии.

– А вы, гражданка, – донёсся до слуха Марии голос друзей-якобинцев, – вы назовёте нам свой адрес, где вы остановитесь в Париже?

– Адрес? – встряхнулась она, выходя из задумчивости. – Это излишне. Достаточно того, что я знаю ваши адреса.

– Как же мы с вами встретимся?

– Если будет нужно, я вас разыщу.

На этом Мария отвернулась к окну, давая понять, что разговор закончен. Друзья переглянулись и пожали плечами.

Прокламация генерала Вимпфена от 8 июля 1793 г.

Генерал Феликс Вимпфен, командующий армией Шербурского побережья и вооружённой силой департаментов Севера и Запада Французской Республики, единой и неделимой, – добрым гражданам Парижа шлёт привет. Уже не раз я способствовал благоденствию Республики, но мятежники оклеветали меня, и ныне за мою голову назначена высокая награда. Злодеи говорят: Феликс Вимпфен идёт против Парижа; не верьте этому. Я иду на Париж ради Парижа, ради спасения Республики. Я иду по воле народа, – не кучки людей какого-то отдельного города, но населения большинства департаментов, суверенного народа, как всякий из вас убедится, если власть изуверской Коммуны Парижа позволит правдивым журналистам распространять мои листовки. Добрые граждане Парижа, объединяйтесь с нами против Коммуны. Я команду нормандцами и бретонцами. Братья, я братаюсь с вами, но я буду воевать со всяким, кто воспрепятствует моему маришу; я буду сражаться и одержу победу, и тогда правда добьётся справедливости.

Генерал Феликс Вимпфен

Листовка, выпущенная авангардом «Республиканской и контрархистской армии Севера» в Паси-сюр-Эр 13 июля 1793 г.

Во имя истинной Свободы, которую мы защищаем; во имя законов, которые мы отстаиваем, во имя Республики единой и неделимой, за сохранение которой мы поклялись, если потребуются, отдать свои жизни; во имя священных прав народа во всех департаментах, восставших, чтобы сопротивляться гнёту, мы просим вашего гостеприимства и свободного прохода.

Мы идём, чтобы избавить Париж и Францию от гнёта анархии и восстановить в своих правах оскорблённое национальное представительство. Наша дело – дело всех друзей общественного счастья и добродетели. Мы не хотим, чтобы проливалась кровь; только силою разума, а не силою оружием мы добъёмся нашего триумфа и спасения Франции.

Более всего мы желаем встречать повсюду только граждан, с которыми мы могли бы сплотить узы святого братства, а не врагов, с которыми мы должны были бы сражаться и победить их.

Граждане города Вернона и вы, обитающие в прилегающих селениях! Мы обращаемся главным образом к вам: ответьте нам поскорее; придите, и мы заключим вас в свои братские объятия.

Эврё – Паси-сюр-Эр. Вторая половина дня

Без четверти два проехали Старый Эврё. Каменный столб с медной табличкой известил, что до Парижа остаётся двадцать три льё. Мерный стук колёс навевал сон, и разомлевшие от жары пассажиры стали клевать носами. Дочурка гражданки Прекорбен положила голову на колени Марии. Охваченная мыслями о предстоящем наша героиня не заметила, как задремала. Пробудилась она примерно через час от того, что кто-то разговаривал в купе. Это два новых попутчика раскупорили бутылочку мальвазии и, поочерёдно прикладываясь к горлышку, вели между собой оживлённую беседу.

– Войско, войско... Какое у них войско? Кто пойдёт за них воевать? Говорю тебе, Арман, что они не соберут и тысячу штыков. Взять, к примеру, наш Эврё. Когда прибежал Бюзо и плакался в кафедральном соборе, колотя себя в грудь, ему обещали четыре тысячи добровольцев в две недели. И что же? Миновал месяц, а набралось едва ли четыреста человек, меньше чем батальон. Ха-ха! Ставлю сто против одного, что эта жалкая толпа не дошагает даже до Боньера. С бриссотинцами покончено, Арман, так и знай. Ничто их не спасёт. Народ Франции понял главное: они предали Революцию, предали Рес публику, пошли на сговор с недобитыми аристократами и мечтают вернуть королевскую власть.

– Думаешь, Жозеф, у них нет никаких шансов? Ведь в провинции немало таких, которые не любят Париж и не приветствуют Революцию.

– Да, многие в провинции не поддерживают Революцию, но это уже не важно. Подумай сам, Арман. Вскипела война, на нас напали австрийцы и пруссаки. А это угрожает всей стране, – и тем, кто любит Республику, и тем, кто её не любит. Поэтому народ Франции будет поддерживать центральное правительство, каким бы оно ни было, – бриссотинским, якобинским, хотя бы санкюлотским.

– Но всё-таки австрийцы и пруссаки напали на нас не просто так, – заметил Дарнувиль невесело, – а потому что мы совершили Революцию.

– И это уже не важно. Напавшие на Францию есть интервенты. Война с агрессором сплотит всех французов. Гора знает это. Марат понял это давно. Дантон понял это тридцать первого мая. Бриссо не понял этого до сих пор. Народ принесёт в жертву правительству сотню Бриссо, Бюзо и Барбару, лишь бы правительство защищало его от интервентов.

– Полагаешь, Марат станет диктатором?

– Определённо. Ещё пару месяцев назад можно было гадать и сомневаться, но не сейчас. Время взяло своё. Десятое августа было днём Дантона, двадцать первого января было днём Робеспьера. Второе июня стало днём Марата. Теперь его имя у всех на устах. Старики произносят его имя с ужасом, молодёжь – с восхищением. Новорожденных нарекают его именем. Если у меня родится сын, я назову его Маратом, тогда как раньше хотел назвать Сцеволой.

– Сначала обзаведись женой, – заметил Дарнувиль со смехом.

– Этим я и занимаюсь, – с подчеркнутой важностью сказал Одиль. – Ты знаешь, что у меня нет отбоя от невест. Но я ищу девицу себе под стать: такую же твёрдую и решительную как я, душою и телом преданную Республике.

Мария приоткрыла один глаз: желторотого бахвала просто распирало от самодовольства. Его приятель, тоже порядочный оболтус, казался всё же скромнее.

– Боюсь, Жозеф, таких патриотов у нас в Эврё ты не найдёшь. Тебе нужно искать невесту в Париже. Говорят, там даже женщины носят красные колпаки.

– При чём здесь колпаки? – отмахнулся Одиль. – И потом: патриотки есть везде, и в самой глухой провинции. Но и среди них я выберу далеко не всякую. Мне не нужна оголтелая баба вроде Теруань, пусть даже она отмечена почётным венком Коммуны. Прежде всего, это должна быть благовоспитанная девушка из безупречной семьи.

– Вроде той девицы, которая сейчас едет с нами? – вставил Дарнувиль с усмешкой. – То-то я заметил, как ты всё время на неё поглядываешь. Признайся: ты втрескался в неё с первого взгляда.

– Вот ещё! – фыркнул напыщенный фат. – Впрочем, она и впрямь недурна. Несколько худошавая, но эта не беда. Зато каков взор! Какое движение глаз! В её лице есть нечто породистое, истинно нормандское. И этот подбородок с ямочкой, – от него можно сойти с ума!

– Тише, Жозеф! Вдруг, она нас слышит...

– Не слышит. Смотри: спит как убитая. Спорим, что я сейчас подкрадусь и чмокну её в щёку, а она даже не проснётся.

– Лезешь с поцелуями, а сам даже не знаешь, кто она, – резонно возразил приятель.

– А вот и знаю! Её зовут Мари. Я слышал, как к ней обращалась так полная женщина, которая спит справа у окна.

– Имя ничего не значит. Ты взгляни на её перчатки. Видишь? Она явная аристократка.

– Ну и что? – возразил Одиль. – И среди аристократок бывают патриотки.

Дарнувиль снисходительно похлопал друга по плечу:

– Я давно подозревал, Жозеф, что все твои разговоры о патриотизме только для отвода глаз. На самом деле ты, как все, тянешься к титулу и состоянию.

– Не мели чепуху! Много ты понимаешь в любви... Сколько женщин у тебя было? Одна, две, ни одной? А у меня их была сотня. Поэтому я знаю, что говорю. Вот, ты уставился на её перчатки, а главного не увидел. Ты заметил, что она едет одна? Без слуг, без сопровождающих. Разве это не свидетельствует о том, что она придерживается новых, передовых взглядов? И то, что она едет на праздник Федерации, тоже о мно...

Одиль не договорил. Раздался ужасный скрежет, дилижанс дёрнулся и так сильно завалялся на бок, что все, кто сидели на противоположной лавке, слетели со своих мест. На Марию упала Дофен, вдвоем они повалились на гражданку Прекорбен, прямо перед её лицом о стенку купе ударились корзина, из которой посыпались на пол яблоки и груши. Движение прекратилось.

– Какого дьявола? Что это такое? – простонал гражданин Дарнувиль, сидя верхом на Филиппе Дофене. – У нас отвалилось колесо?

Крики ушибленных женщин заглушили его стон. Одиль первым открыл дверцу купе и прыгнул на землю с большой высоты, следом из дилижанса выскочил и кондуктор. Дарнувиль, продолжая чертыхаться, тем не менее, помог дамам подняться на ноги. Наконец, после того как откинули лестницу, все пассажиры смогли выйти из купе и рассмотреть, что случилось с экипажем. Слава богу, колёса были целы, но заднее правое угодило в глубокую канаву, подступающую вплотную к тракту.

Из-за угла дилижанса показался шатающийся из стороны в сторону кучер.

– Как это могло случиться? – схватил его за грудки Одиль. – Почему ты съехал на обочину, безмозглый возница? Ты решил нас укокошить?

– Да он просто дрыхнул, – подсказал Дарнувиль, вглядываясь в его заспанное лицо. – Добро ещё, попалась канавка. А не то свалились бы в какой-нибудь овраг: костей бы тогда не собрали.

– О, ничтожество! – воскликнул Одиль, тряся кучера. – Понимаешь ли ты, кого ты везёшь и по какому важному делу мы едем в Париж? Что же, прикажешь нам самим садиться на козлы вместо тебя?

– Есть предложение получше, – вступился кондуктор: – я сяду рядом с ним и прослежу, чтобы подобного не повторилось. Не гневайтесь, граждане: кучер тоже человек, и ему, как всем людям, свойственно утомляться. Давайте лучше возьмёмся все вместе и вытолкаем экипаж из канавы.

Кондуктор чувствовал свою меру ответственности за происшедшее. Ещё перед выездом из Эврё он пропустил с новым кучером по «сороковке» настоящей нормандской водки. Видимо, эта-то водка, и, вдобавок, палящее солнце над головой сделали своё коварное дело.

– Всё равно, когда приедем в Париж, мы будем жаловаться вашему начальству, – проворчал Одиль, немного успокаиваясь. – Как можно держать таких ротозеев?

Пока пятеро мужчин, включая юношу Филиппа Дофена, пытаясь, выталкивали заднее колесо из канавы (а оно превосходило высотой самого рослого из них), женщины оправили измятые платья и приложили смоченные в воде платочки к ушибленным местам. Когда отошедшая по малой нужде Мария вернулась, экипаж был готов продолжать свой путь. Все пассажиры уже заняли свои места, кроме гражданина Одиля, который стоял возле откидной лестницы, поджидая нашу героиню.

– Не ушиблись ли вы, гражданка? – спросил он, озорно поблёскивая глазами. – С вами всё в порядке? Этот кучер – сущий олух; бывают же такие недотёпы! Ну, теперь-то, когда я с вами, можете ни о чём не беспокоиться. Давайте руку.

Он помог Марии подняться в купе, вошёл следом и захлопнул за собою дверцу. Дилижанс поехал. Между Одилом и нашей путешественницей продолжала сидеть старушка Дофен, но это не мешало ухажёру, подавшись вперёд, пожирать Марию глазами. Казалось, браваый якобинец собирается объясниться ей в любви, но не знает, с чего начать.

– Послушайте, а не встречались ли мы с вами раньше? Ваше лицо мне определённо знакомо.

Корде тягостно вздохнула: «Ну, вот, началось...»

– Нет, не встречались, – был её ответ.

– Но у меня прекрасная память на лица! – не отступал новоиспечённый кавалер. – Вы ведь дочь Жана Луи Рише, одного из состоятельнейших и уважаемых землевладельцев Кальвадоса. Не отпирайтесь; я вас отлично помню, как будто бы это было вчера, хотя прошло десять или двенадцать лет. Мы виделись в вашем имении близ Эвреси, когда мой отец и я приезжали к вам в гости. Неужели вы не помните меня?

Наша героиня заметила, что присутствующие, ставшие невольными свидетелями встречи «друзей детства», с чрезвычайным увлечением следят за этой сценой. Старушка Дофен, через которую шёл разговор, перестала жевать мочёное яблоко и, наострив ухо, ловила каждое слово. Юный Филипп недоверчиво перебегал глазами с Одиля на Марию, а гражданин Дарнувиль делал вид, что всё происходящее для него полная неожиданность. Что же касается гражданки Прекорбен, у которой с Марией были свои счёты, то она едва скрывала лукавую усмешку: ну-с, «таинственная путница», как теперь ты выпутаешься из этого положения?

– Вы ошибаетесь, гражданин, – холодно заметила наша героиня. – К упомянутому вами Рише я не имею никакого отношения и никогда даже не слыхала об этом человеке.

– И всё же позвольте напомнить вам, Мари, события двенадцатилетней давности. В ту пору я был ещё желторотым юнцом, благовоспитанным робким мальчиком, который сопровождал отца в его деловых поездках. Мой родитель исполнял тогда должность генерального инспектора мануфактур, и ему довелось изъездить всю Нормандию вдоль и поперёк. Стояло такое же жаркое лето, как и сейчас, когда мы заехали в ваше имение близ Эвреси. Ваш отец принял нас очень радушно, потому что был давнишним приятелем моего отца (кажется, они некогда служили вместе в одном полку), и мы провели у вас три или четыре дня. Тогда-то я и встретил вас, Мари. О, сколь чудесными были эти дни!

– Поверьте, друзья, – добавил Одиль, обращаясь ко всем пассажирам, – другого такого восторга я более уже не испытывал. Перед усадьбой зеленел яблоневый сад, усыпанный спелыми плодами, а за ним тянулся роскошный луг, трава которого доходила до пояса. Помните, Мари, как в послеобеденные часы, когда все в доме почивали, мы с вами, взявшись за руки, убегали на этот луг? Мы были вдвоём, если не считать вашего домашнего пса по кличке Пузан,

который всюду следовал за вами по пятам, как бы охраняя вас от возможных посягательств. Вы были прекрасной девочкой, Мари, чистой и свежей как утренняя роса. Я не чаял в вас души, и вы отвечали мне взаимностью. Помните, ближе к вечеру, когда набежали тучи и хлынул дождь, мы спрятались в беседку и целовались, а ваш верный пёс ходил вокруг с неодобрительным урчанием. Неужели вы забыли это, Мари? Забыли то дивное лето, тот луг, ту беседку и того робкого мальчика по имени Жозеф?

Наша героиня терпеливо выслушала лирические воспоминания собеседника и заявила:

– Возможно, всё было так, как вы рассказываете, гражданин, и вы действительно страдали в детстве робостью, когда дружили с дворянской девочкой, бегали с нею по лугу и целовались в беседке, – но это была не я. Повторяю вам, что вы ошиблись и принимаете меня за другую.

– Это совершенно исключено! – замахал руками Одиль. – Вас зовут Мари, ведь так?

– Так.

– И ту девочку звали Мари. Сомнений быть не может! Вы и она – одно и то же лицо.

Молодец удовлетворённо откинулся назад и закатил глаза, как бы целиком погруженный в воспоминания.

– Потом вы часто являлись мне во сне, и в своих грёзах я вновь и вновь путешествовал с вами по укромным уголкам Эвреси. О, как давно это было... Расскажите же, что стало с вашим чудным именем? Как поживает ваш отец, старый Рише? Он всё ещё в усадьбе?

Иную бы развеселила эта сцена, похожая на третий акт какой-то комической пьески, разыгрываемой в дешёвом театре, но на Марию она произвела дурное впечатление.

– Я устала вам повторять, гражданин, что я не Рише. Достаточно вам моего слова? Или в доказательство того, что я ношу другую фамилию, я должна показать свой паспорт?

– Покажите! – вскричали разом Одиль и Дарнувиль.

Тут Мария заподозрила, что вся эта сцена с воспоминаниями была затеяна для того, чтобы узнать о ней как можно больше. Чтобы осадить не в меру разошедшегося попутчика, она могла бы предъявить ему свой документ и уже собралась сделать это, но в последний момент передумала. Рядом сидела гражданка Прекорбен, а из головы Марии не выходило прощальное предостережение Флоримона.

Двоих пустомелей из Эврё ей нечего опасаться. А вот чего ожидать от этой парижской дамы? Не помешает ли она каким-нибудь образом её планам, если узнает её фамилию, место рождения и проживания? Наконец, заметив в документе, что её поездка в Париж просрочена, не шепнёт ли она об этом в пути какому-нибудь постовому или проверяющему, чтобы её задержали, как уже случилось с супругами Жервилье? До Парижа ещё ехать и ехать... Взвесив всё это, Мария решила не рисковать и продолжать хранить своё инкогнито даже ценою торжества незваного ухажёра.

– Нет, вам достаточно и моего слова.

– Видите?! – рассмеялся Одиль, призывая в свидетели окружающих. – Она не хочет показывать свой паспорт. Теперь вы верите, что я говорю чистую правду, и что она и есть та самая девочка, которую я встретил двенадцать лет назад? Ты веришь мне, Арман? Память меня никогда не подводила. Одного только не могу понять, милая Мари: почему вы не хотите вспомнить меня? Может быть, вам что-то мешает это сделать? Может быть, вы уже с кем-то помолвлены? Может, в Париже вас ожидает жених, и вы направляетесь к нему?

– Никто меня не... – начала было Мария, но вовремя остановилась.

Несомненно, разбитные парни из Эврё не оставили бы молодую попутчицу в покое и с неослабеваемой настойчивостью продолжали бы выпытывать у неё всё, что их интересует, если бы по ходу движения дилижанса не возник новый населённый пункт, да ещё какой! Паси-сюр-Эр. Название этого крошечного посёлка, расположенного на правом берегу мелководной речушки, никак не запечатлелось на страницах *большой истории*, но в своё время имя его

наделало много шума. И в столице, и в провинции повторяли как зачарованные: Паси-сюр-Эр, Паси на речке Эр...

Это была граница между возмущившейся провинцией и своенравной столицей, между Горой и Жирондой, между республиканцами и федералистами, между войной и миром. Перейти через речку Эр означало начать открытые военные действия. Со стороны Кана и Эврё сюда спешили федералистские войска, в самом Паси печатались прокламации против Горы, хотя городская Коммуна ещё не отеклась от Парижа, а народное собрание 5 июля признало якобинскую Конституцию. Показательная двойственность небольшого городка, оказавшегося меж двух огней. Кого поддержать? Федералисты, конечно, правы: Париж совсем обнаглел, возомнил себя пупом земли, творит, что вздумается. Надо бы как следует щёлкнуть его по носу, задать ему трёпку, чтобы научился уважать малые города, которые хотя и малые, но их много, и они большинство. С другой стороны, чем чёрт не шутит, может быть и вправду Париж стоит всей Франции, и в Париже вся сила? А с сильным надо дружить.

Сам посёлок располагался на другом берегу реки, и прежде чем въехать в него, надлежало миновать караульню на мосту. Это была та самая караульня, где пару недель назад национальные гвардейцы внимательно рассматривали паспорт гражданина Дютеля, следующего по делам фискальной службы из Парижа в Кан. Под этим именем скрывался не кто иной как «король Петион», тайно бежавший из столицы. В 91-м году по поручению Конституанты он ездил за пойманным в Варенне беглым монархом и доставил его в Париж. Теперь он сам оказался в роли беглеца, прячущего своё лицо за шторами на окнах экипажа. Петиона предупредили, что в Паси очень суровая проверка документов, и он специально задержался в Буссе, чтобы достичь Паси к полудню, когда много проезжающих и на мосту царят сутолока и неразбериха.

«Мой экипаж остановился перед караульней, – писал он впоследствии, – у меня спросили мой паспорт, и это было единственное место на этой дороге, где он потребовался. Желая вызвать к себе доверие, я осведомился у офицера, не хочет ли он посмотреть также и другие бумаги, которые подтверждают мою миссию; он сказал, что этого не нужно, и мой извозчик тут же тронулся в Эврё. Но все мои тревоги рассеялись, и я окончательно успокоился только тогда, когда мы миновали мост».

Интересно всё же, кто проходил более суровую проверку: тот, кто ехал из Парижа, или тот, кто ехал из Кана?

По мере того, как приближался мост через речку Эр, Дарнувиль всё чаще выглядывал в окошко, тревожно высматривая что-то впереди. Его приятель Одиль продолжал сохранять спокойствие.

– Как ты думаешь, Жозеф, мы уже на республиканской территории, или ещё на федералистской? – спросил взволнованный друг.

– Какая тебе разница?

– А такая, что я вижу впереди караульную будку и усатого гренадёра, разгуливающего перед ней с фузеей в руках. Посмотри: у него такой суровый вид и такое мужественное лицо... Мне кажется, такие лица бывают только у республиканцев.

Одиль также выглянул в окно и с минуту внимательно разглядывал караульного.

– Чёрт его знает... Мундиры нынче у всех одинаковые. Не думаю, однако, что этот наш. Паси колеблется... Недаром караванцы отправили сюда ворох прокламаций, призывая жителей примкнуть к мятежу.

– Может быть, сказать кучеру, чтобы он не останавливался? – робко предложил Дарнувиль.

– Эге! – воскликнул Одиль. – Да ты никак трухнул, дружище? Не бойся. У меня имеется такая бумага, прочтя которую всякий, будь то республиканец или федералист, придёт в полный восторг, крикнет «ура!» и запоем Марсельезу. После моей бумаги никакие пас порта больше не потребуются.

– Что же это у тебя такое? Мандат комиссара?

– Сейчас увидишь, – молвил Одиль, обводя торжественным взором всех пассажиров. – И вы, друзья, можете не волноваться и не доставать документы. Со мной вы проедете где угодно.

Напыщенный бахвал и не подозревал, что вступает в состязание с самим «королём Петитоном». Едва дилижанс поравнялся с караульной будкой и дежурный гренадёр дал знак кучеру остановиться, Одиль открыл заднюю дверцу и проворно спрыгнул на землю, решив опередить ход событий. «Где твой начальник? – громко и властно напустился он на стражника. – Немедленно отведи меня к гражданину офицеру!» Не сказать, чтобы караульный был смущён или напуган таким обращением, но всё же спорить с энергичным молодчиком не стал и повёл его за собою на другой конец моста, где, очевидно, находился его командир. И кучер, и пассажиры с интересом наблюдали, что будет дальше.

Через пару минут они увидели, что тот же гренадёр возвращается к дилижансу, но уже без бравого молодца. Подойдя, он как ни в чём не бывало потребовал у путешественников их документы и не торопясь, изучил все паспорта один за другим. Хорошо ещё, путникам не было приказано, как в Ла-Коммандари, выходить из купе и строиться в шеренгу! Наша героиня протянула свой паспорт слегка дрожащей рукой, но никто, кроме гражданки Прекорбен, кажется, этого не заметил. Столичная дама хранила невозмутимое спокойствие: уж её-то документы были в полном порядке. Больше всех волновался и нервничал оставшийся без друга Дарнувиль, – быть может, не столько за себя, сколько за своего приятеля, который исчез и неизвестно, когда появится.

И всё же, пропав, Одиль оказал своим спутникам полезную услугу: уже одним своим вызывающим поведением он несколько нарушил обычную процедуру проверки, в какой-то мере рассеял бдительность караульного и заставил его ограничиться поверхностным осмотром документов. Все путники получили свои паспорта назад и могли продолжать путешествие, но кучер не трогался с места. Вместе со своими пассажирами он ожидал возвращения бесследно исчезнувшего молодца. Спросить о нём у постового было неудобно, а на ум ничего толкового не приходило.

– Сцапали паренька... – сочувственно вздохнула старушка Дофен.

– Ох, и зачем только Жозеф полез в драку?! – печально покачал головою Дарнувиль. – Если через десять минут он не вернётся, то мне придётся идти, выручать его из беды.

– Нет уж, сидите на месте! – вмешалась вдруг гражданка Прекорбен. – Нам достаточно сумасбродства вашего дружка. Я сама пойду, разберусь, что там творится.

Желторотый юнец мигом сник, подавленный решительным тоном взрослой дамы. Прекорбен пересадил свою дочку на колени Марии, вышла из дилижанса и направилась на другой конец моста. После этого ждать оставалось недолго. Минут через пять на мосту показался заметно всклокоченный, но, тем не менее, победно улыбающийся Одиль, благополучно выбравшийся из плена, а следом за ним в сопровождении гвардейского офицера шла назад гражданка Прекорбен.

– Ну вот, что я вам говорил! – ликующе воскликнул Одиль, поднимаясь в купе, чтобы сесть на свою лавку. – Всё устроено, друзья! Мы совершенно свободны!

– Что устроено? Кто свободен? – недоумевающе покосился на него Дарнувиль.

Мария едва удержалась от смеха, глядя на тщетную попытку славного якобинца сохранить хорошую мину при плохой игре. Впрочем, надутый от важности молодец ни секунды не допускал мысли, что потерпел фиаско. Не известно, о чём он говорил с офицером и до чего они договорились, но то, что его задержали в караульне, было вполне очевидно, как и то, что вызволением своим он обязан пришедшей ему на помощь умной спутнице. Но какова гражданка Прекорбен! Мария снова вспомнила предостережение бродяги Флоримона; эта женщина и впрямь способна на многое.

Как только все были в сборе, кучер стегнул лошадей и, не теряя времени, продолжил путь. «Зачем вы мне помешали самому справиться с ними? – укоризненно молвил Одиль, обращаясь к гражданке Прекорбен. – Я вовсе не нуждался в помощи! Вы же видели, как они трепетали передо мною...»

Уже давно проехали Паси-сюр-Эр, миновали границу департамента Эр и подбирались к Боньеру, а неутомимый хвостун всё продолжал рассыпаться перед пассажирами, рассказывая, какого страху нагнал он на караульных, которые и вправду были федералистами, но искусно притворялись честными гражданами, и если бы ещё немного, то он окончательно сорвал бы с них маски. При этом его приятель покатывался от смеха, старушка Дофен осеняла себя крестным знамением, гражданка Прекорбен снисходительно улыбалась, а Мария зевала от скуки.

Наконец молодец обратил внимание, что из всех присутствующих только наша героиня не слушает его и даже вовсе отвернулась в сторону.

– И всё это я сделал ради нашей очаровательной спутницы, – добавил Одиль, – оберегать спокойствие которой меня призывает мой долг и память о нашем счастливом детстве.

Корде не отвечала.

– Слышите ли вы меня, милая Мари? – опять потянулся он через старушку Дофен и дотронулся рукой до её плеча. – Ради вас, ради вашего отца, уважаемого гражданина Рише, признательность которого я надеюсь заслужить, я готов вступить в сражение хоть с сотней обидчиков и супостатов.

– Э-ге-ге! – весело воскликнул его приятель Дарнувиль. – Сдаётся мне, Жозеф, ты собираешься сделать предложение.

– Да, собираюсь, – отвечал Одиль запальчиво. – И я честно признаюсь здесь, перед всеми вами, что совершенно покорён красотой Мари Рише, которая одна стоит сотни прекрасных барышень.

Трудно передать, что случилось с нашей героиней при этих словах. Сначала она вспыхнула и залилась красной краской, как мак. В эту минуту, кажется, она готова была провалиться сквозь землю. Впрочем, это продолжалось недолго. Всё ещё не оборачиваясь к непрошеному ухажёру, она встряхнулась и овладела собою.

– И охота вам так глупо шутить, гражданин. Или, быть может, вы хотите посмеяться надо мной?

– Ничуть! – заверил повеса, торжественно прикладывая ладонь к груди. – С самого детства, с тех самых памятных и счастливых дней, проведённых с вами в вашем имении близ Эвреси, я не встречал девушки более прекрасной чем вы! Можете мне поверить, ибо я немало побродил по свету и бывал в разных местностях. Нигде, уверяю вас, я не видел столь одухотворённого и благородного лица, как у вас, столь восхитительного телосложения и столь прекрасных форм...

Молодца явно понесло, и нашей героине пришлось прервать его неумеренное словоизвержение:

– Остановитесь, ради бога, и перестаньте молотить чушь.

Восторгаясь красотой своей спутницы, Одиль не подозревал, что наступает на острые грабли. Мария не терпела подобных комплиментов, подозревая их неискренность. Ещё в монастырском пансионе окружающие убедили её, что она вовсе не красавица и ей не стоит тягаться с героинями любовных романов. Её продолговатое лицо с массивной нижней челюстью, тонкие губы, раздвоенный подбородок, свидетельствующие, бесспорно, о сильном характере, никак не соответствовали эталонам женской красоты. Телом она была дородна и кряжиста, как всякая породистая нормандка, и знать не хотела, что такое диета. Всё же в обществе крестьянских девиц она казалась худощавой, а в обществе аристократических дамочек – напротив, слишком полноватой. Словом, «ни рыба ни мясо», как охарактеризовала её однажды мадам Бретвиль, вообще не стеснявшаяся в подобного рода выражениях.

Начиная лет с тринадцати Мария не выносила, чтобы обсуждали её внешность. Казалось, она вовсе не заботится о своей привлекательности. Никто не видел, чтобы она прихорашивалась перед зеркалом, как это делали её подруги по два часа в день. Её близкие не помнили, чтобы она когда-нибудь пудрилась, подводила тушью глаза или красила губы. С течением времени она убедила себя, что рождена вовсе не для того, чтобы привлекать мужчин, и настоящая сила её не в приятной наружности, но в пылком сердце и нестигаемой воле.

– Как можно считать чушью те глубокие чувства, которые вы посеяли во мне? – надулся между тем Одиль, обиженный словами Марии. – Неужели вы сомневаетесь в моей почтительности к вам и в моём уважении к вашему благородному семейству? Я уже не говорю о том, что тем самым вы перечёркиваете всё бывшее между нами. О, как это жестоко с вашей стороны, милая Мари! Это несправедливо не только по отношению ко мне, но и по отношению к вашему отцу, добродетельному гражданину Рише, который дружил с моим отцом, и, несомненно, толковал с ним о нашем браке.

– Я устала вам повторять, – повысила голос Мария, – что мой отец не Рише, и я не та, за кого вы меня принимаете. Прошу вас поскорее одуматься и освободиться от ваших нелепых фантазий.

Повышая голос и выражаясь со всей решительностью, наша героиня надеялась остудить пыл чересчур разошедшегося фата. Этот самодовольный болтун давно уже действовал ей на нервы. Самым досадным было то, что никто из спутников не спешил прийти ей на помощь. Приятель Одиля целиком был на стороне друга, гражданка Прекорбен не вмешивалась в происходящее из каких-то своих собственных соображений, а старушка Дофен и её юный внучок, – одна в силу преклонных лет, другой из робости, – оставались сторонними зрителями.

Впрочем, что могла ожидать наша героиня, отправляясь в путешествие без надлежащего сопровождения и покровительства? Добро ещё, попались эти, хотя и развязные, но, в сущности, беззлобные юнцы, неспособные, по-видимому, на откровенное насилие, воздействовать на которых можно было и словом. С одиноко путешествующими девицами, бывало, обращались и похуже.

Из статьи Фабра д'Эглантина⁴¹ «Физический и моральный портрет Шарлотты Корде»⁴²

Эта женщина, про которую говорили, что она очень красива, вовсе не была таковой. Лицо её было скорее мясистым, чем свежим, она была лишена грации и нечистоплотна, как почти все философы и умники женского пола. Её лицо было грубо, дерзко, безобразно и красно. Её дородности, молодости и вида знаменитости (évidence fameuse) было достаточно, чтобы её сочли красивой во время допроса. Впрочем, это замечание становится совершенно бесполезным, если сказать о главном: вся красота этой женщины мгновенно пропадала, когда она цеплялась за жизнь и дрожала перед смертью.

Шарлотте Корде было двадцать пять лет, то есть, по нашим понятиям, она была почти старой девицей, в особенности если принять во внимание её мужеподобные манеры и мальчишеское сложение.

⁴¹ Фабр д'Эглантин (Fabre d'Eglantine) Филипп (1750–1794) – бывший провинциальный актёр и автор комедий, ставший затем членом Якобинского клуба и клуба Кордельеров. Будучи другом Дантона, заведовал канцелярией в его министерстве. В сентябре 1792 г. избран депутатом Конвента от Парижа, стал автором республиканского календаря, введённого в октябре 1793 г. В январе 1794 г. был арестован по делу Ост-Индийской компании, осуждён на процессе дантонистов и гильотинирован.

⁴² Впервые эта статья была опубликована 19 июля 1793 г. в Бюллетене Революционного Трибунала, затем, по постановлению Коммуны Парижа, размножена и разостлана по народным обществам.

Боньер – Мант – Мёлан. Вечер того же дня

Солнце близилось к закату, а дилижанс всё катился и катился по ухабистой пыльной дороге, которой, казалось, не будет конца. Наконец за небольшим перелеском блеснула широкая полоса воды: это был один из изгибов Сены, которыми изобиловало нижнее течение этой реки. С западной стороны к берегу нельзя было подъехать из-за крутых обрывов, окаймлявших речную пойму. Некоторое время дорога вела вдоль поймы, пока не нашла пологого спуска к маленькому городку, стоявшему на берегу Сены. Это был тот самый Боньер, достаточно важный в стратегическом отношении пункт, до которого, по уверению Жозефа Одиля, вряд ли дошагает федералистское войско, идущее походом на Париж.

Уже два или три часа путники находились на территории, подконтрольной Конвенту, вследствие чего друзья-якобинцы могли возрадоваться тому, что находятся у своих. Однако картина, открывшаяся их глазам, была отнюдь не отрадной. Не виделось ни крепких застав, ни артиллерийских батарей, ни усиленных дозоров. Изредка то тут, то там встречались мелкие группки солдат, охваченные каким-то хаотическим движением: одни передвигались на юг, другие на север, третьи волокли на себе зачехлённую пушку, но уже на восток. Сначала по дороге навстречу нашим путникам пронеслись драгуны с бряцающими на боках саблями, а через некоторое время этот же эскадрон обогнал их в противоположном направлении. Во всём чувствовалась суета и неразбериха.

Посреди всех этих беспорядочных манёвров медленно тащился рейсовый дилижанс из Кана, на который почти никто не обращал внимания.

Наша героиня не могла как следует рассмотреть происходящее за окном. У неё появилась новая забота: как отвести самозванного ухажёра, который несколько не вразумился её твёрдым, хотя и учтивым отпором, и всеми способами продолжал с нею заигрывать. На салонном языке это называлось *волочиться*, если слово такое применительно к тесному купе дилижанса, где все пассажиры сидели друг к другу впрытык, обречённые не только видеть и слушать, но и физически осязать друг друга, и где каждый вздох являлся общим достоянием. Жозеф Одиль не долго дулся, разыгрывая из себя обиженного суровым обращением с ним незабвенной «подруги детства», и уже через полчаса, поощряемый приятелем, возобновил свои происки. То он предлагал Марии фляжку с прохладительным напитком, то совал бутылочку анжуйского, то вновь ударялся в воспоминания о счастливых днях, проведённых в имении близ Эвреси, чем весьма располагал к себе общество, втайне сочувствующее переживаниям доброго молодца, в котором упорно не желали признавать друга детства.

Мария притворялась спящей, надеясь, что несносный говорун рано или поздно выдохнется и поймёт тщетность своих усилий. Она почти не открывала глаз всю дорогу от Боньера до Манта. Когда на закате прибыли в Мант и стали менять лошадей, истомлённые пассажиры покинули купе, чтобы немного размять ноги. Мария испугалась, что останется наедине с навязчивым кавалером, и поспешила выйти следом за всеми. Путешествующая компания дружно проводила старушку Дофен и её внучка до ворот станции (они уже приехали), а затем в беспорядке рассыпалась по двору. Солнце закатилось за черепичные кровли старинного городка, и нагретая за день земля понемногу остывала. С Сены веяло прохладой. Приятно было просто постоять на ногах и подышать свежим воздухом.

Разглядев в глубине двора колодец, Мария подумала, что неплохо было бы запастись на ночь свежей холодной водою. Но едва она опустила деревянную кадку на дно колодца, Одиль был тут как тут. Он проворно ухватился за цепь и вытянул наполненную кадку на поверхность.

– Позвольте услужить вам, Мари.

– Благодарю вас, – молвила она подчёркнуто сухо. – Но всё же мне кажется, что вы слишком много уделяете мне внимания.

– И вы знаете причину, – с готовностью пояснил Одиль. – Уже очень скоро, милая Мари, путешествие наше подойдёт к концу и мы приедем в Париж. У меня просто разрывается сердце при мысли о том, что по приезде мы расстанемся, и я вновь потеряю вас после того, как встретил столь чудесным образом...

– Говорите проще, – перебила она. – Что вы хотите? Узнать мой адрес? Вы его не получите.

– О, вы хотите уничтожить меня, Мари! Нельзя же, в самом деле, быть столь жестокой! Позвольте хотя бы питать надежду...

– На что?

– На то, что мы не потеряемся в Париже.

В этот миг на лице у несчастного отобразилась столь невыразимая мука, что Мария невольно посочувствовала ему. В конце концов этот молодец не виноват, что находится в приятном заблуждении, принимая её за свою давнюю знакомую. Как не раздосадована была она его поведением, всё же эти последние слова, произнесённые с неподдельной искренностью, тронули её сердце.

– Ну почему же потеряемся? Вы ведь дали мне свой адрес.

– О, обещайте же мне, что посетите меня! – воскликнул он с энтузиазмом.

Нет, всё-таки нельзя давать мужчинам никакого спуска. Стоит их хоть немного пожалеть, как они тут же садятся тебе на голову! Вот и этот желторотый юнец уже настаивает на свидании.

– У меня имеется также адрес вашего друга. Кроме того, насколько мне помнится, вы намерены прийти на праздник Федерации.

– Конечно, мы там будем! Ради этого мы и едем в Париж.

– Я тоже собираюсь посетить этот праздник, – сказала Мария. – Вполне возможно, вы увидите меня там. И если тогда вы захотите повторить мне то, что твердили всю дорогу, я охотно выслушаю вас.

– Но почему не сейчас?! – нетерпеливо воскликнул Одиль.

– Давайте подождём несколько дней. Обещаю вам, что на празднике Федерации я буду к вам благосклонна. Если вам потребуется *тогда* моя благосклонность...

У бравого якобинца на этот счёт было иное мнение, и ожидать четырнадцатого июля он вовсе не собирался. Поэтому, улучив момент, когда Мария наклонилась, чтобы зачерпнуть стаканчиком воду из кадки и перелить в свою бутылку, он проворно обхватил её рукою за талию и слегка повернул к себе, верно, чтобы поцеловать в уста. В следующую секунду он получил резкий и сильный толчок в грудь (такой силы он, право, не ожидал от благовоспитанной барышни) и едва ли не отлетел в сторону.

– Не слишком ли вы резвы, гражданин?! – воскликнула Мария, но не гневно, потому что сама была удивлена произведённым ею эффектом; право, ей ещё не приходилось отбиваться от развязных ухажёров. Если бы молодой человек от её толчка упал бы на землю, то она, пожалуй, стала бы ещё извиняться перед ним.

Хотя Одиль устоял на ногах, он оценил неженскую силу своей спутницы и тотчас же понял, что совладать с нею будет непросто. Всё же он не думал отступать: его мужская гордость ни на секунду не могла допустить столь явного поражения.

– Дорогая Мари, – сказал он, вновь приближаясь к нашей героине, – если вы думаете, что у меня недостойные помыслы, то уверяю вас, что это не так. Я человек чести, и в доказательство тому готов немедленно отправиться к вашему отцу, гражданину Рише, чтобы испросить у него вашей руки. Что вы скажете на это?

Торжественный тон, в котором были произнесены эти слова, должен был рассеять малейшие сомнения насчёт серьёзных намерений жениха.

– Неужели, – молвила Мария с невольной улыбкой, – в этом благородном порыве вы даже не доедете до Парижа?

– При чём тут Париж?! – воскликнул честный кавалер, дрожа от волнения и заглядывая ей в глаза. – Речь идёт о нашей с вами судьбе, Мари. Я предлагаю вам руку и сердце.

И, торопясь пресечь те возражения, которые, как он ожидал, могут последовать в ответ на его предложение, поспешно добавил:

– Я не так богат, как ваш родитель, и у меня нет обширных поместий, но, смею вас заверить, это у меня впереди. Ведь мне только двадцать два года! После отца у меня останется дом в Эврэ и двадцать тысяч годовой ренты, а кроме того, наследство моего бездетного дядюшки, который проживает в Безье. Это ещё тридцать или сорок тысяч. Уже сейчас я числюсь одним из уважаемых граждан департамента Эр, состою секретарём в секции Свободы и имею все виды, чтобы продвинуться по службе.

– Вы забыли сказать, – заметила Мария с плохо скрытой насмешкой, – что являетесь ещё видным членом Якобинского клуба.

– Да, – подтвердил Одиль с важностью, – да, и клуба...

Наша героиня имела все основания подтрунивать над новоиспечённым женихом. Судя по тому, что он столь подробно остановился на своём имуществе и общественном положении, ясно, что меркантильные соображения имеют для него большое значение, и что он, по всей видимости, прельщён не столько самою Марией, сколько тем жирным куском, который должен отрезать в качестве приданого её мнимый папаша, землевладелец Рише.

Наполнив стакан родниковой водою из кадки, Мария подала его сгорающему от страсти кавалеру. Тот взял стакан и осушил его одним залпом. Мария налила ещё. Но и второй стакан не остудил его пыла.

– Теперь, милая Мари, когда я открыл вам не только своё сердце, но и, так сказать, всего себя, и вы убедились, что я преисполнен самых благородных намерений, вы не станете долее испытывать мои чувства. Помните, наконец, о нашей любви и о той клятве, которую мы принесли друг другу в детстве. Помните? Мы поклялись, что, когда вырастем, то сочетаемся браком как муж и жена.

Нет, это уже было невыносимо! Эта глупейшая сцена что-то уж слишком затянулась.

– Мы разыгрываем с вами прекрасную комедию, гражданин Одиль, – сказала Мария, в которой в эту минуту, верно, заговорила кровь её предка, драматурга Корнеля. – Как жаль, что при таком талантливом исполнении отсутствуют зрители! Давайте пойдём, позовём наших спутников, чтобы они смогли по достоинству оценить этот спектакль.

И быстрым шагом направилась к дилижансу.

В её словах было столько ядовитого сарказма, что даже такой толстокожий битюг и беспечный фат как Жозеф Одиль, не мог не ощутить преобладающей укус. Взгляд его потух, лицо сморщилось, словно бы его окатили кипятком; минуты две он стоял у колодца как вкопанный, опустив руки, и только после внутреннего усилия смог двинуться с места.

В отправляющийся дилижанс он погрузился последним, мрачным, как грозовая туча. Теперь, когда не было старушки Дофен, место рядом с Марией оказалось свободным. Но Одиль сел на своё прежнее место на боковой лавке и тут же потребовал у своего приятеля достать бутылку анжуйского. Всю дорогу до Мёлана они попеременно прикладывались к горлышку, а когда за окном сгустились сумерки, затянули революционные песни, нисколько не принимая во внимание дремлющих в купе пассажиров.

Вперёд, за нашу Свободу!
За наши права – смелей.
В ответ на угрозы народу
Мы свергнем всех королей.

Свобода! Свобода! Какое прекрасное слово!

Трепещите тираны, расплата ждёт.

Лучше смерть, чем ваши оковы,
Так хочет французский народ!⁴³

***Из письма Корде, написанного 16 июля в
тюрьме Аббатства и адресованного Барбару***

Я ехала с добрыми монтаньярами (avec de bons montagnard) и дала им возможность наговориться вдоволь. Их речи, столь же глупые, сколько сами они были неприятны, навели на меня сон, и я уснула. Можно сказать, я проснулась только в Париже. Один из этих попутчиков, вероятно, большой охотник до спящих женицин, принял меня за дочь одного из своих старых друзей, предположил, что я обладаю состоянием, и приписал мне имя, которого я никогда не слыхала. Наконец он предложил мне свою руку и сердце. Мне это надоело, и я сказала ему: «Мы разыгрываем прекрасную комедию. Жаль, что при таком талантливом исполнении отсутствуют зрители; я пойду и позову наших спутников, чтобы они приняли участие в спектакле». Я оставила его в очень скверном расположении духа. Ночью он напевал жалобные песни, располагающие ко сну...

***Из статьи Фабра д'Эглантина «Физический
и моральный портрет Шарлотты Корде»***

Когда в ней говорила природа, она испытывала лишь неприязнь и отвращение. Чувственная любовь и её приятные волнения вовсе не касались этой женицины, исполненной претензий на знания, остроумие, крепкий рассудок, национальную политику, охваченной манией философии, переходящей в очевидную экзальтацию.

Разумные и любезные мужчины не любят женицин этого сорта и скоро разочаровываются в них, поняв, что приняли их презрительность за характер, а их досаду за силу воли; им претят их вкусы и привычки, переходящие уже ту грань, после чего они вырождаются в странности и в так называемую философскую распущенность (licence philosophique).

Шарлотта Корде, слишком заносчивая уже в силу предрассудков своего происхождения, своей веры, которая превосходила её разум и мораль, не находила вокруг себя пищу для своей гордыни. Родившаяся в проскрибированной касте, прежде столь горделивой и уважаемой, а ныне столь униженной, она воодушевлялась туманными и неудобоваримыми чтениями – из-за отсутствия поклонников, и имела пустое сердце – из-за отсутствия наслаждений. Обладая беспокойным и мятежным нравом, эта женицина мечтала окончить свою жизнь подобно Герострату.

⁴³ Перевод В. Рождественского (1934 г.).

11 июля, четверг

Пуасси – Париж. Первая половина дня

В четверг путники пробудились где-то между Пуасси и Нантером. Дорога, бывшая до этого почти пустынной, теперь кишела от множества экипажей, то и дело попадавших навстречу. Дилижанс набирал скорость: до Парижа было рукой подать. Поначалу проснулись лишь женщины и кондуктор, который ночью покинул возницу и перебрался в купе. Оба бравых якобинца, вдоволь нагорланившись за ночь, теперь спали как убитые, сжимая друг друга в объятиях. Под ногами пассажиров катались опустошённые ими бутылки. Ночью Мария слышала сквозь сон, как гражданка Прекорбен пыталась утихомирить разошедшихся молодчиков, которые не давали уснуть её дочурке. Те затихали, но лишь на время, и вскоре опять затягивали песни, одна другой революционнее. В другое время патриотичная гражданка Прекорбен, возможно, была бы не прочь спеть вместе с ними, но сейчас, в ночной дороге, держа на коленях хнычущее дитя, она не могла не возмутиться. Мария слышала даже, как один раз гражданка обозвала друзей грязными пропойцами.

Если бы путешественники не проснулись в скверном настроении, они бы непременно раздвинули занавески на окнах купе, чтобы полюбоваться на окружающий их живописный ландшафт. Дорога проходила в излучине Сены, делающей здесь такие крутые повороты и замысловатые петли, как, пожалуй, никакая другая река в мире. Чтобы пройти, например, пешком от Сен-Клу до Буживаля, хватило бы и двух часов, тогда как путешествие в речной барке между теми же пунктами отнимало почти весь день. Но именно эта холмистая возвышенность, заставившая реку течь столь причудливым образом, и создавала неповторимое очарование этих мест. Начиная от Пуасси дилижанс четыре раза пересекал Сену по широким мостам, двое из которых были деревянными и разборными, чтобы иметь возможность пропускать большие суда,двигающиеся по реке. Вдали, на горизонте клубился белый дым, поднимающийся, верно, из многочисленных труб и дымоходов большого города. Это был Париж, уже пахло Парижем.

С последнего моста Нейи открылся изумительный по своей красоте вид на Сену, огибающую Булонский лес. Каменный мост в пять пролётов был построен совсем недавно, при Людовике XVI, и тотчас же сделал оживлёнными эти берега. По водной глади скользили галиоты и лодки под парусами, в глубине пышной зелени белели живописные домики. Позже, при Наполеоне, парижская знать построила здесь немало роскошных вилл.

Через полчаса после того, как проехал наш дилижанс, по этому же мосту в обратную сторону, грохоча, проследовала тяжёлая берлина, запряжённая шестёркой лошадей. На козлах её вместе с кучером сидел жандарм, вооружённый фузеей, а позади на коне гарцевал курьер военного министра. В этой берлине ехали депутаты Дюруа и Робер Линде, назначенные новыми комиссарами Конвента в департаменты Эр и Кальвадос. В первоочередную задачу их входило собрать разрозненные республиканские части близ Боньера, привести их в боевую готовность и оказать отпор идущим на Париж федералистам.

«О-о, как раскалывается голова! Где мы едем? Почему мы до сих пор не в Париже?» – это проснулись славные якобинцы Эврё, громко зевая и потягиваясь на лавке. «Будем, как и положено, к одиннадцати часам», – отвечивал им кондуктор. – «И всё-таки следует хорошенько выдрать твоего возницу, – заявили друзья. – Уже светлый день, а мы всё ещё плетёмся невесть где. Не иначе он опять напился и плутал ночью, залезая во все канавы». Кондуктор мог бы сказать, кто тут на самом деле пьяница, но, переглянувшись с женщинами, благоразумно воздержался от замечаний.

Последняя смена лошадей, последняя проверка документов на почтовой станции Нейи, и в половине десятого часа утра дилижанс выехал на финишную прямую. Дорога сделалась на удивление прямой и ровной: чувствовалось приближение столицы. Вот уже оставлен позади Саблонский парк, проплыли по правую руку Елисейские поля с их аккуратно подстриженными деревьями, замелькали по обочинам пригородные дачи, трактиры и кофейни; вот уже справа и слева появились многоэтажные дома, колёса застучали по мостовой, и дилижанс въехал в великий город.

Париж и в самом деле был огромен. Среди бесчисленных домов всевозможной величины и достоинства, теснящихся на извилистых улицах, паутиной опутавших город, в невообразимой людской толчее человек должен был казаться себе ничтожной букашкой, – особенно, если этот человек вырос на природе, в маленьком провинциальном городке, где всё вровень с ним, где трёхэтажный дом – редкость, и где из конца в конец можно пройти за двадцать минут, иногда даже не встретив при этом ни единой души. Для нашей путешественницы Париж поначалу представился каким-то египетским Лабиринтом, в котором можно плутать до конца жизни. О том, что в столице «голые» улицы, перед домами нет ни садилов, ни клумб, и стоят они в один ряд, впритык друг к другу, это она уже слышала от друзей и знакомых, побывавших в Париже, и не очень этому удивилась. Но она не ожидала, что ряд однообразных, похожих друг на друга строений может продолжаться до бесконечности.

Полчаса, пока дилижанс продвигался к площади Национальных Побед, Мария, прильнув к окошку, не отрываясь, разглядывала нескончаемую череду зданий. Сочтя это за восторг глухой провинциалки, граждане Одиль и Дарнувиль переглянулись и не преминули блеснуть своим знанием столицы:

«Обратите внимание, любезная Мари: мы едем по улице Сен-Оноре, одной из длиннейших улиц Парижа. Вот мы сворачиваем на площадь Пик⁴⁴, где состоялись похороны Лепелетье. Теперь мы выезжаем на улицу Нёв-де-Пети-Шам, на которой обитают одни толстосумы... Вот этот особняк – бывшее обиталище министра Ролана. Теперь смотрите в обе стороны: справа вы видите знаменитый Пале-Рояль, ныне Дворец Равенства, а слева – Королевскую, ныне Национальную библиотеку. Как вам это нравится?»

Мария рассеянно слушала попутчиков. На самом деле она не испытывала никакого восторга. Напротив, от всей этой мешанины улиц и нагромождения домов у неё зарябило в глазах и возникло головокружение. Она почувствовала огромную усталость и желание побыстрее добраться до постели.

Перед площадью Побед экипаж свернул на улицу Нотр-Дам-де-Виктуар и въехал во двор Генерального бюро национальных перевозок, бывшей Службы королевских дилижансов. Ежедневно сюда прибывало до тридцати экипажей со всех концов страны: из Руана и Амьена, из Лилля и Валансьена, из Меца, Страсбурга, Лиона, Клермон-Феррана, Пуатье, Бордо и далёкой Тулузы. Громыхая колёсами, один за другим в ворота вваливались дилижансы и берлины; весело звеня колокольчиками подкатывали кабриолеты; въезжали charrettes и cartioles; поднимая облака пыли спешили пассажирские фургоны, телеги и тележки. Иной раз во дворе Генерального бюро показывался и жилистый мужичок, тянущий на себе кибитку на двух колёсах (chaise), в которой сидел какой-нибудь понтуазец или версалец. Почти весь общественный дорожный транспорт Франции съезжался сюда. Мы говорим «почти весь», потому что в отдалённых провинциях имелись свои компании, занимавшиеся междугородним извозом.

На конечную остановку наши путешественники прибыли в половине двенадцатого. Пассажиры сошли на мостовую, выгрузили багаж, и Мария оказалась один на один со своим саквояжем, нести который она была уже не в силах. Между тем друзья-якобинцы действовали

⁴⁴ Так в годы Революции называлась Вандомская площадь.

споро: пока Дарнувиль сторожил общую поклажу, Одиль побежал на площадь Побед и поймал извозчика.

– Садитесь с нами, Мари, – предложили они. – Куда вам ехать?

– Окажите мне последнюю любезность, – попросила она сухо. – Занесите мой саквояж в бюро.

– Вы по-прежнему не хотите открывать нам свой адрес? Право, Мари, ваша скрытность становится уже смешной.

– Тем не менее, – сказала она, – я рассчитываю на вашу любезность.

Друзья переглянулись и сделали так, как она просила.

– Смотрите же, Мари, – обронил на прощание несостоявшийся жених, – через два дня я буду искать вас на празднике Федерации.

Когда фиакр с якобинцами покинул двор, Мария вздохнула немного свободнее. Войдя в бюро, она огляделась и нашла окошко главного администратора, за которым сидел важный господин в напудренном по старой моде парике.

– Не подскажете ли мне адрес ближайшей гостиницы, где я могла бы снять комнату?

Вместо ответа администратор протянул ей проспект, на котором было напечатано:

Мадам Гролье.

Своя гостиница «Провиданс».

Улица Вье-Огюстен, № 19,

около площади Национальных Побед.

Открыты меблированные апартаменты

по различной цене.

В Париже.

– Благодарю вас, – сказала Мария. – Это мне подходит. У вас есть носильщик? Со мною багаж.

– Лебрюн! – крикнул администратор кому-то в глубине бюро.

Из-за стеллажей и шкафов выбежал шестнадцатилетний паренёк в куцей куртке-безрукавке и серой рубашке с закатанными до плеч рукавами. Мария вручила ему только что полученный проспект и попросила отнести саквояж по указанному адресу. «Это здесь, недалеко, – сказал он, прочитав адрес. – За пять су я мигом дотащу ваш сундучок».

Площадь Национальных Побед была запружена городскими экипажами. Повсюду щёлкали бичи, храпели лошади, крутились колёса, пыль стояла столбом. На фасадах окружающих площадь зданий, украшенных прелестными ионическими пилястрами, Революция развесила свои трёхцветные знамёна, на все выступы и шпили насадила красные колпаки. До августа прошлого года на площади возвышалась бронзовая статуя Людовика XIV, венчаемого крылатой Никой. Когда статую торжественно сбросили и отправили на переплавку, остался лишь сиротливый постамент. Теперь избавились и от него, и на этом месте возводили деревянную пирамиду (на мраморную не было денег), на которой Коммуна предполагала вырезать золотыми буквами имена героев, погибших 10 августа 92-го года.

По улочке Репосуар носильщик добрался до улицы Вье-Огюстен, проходящей немного восточнее площади Национальных Побед. Отсюда он свернул направо и через три сотни шагов остановился перед пятиэтажным зданием, выкрашенным в жёлтый цвет. Самый обычный парижский дом в шесть окон на каждом этаже. Выложенные цветным стеклом арочные окна по обеим сторонам входной двери, да несколько балкончиков из кованого железа на втором и на третьем этажах кое-как украшали достаточно убогий фасад⁴⁵. «Вот ваша гостиница, – сказал Лебрюн. – Позвоните, чтобы портье открыл двери, а то у меня руки заняты».

⁴⁵ Это здание было снесено в 1893 году. Сегодня на его месте стоит дом № 14 по улице Эрольд (Herold).

Мария дёрнула за шнур колокольчика и на пороге возник бодрого вида мужчина примерно тридцати лет, в швейцарской ливрее, с перекинутой через плечо лентой, на которой было вышито золочёной нитью: «L'hôtel de la Providence» – «Гостиница Провидения». «Название подходящее случаю...», – подумала Мария, прочитав эту надпись.

– Постояльцев принимаете?

– Проходите, – последовал ответ.

В Париже гостиницу «Провиданс» знали немногие. Она не числилась в ряду престижных отелей, в которых селились важные гости столицы. Невзыскательность хозяев и умеренные цены привлекали в неё небогатых путешественников и вообще людей со скромным достатком. Зимой тут почти никого не было, но летом номера, как правило, не пустовали. Владелица заведения мадам Гролье извлекала немалую выгоду из близости гостиницы к площади Национальных Побед и к конечной остановке междугородних дилижансов. Её портье Луи Брюно регулярно носил в бюро подарки для служащих и оставлял им гостиничные карты, которые затем вручались приезжим. В бюро Брюно уважали: дело в том, что секретарём в местной секции служил гражданин по фамилии Брюно, и все думали, что портье его родственник.

– Как дела, Лебрюн? – приветливо обратился портье к шустрому парнишке. – Как поживает ваш администратор, гражданин Дюран? Передай ему, что я загляну к вам на следующей недельке, во вторник или в среду.

Мария отсчитала носильщику положенные пять су, присела на диванчик и окинула взглядом узкую и тёмную прихожую. Прямо против входа деревянная лестница вела на второй этаж. Слева от входа располагалось бюро с бумагами гостиницы, на доске на крючках висели ключи от комнат, а в противоположной стене чернел потушенный камин. Над ним красовались две картины, соединённые между собой трёхцветной республиканской лентой. Одна картина представляла портрет Лепелетье, выступающего на трибуне (вероятно, за казнь короля), другая – аллегорическую сцену: Свобода в виде пышногрудой девы в приспущенной римской stole опирается на своих подруг Равенство и Согласие⁴⁶. Глядя на жизнерадостные позы этих граций, Мария не могла отделаться от впечатления, что видит вариант известного сюжета с Афродитой, Артемидой и Афиной, обольщающих простака Париса.

Напротив этих изображений, прямо над бюро красовалась ещё одна картина – портрет полноватого мужчины в парике, в кружевах жабо и с серебряной брошью в галстук. Сколько не вглядывалась, гостья не могла узнать, кто это такой.

Портье осторожно дотронулся до плеча путешественницы:

– Вижу, вы устали с дороги. Подождите минутку. Я позову хозяйку, матушку Гролье.

– Вы правы, я в самом деле очень утомлена, – молвила гостья. – Нельзя ли побыстрее сдать мне комнату?

В полдень вестибюль обычно пустовал. Постояльцы либо отсутствовали, гуляя по городу, либо принимали пищу, кто в ближайшем кафе, кто в своём номере. Мария слышала неясные голоса, из которых выделились два приближающихся. Это шли Луи Брюно и матушка Гролье. Ожидая «матушку», гостья думала увидеть почтенную госпожу вроде мадам Бретвиль или настоятельницы монастыря, матушки Бельзунс, но к ней вышла молодая изящная женщина, лишь немногим старше её самой, одетая модно и со вкусом.

– Добрый день! – поздоровалась с ней Мария. – В вашем проспекте сказано, что вы сдаёте меблированные апартаменты. Мне нужна комната на три дня.

– В нашу гостиницу вас привело, можно сказать, само Провидение! – воскликнула мадам Гролье, радушно улыбаясь гостье (таким каламбурным приветствием она встречала каждого

⁴⁶ Триада «Свобода, Равенство, Братство» стала общепринятой в революционной Франции только с течением времени. До этого в ходу были различные комбинации: «Свобода, Равенство, Безопасность», «Закон, Согласие, Свобода», «Сила, Свобода, Мир» и др.

нового постояльца). – Вас ожидает уютная комната с камином и полной меблировкой, с окном на улицу. И всего десять ливров за день. Замечу, что у наших соседей, в гостинице «Обереж» те же апартаменты стоят в полтора раза дороже.

– Десять ливров в ассигнатах? – переспросила Мария.

– Нет, в монетах. В ассигнатах сорок три ливра, – уточнила молодая хозяйка. – В другой гостинице с вас взяли бы все пятьдесят ливров, – там стремятся лишь ободрать гостя, – но у меня правило иное: пусть будет меньше, но зато клиент не забудет сюда дорогу. Признаюсь, есть и такие постояльцы, которые, всякий раз, приезжая в Париж, живут только в «Провидансе». Ей богу!

С этими словами матушка Гролье открыла регистрационный журнал и обмакнула гусиное перо в чернильницу.

– Как вас записать, гражданочка?

– Корде из Кана, – назвалась гостья и, немного подумав, добавила: – Департамент Кальвадос.

Она приготовилась извлечь из сумочки свой лессе-пассе, но матушка его не потребовала.

– Превосходно, дорогая моя, превосходно! – ворковала хозяйка гостиницы, протягивая ключ. – Ей богу, вы останетесь довольны. Ваша комната под номером семь на первом этаже⁴⁷.

Мария взяла ключ и кивнула на свой дорожный саквояж:

– У вас есть, кому нести мой багаж?

– Разумеется! К вашим услугам гарсон гостиницы. Эй, Франсуа! – крикнула Гролье кому-то наверх и через минуту оттуда спустился тридцатипятилетний мужчина, не совсем аккуратно выбритый, но одетый как мальчик на побегушках: в коротенькую жилетку, в узкие белые панталоны и такие же белые чулки. Огромная рыжая шевелюра его пылала на солнце будто костёр. Колоритная фигура.

– Франсуа, отнеси багаж и проводи гражданку в седьмой номер.

– И пусть тотчас же приготовит постель, – добавила Мария. – Я хочу прилечь часа на два.

Слуга проворно подхватил поклажу и почти бегом взлетел по лестнице на первый (то есть второй) этаж: силы ему было не занимать. «Чудно у них, однако, – подумала Корде, шагая следом. – “Матушка” – молодуха, “служка” – переросток».

Франсуа Фейяр (таково было имя этого мужчины) остановился в коридоре у второй по счёту двери, которая оказалась открытой. Комната за ней не отличалась излишествами: кирпичный камин, по бокам которого примостились небольшой платяной шкаф и комод с секретером; посреди комнаты стоял стол с двумя жёсткими стульями; у другой стены – деревянная кровать со старым потёртым пологом и зелёной занавеской, – вот и вся хваленая меблировка. В комнате было достаточно темно; окно хоть и выходило на улицу, но из-за высоты домов напротив солнечный свет в него попадал крайне редко. Впрочем, Мария и не ожидала очутиться в блестящих апартаментах. Она никогда не жила в роскоши, и эта тусклая комната с камином многим походила на ту, которую она оставила в Кане, в доме кухни Бретвиль.

Пока гарсон стелил ей постель, гостья раздвинула бумажные гардины, подняла оконную раму и оглядела, насколько было возможно, улицу Вье-Огюстен.

– Всё готово, – доложил Фейяр, выпрямляясь. – Изволите ещё чего?

– Столовая у вас есть? – спросила Мария, снимая перчатки.

– Нет.

– Где же обедают постояльцы?

⁴⁷ Т. е. по-нашему, на втором. Французы считают этажи, начиная со второго. Нижний этаж, обычно хозяйственный, в расчёт не принимается. Он называется *rez-de-chaussée* – «цокольный этаж». Таким образом в трёхэтажном доме насчитывается два этажа, в четырёхэтажном – три и т. д.

– Неподалёку, в гостинице «Тулуз». Гостевой стол стоит там от пятнадцати до двадцати су, и можно очень прилично пообедать. Впрочем, горячий чай и кофе мы приносим в номер.

– А где отхожее место?

– Уборная и умывальник в конце коридора на каждом этаже. Вот только ванная комната у нас одна. Она внизу, также в конце коридора. Если желаете помыться, нужно записаться на вывешенный там листок. Лучше это делать с утра.

– В гостинице много проживающих?

– Летом хватает. Сейчас многие приезжают в Париж.

– На праздник Федерации?

– На праздник? – переспросил гарсон немного озадачено. – Да, наверное, на праздник... Постойте, вы говорите о четырнадцатом июля? На Марсовом поле? Так его ж отменили!

– Как отменили? – резко повернулась к нему Мария. – Отменили праздник Федерации?!

– Вы не слышали? Об этом объявили пару дней назад.

– Почему отменили?

– Говорят, из-за федералистов. Пока не будет покончено с беспорядками в провинции, никаких торжеств.

– Вот как? Значит, Гора нервничает...

– А вы приехали на праздник? – в голосе Фейяра прозвучало сочувствие.

– Нет, я приехала по делу, – гостя вновь повернулась к окну, оглядывая шумящую внизу улицу. – Скажите, где в Париже можно найти гражданина Марата?

– Какого Марата?

– Друга народа.

– Ах, Друга наро-ода! – протянул гарсон понимающе, но тут же наморщил лоб. – Спрашиваете, где его искать? Откуда же нам, простым людям, об этом зна... Хотя, впрочем... Где же ему быть, как не в правительстве.

– В Конvente, – уточнила Мария. – Понятно, в Собрании, где же ещё. Вижу, вы неплохо разбираетесь в политике, гражданин.

– Я-то? – улыбнулся польщённый Фейяр. – Что я, теперь все в политике. Время такое, сами знаете. Я и свидетельство имею⁴⁸, и в национальные гвардейцы записан... Правда, – поправился он смущённо, – не здесь, не в Париже записан, а в Шательро⁴⁹. Это было ещё в девяностом году.

– Вы родом из Шательро? – спросила гостя.

– Мы все из Шательро: я, матушка Гролье и портье Брюно. Матушка переехала в Париж, когда вышла замуж за покойного Гролье, – три года назад, – а затем и нас позвала, потому всегда лучше иметь под рукой земляков, которых хорошо знаешь и которым можно доверять. А то ведь знаете, как бывает...

– Итак, постель готова? Вы свободны, – молвила Мария, давая понять, что разговор окончен.

Гарсон осёкся на полуслове, но уходить из комнаты не торопился, по-видимому, чего-то ожидая. «Большое спасибо, – сказала она. – Можете идти». Слегка поклонившись, Фейяр шаркнул туфлём и исчез за дверью.

Золотые часы, которые наша путешественница извлекла из своей сумочки, показывали половину первого пополудни. Хотя постель была приготовлена, разостлана и ожидала путницу, усталость Марии внезапно улетучилась. Известие об отмене праздника Федерации мгновенно разогнало её сон. Теперь, сообразовываясь с новыми обстоятельствами, многое в её планах

⁴⁸ Свидетельство о благонадёжности, выдаваемое гражданам сначала наблюдательными комитетами секций, а затем особыми революционными комитетами.

⁴⁹ *Шательро* – город в департаменте Вьенна (провинция Пуату).

придётся менять, и менять немедленно. Поэтому она решила не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Ведь она преодолела шестьдесят с лишним льё и явилась в столицу не для того, чтобы разлёживаться на мягких пуховиках. Отныне для неё дорог каждый час.

Мария переложив свои вещи из саквояжа в комод, подкрепилась на скорую руку остатками съестного, ополоснула лицо под умывальником в уборной и стала готовиться к выходу в город. Неплохо было бы избавиться от запыленной дорожной одежды и переодеться во всё чистое, но, торопясь, она не стала пока трогать нижнего белья, – сняла с себя лишь изрядно помятое платье, заменив его извлечённым из комода прогулочным белым платьем с чёрными мушками, в каком обычно появлялась в Кане. Поверх платья она, как всегда, повязала одну из своих батистовых косынок, которые уже вышли из моды в столице. Над косынками подтрунивали в журналах мод, а один из членов республиканского Художественного общества сказал, что они «смешно вздуваются и скрывают приятнейшие для глаза женские прелести».

Чтобы выглядеть модно нашей героине следовало бы одеться у гражданки Райспаль на улице Закона, № 41, рекламный проспект которой предлагал дамам платья *a la Nina, a la Sultane* и *a la Cavaliere*, а также платья Психеи и в особенности «республиканские». Последние, по словам рекламы, «обрамляют всю фигуру и очень грациозно обрисовывают талию; спереди застёгиваются на пуговицы, с римским поясом. Это платье восхитительно!»

Но Мария никогда не гонялась за модой, а за парижской – тем более. У неё было другое амплуа. Свой туалет она завершила тем, что водрузила на голову новый батистовый чепец, высокой, как это принято у нормандок, формы. Через минуту, прихватив сафьяновую сумочку с запечатанным пакетом, предназначенным для Дюперре, она спустилась в прихожую.

Тем временем матушка Гролье принимала очередных постояльцев, – какого-то широкоплечего здоровенного мужчину, сопровождаемого маленькой хрупкой супругой и сыном-подростком. Почти вся прихожая была загромождена их багажом. «Номер шесть, – услышала Мария распоряжение хозяйки гостиницы. – Две прекрасные комнаты с балконом и окнами на улицу». Что ж, выходит, соседи. Целое семейство. Шума от них, верно, будет предостаточно. Тотчас видно, что парочка из говорливых. Впрочем, оно и к лучшему: есть надежда, что за собственными разговорами они меньше будут прислушиваться к тому, что делается в соседнем номере.

Только после того, как вновь прибывшие отправились в свои апартаменты, Мария смогла подойти к бюро и сдать ключ от комнаты.

– Удобно устроились? – встретила её Луиза Гролье обаятельной улыбкой, во многом благодаря которой она когда-то удачно вышла замуж и после кончины супруга унаследовала гостиницу.

– Вполне удобно.

– Если вам что-нибудь потребуется, – молвила хозяйка доверительно, – обращайтесь прямо ко мне. Безо всяких церемоний. Ведь мы с вами, похоже, ровесницы. Вы замужем? Зовите меня просто: Луиз. Хорошо? Пойдите-ка!.. Вы говорили, что ляжете спать, но теперь, видно, передумали и собрались в город?

Мария оставила этот вопрос без ответа.

– Вы знаете, гражданка, – добавила матушка Гролье, приближаясь к ней и слегка дотрагиваясь до рукава её платья, – у нас, как и во всех приличных заведениях, принято давать гарсону чаевые. Он спустился от вас весьма опечаленный...

Ах, вот оно что! Только теперь гостья поняла, отчего этот увалень топтался в её комнате, не желая уходить, когда она его отпустила. Стало быть, он ожидал чаевых за свои труды в качестве носильщика и постельничего. Какая неловкость для нашей героини! Впрочем, её можно было извинить: ведь она никогда не жила в гостиницах.

– Сколько я ему должна? – быстро вынула она свой кошелек.

– О, сущие пустяки! – вновь заулыбалась Луиза. – Обычно дают четыре-пять су за вызов.

– Извольте получить, – протянула Мария требуемую сумму. – Могу я теперь задать вам вопрос?

– А что вы хотите узнать?

– Мне нужно на улицу Сен-Тома-дю-Лувр. Подскажите, как её найти.

– О, это совсем недалеко отсюда! – просияла хозяйка. – Идёте до конца нашей улицы, затем переходите на улицу Добрых Отроков и по ней, оставив сбоку Пале-Рояль, то есть Дворца Равенства, попадаете на площадь, откуда начинается улица Сен-Тома-дю-Лувр. Всего полчаса ходьбы. Вы кого ищете на этой улице?

– Благодарю вас, – кивнула Мария и поспешно вышла из гостиницы.

Матушка осталась наедине со своим привратником.

– И говор-то у неё чисто нормандский. Ты знаешь, Луи, как я неплохо отношусь к нормандцам. Вполне приличные люди. Но есть у них одна неприятная черта: скаредность. Помнишь нормандца из одиннадцатого номера? Сколько он у нас жил? Мало того, что недоплатил по счетам, так ещё разносчикам задолжал, и цветочнице. Все на него жало...

Луиза не договорила. В дверях гостиницы стояла вернувшаяся гостья. Увидев её, хозяйка вздрогнула от неожиданности.

– Забыли что-нибудь?

– Да, забыла. Хочу ещё спросить. Вы ведь хорошо знаете Париж?

– Париж – город большой. Что вас, собственно говоря, интересует? Или кто?

Мария помедлила, не отвечая.

– Если хотите кого-нибудь найти, то можно справиться в адресном бюро, – добавила Луиза. – А то и мы подскажем.

– Скажите, каждый ли день заседает Конвент?

– Конвент?! – переспросила матушка Гролье, никак не ожидав такого вопроса. – Зачем вам Конвент?.. Ах, простите, гражданка, – тут же поправилась она. – Видите ли: если бы вы спросили, где найти хорошую портниху или где лучший шляпный салон, то мы рассказали бы в мельчайших подробностях. Но как заседает Конвент... Извините, это несколько не по нашей части.

– Это всё, что я хотела узнать, – молвила Мария раздосадованно, повернулась и вышла вон.

– Ты видел, Луи? – сказала Луиза, обращаясь к портье. – Что ты думаешь об этой особе? По-моему, она приехала с жалобой и теперь ищет кого-нибудь из начальства. Видите ли, Конвент ей подавай... Впрочем, у провинциалов это в обычае. По каждому пустяку бегут жаловаться прямоком в Собрание.

Париж. Первый час пополудни

Бил час пополудни. Мария Корде быстрым шагом дошла до конца улицы Вье-Огюстен и устремилась к Пале-Роялю, по пути удостовераясь у прохожих, верен ли её маршрут. Огромный город бурлил жизнью. Пешеходы спешили по своим делам, по мостовым проносились фиакры и кабриолеты, гремели колёсами гружёные телеги. Смех соседствовал с руганью, скрежет железа – со звуками виолончели. Никаких признаков надвигающейся грозы. Похоже, Парижу было абсолютно наплевать, что от него отреклись департаменты, что отовсюду уже движутся к нему войска федералистов, и ему угрожает настоящая осада. Здесь царил свой мир, своя жизнь, своя Франция. Подобно гигантскому киту, Париж горделиво рассекал волны, ударяя хвостом и пуская фонтан, не обращая особого внимания на снующую вокруг него мелкую рыбёшку. Париж занимался только собою. Так было не только в дни Революции. Так было всегда.

Впрочем, Революция внесла существенные коррективы, окрасила город в свои тона, наложила на него свой неповторимый отпечаток. Хотя Корде было недосуг вглядываться и изучать столицу, несколько вещей всё же не могли не броситься ей в глаза. Первое, на что обратила внимание провинциальная гостья – это великое множество афиш и прокламаций, печатных и рукописных, на холсте и бумаге, с рисунками и без. Ими было оклеено и увешано, кажется, всё: ворота и арки, колонны и пьедесталы, порталы церквей и перила мостов. Плакаты славили, вызвали, стенали, грозили и улюлюкали: «Да здравствует Республика единая и неделимая!», «Национальное возмездие: смерть Бриссо, Петиону, Барбару и их шайке!», «Изменников-генералов под суд!», «Марата в диктаторы!». С фронтона театра Республики, выходящего на площадь Пале-Рояля, свисало большое полотнище, на котором были начертаны строфы из только что опубликованной песни Аристида Валькура:

Изменническим был Сенат,
Где зажигался каждый взгляд
О деспоте заботой.
Париж восставший, наконец,
Низвергнул золотой венец
По воле санкюлота.

Не монтаньярами ль дана
Нам драгоценная казна,
Надежда патриота?
Кому обязаны теперь
Мы Конституцией? Поверь:
Уму лишь санкюлота.⁵⁰

Но чаще встречались афиши с народными стишками в духе «Папаши Дюшена»:

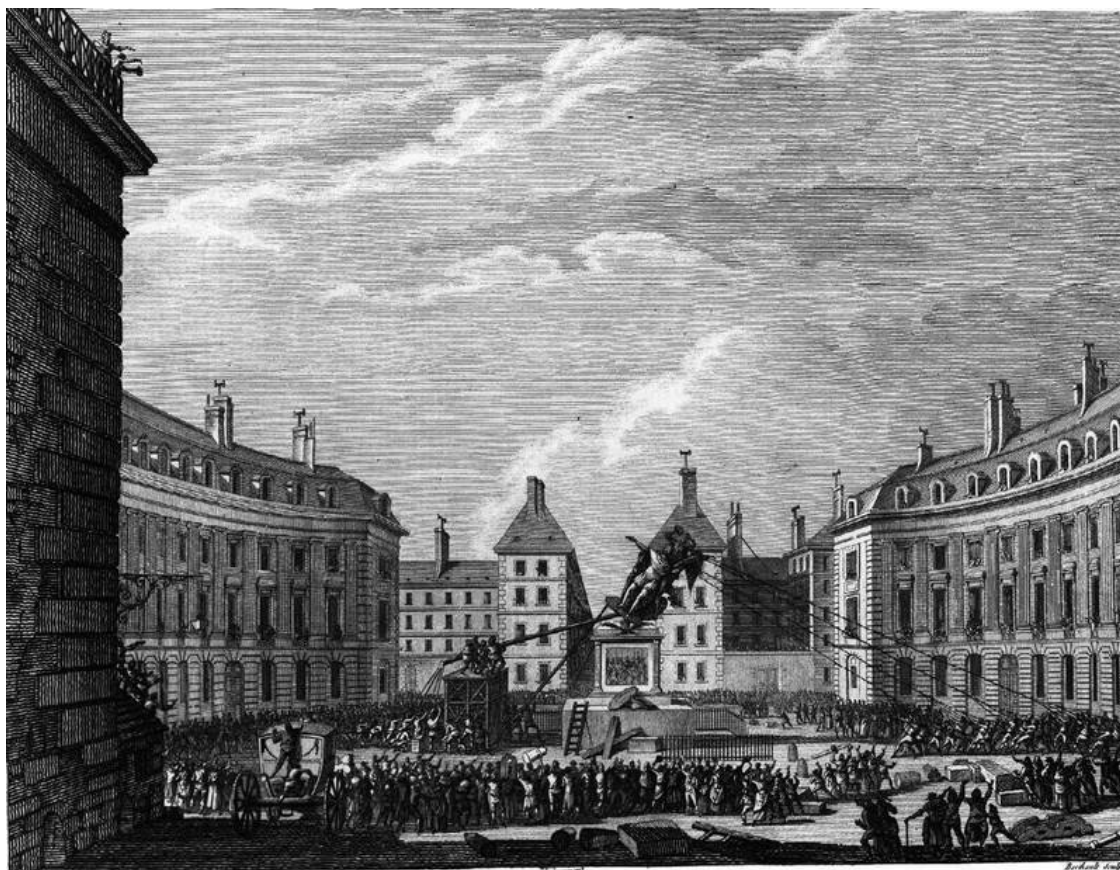
Сговорились бриссотинцы
В короли поставить принца⁵¹,
Задушить у нас свободу,
Кандалы вернуть народу.

⁵⁰ Перевод М. Травчетова (1934 г.).

⁵¹ Имеется в виду дофин (принц) – шестилетний сын казнённого Людовика XVI, заключённый в это время в замке Тампль.

Их манёвр раскрыл Марат,
Приказал всем бить в набат.
Генерал наш Анрио
Вышел с саблей наголо,
И в минуту жирондисты
Разбежались точно крысы.
Ныне на охалке сена
Ждёт их дочка Гильотена.

На каждом углу торговали газетами, журналами, брошюрами-однодневками, повсюду валялись листовки-летучки, снующие мальчишки выкрикивали названия периодических изданий и тут же пересказывали их статьи. Разумеется, и в Кане имелась своя периодика, регулярно выходили Бюллетень директории департамента, «Афиша Кальвадоса», ещё три-четыре издания. Но чтобы такое обилие бумаги!.. Там, где её не хватало, писали краской и мелом на стенах или прямо на тротуарах. Чтобы прочесть всю эту ежедневно обновляемую публицистику, двадцати четырёх часов явно не хватало, даже притом, если не отвлекаться на оба завтрака и обед и забыть про сон.

STATUE DE LOUIS XIV ABATUE, PLACE DES VICTOIRES.
les 11. 12. 13 Aoust 1792.

Париж, площадь Национальных Побед. Гравюра 1792 г.

Проспект гостиницы «Провиданс», который Корде вручила Дюперре.

Второе, что привлекло внимание Корде в «сердце Революции» – это бойкая торговля вразнос. На воротах больших торговых павильонов висели замки, но улицы были запружены продавцами обоего пола и всех возрастов. Нельзя было пройти и десяти шагов, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь лотошника. Многие горожане раскладывали товары на пороге своего дома: это был их домашний скарб. Навстречу то и дело попадались озабоченные люди, толкающие перед собою тележки, доверху наваленные всяким тряпьем, обувью, головными уборами, посудой и антиквариатом. Очень много тряпья и рухляди.

Мария знала, что это отнюдь не признак благополучия. Когда начинают сбывать всё, что придётся, – значит, не хватает еды. Когда за позолоченную раму картины лотошник просит три су, а рядом в булочной батон стоит пять, следовательно, что-то не в порядке в этом королевстве. Цена на хлеб показательнее и красноречивее любых плакатов и афиш, всей этой показной бутафории. Горделивый кит Париж на поверку страдал расстройством пищеварения, нарушением обмена веществ, и на боках его уже проступала болезненная синюшность.

Впрочем, то было только начало. Ведь ещё стояло лето 93-го, а не зима 94-го, шёл только второй месяц господства Горы. Ещё не ввели карточки на хлеб; Париж ещё не вкусил настоящего голода, не знал «хвостов» – нескончаемых очередей за крупой, за яйцами, за мылом, за свечами, когда при лютой стуже очередь занимали с вечера и стояли всю ночь; ещё были открыты кофейни и рестораны; ещё не грянул финансовый кризис и не обесценились окончательно ассигнаты. Всё это было ещё впереди, и народ по-прежнему стекался в столицу, а не бежал из неё в деревню, где всегда можно хоть как-то прокормиться.

...На площади Равенства (бывшей площади Пале-Рояля) Марию едва не сшибла с ног проносящаяся мимо чёрная карета, которую сопровождал конный эскорт гвардейцев с саблями наголо. Подобное бывает только тогда, когда проезжает какая-то важная персона. Мария мельком увидела в окошке кареты чьё-то лицо, и оно показалось ей знакомым. Кажется, именно так на плакатах изображают Марата. «Вы знаете, кто это проехал?» – с тревогой спросила она торговцев зеленью, расположившихся перед рустованными колоннами Шато-д'О, но те в ответ

пожали плечами. «Может, это кто-то из правительства?» – подсказала она. «Может быть... – отозвались торговцы с неохотой. – Здесь всякий раз кто-нибудь проезжает».

Несомненно, это был Марат! Это было его лицо. И презрительная усмешка, игравшая на нём, свидетельствует об этом лучше всего. Так усмехаться может только главарь разбойной Горы. Он пронёсся мимо Марии будто бы нарочно, чтобы подразнить её. Не успела она приехать в Париж, а он уже тут как тут. Она ещё только расспрашивает о нём и наводит справки, а он уже несётся ей наперерез с усмешкой уверенного в своём могуществе повелителя. Его карета промчалась в каком-нибудь полушаге от неё. Так кто из них преследователь, а кто преследуемый?

Карета скрылась из вида, удаляясь по улице Сен-Оноре, но Мария всё ещё смотрела ей вслед, поражённая неожиданной встречей с тем, ради кого она и явилась в столицу. Впрочем, замешательство её продолжалось недолго. Усилием воли она встряхнулась и попыталась рассуждать здраво. Её мысли были заняты Маратом, – вот он и чудится ей в каждом неизвестном, промелькнувшем перед глазами. Это всего лишь плод её воспалённого воображения. Может быть, в карете сидел совсем другой человек. Нельзя быть такой мнительной. Не следует терять рассудка. Нужно крепко держать себя в руках и спокойно продвигаться к намеченной цели. Шаг за шагом, пусть медленно, но твёрдо и непоколебимо.

Небольшая улица Сен-Тома-дю-Лувр, названная по имени расположенной на ней протестантской церкви Сен-Тома, пересекала жилой массив, находящийся между Лувром и дворцом Тюильри. На этой улице, в отеле Рамбуйе в своё время собиралось самое изысканное общество Парижа, – то самое собрание, которое Себастьян Мерсье восторженно называл Палатой Ума. Теперь в этом отеле заседал Генеральный совет секции Общественного договора. Название для своей секции местные патриоты взяли из сочинений Руссо и очень гордились таким выбором. Странно, что при этом они не потрудились переименовать и саму улицу, оставив ей прежнее «рабское» имя.

Нашей героине требовалось найти на этой улице дом номер сорок один. Тут ей предстояло наглядно убедиться в том, насколько запутана нумерация парижских домов, что давно уже стало предметом нареканий и сетования рассыльных, почтальонов, полицейских, газетчиков, да и всего делового мира столицы. После ноябрьского декрета 90-го года каждая секция по своему произволу присваивала номера домам, не считаясь с соседними секциями и вообще игнорируя какие-либо правила. На улице Сен-Тома-дю-Лувр первый дом после Шато-д'О носил номер 64, а следующее за ним здание имело табличку с номером 52. Далее по той же стороне улицы следовали номера 50, 47 (!?) и 46. Похоже, здесь не только не отличали чётные номера от нечётных, но и вовсе разучились считать.

На другой стороне улицы картина была не лучшей: за номером 53 следовали номера 51, 47 и 43 (причём № 47 уже был на противоположной стороне!). В такой неразберихе найти требуемый дом составляло немалого труда. Марии несказанно повезло, что она относительно быстро натолкнулась на табличку с номером 41, висевшую на боку несколько выступающего из общего ряда здания. Это был приличный особнячок в четыре этажа с белыми колоннами на фасаде и рустованным цоколем. Под карнизом большими буквами тянулась положенная надпись: «Отечество, Свобода, Равенство». При входе в дом, с правой стороны двери красовался список жильцов, – последнее достижение революционной гласности⁵², – в котором имена располагались в столбик:

«Гражданин Босанкур; квартира № 1; всего 4 человека.

Гражданин Пуарье, продавец вина; квартира № 2; пять человек. Гражданин Сен-Бернар, нотариус; квартира № 3; всего 7 человек. Гражданка Морель, модистка; квартира № 4; пять человек и ещё кухня, приехавшая из департамента Об.

⁵² 6 апреля 1793 г. Коммуна Парижа постановила на каждом доме вывешивать списки его жильцов.

Гражданин Дюперре, представитель народа; квартира № 5; 4 человека.

Гражданин Февре; квартира № 6; всего 4 человека.

Да здравствует Республика единая и неделимая!»

Сделанная в конце приписка являлась своего рода коллективным заверением перечисленных лиц в своей благонадёжности.

Корде вошла в вестибюль и встретила сидящего консьержа.

– Спасение и братство! Мне в пятую квартиру, к гражданину Дюперре. Это какой этаж?

– Дюперре нет дома, – последовал ответ.

– Где же он? У меня для него посылка.

– Известно, где: в Собрании.

– А в котором часу заканчивается заседание?

– Когда как. Бывают и по два заседания в день, бывает, заседают до полуночи.

Мария призадумалась.

– Что же мне делать? Есть кто-нибудь в его квартире, кто может принять посылку?

– Прислуги они не держат, – пояснил консьерж, – а гувернантка от них съехала. Вот разве что его дочери... Они сейчас дома. Подождите здесь, я поднимусь и доложу. Как мне о вас сказать?

– Скажите, что я привезла посылку от друга, который сейчас далеко.

– Хм... – молвил консьерж озадаченно. – А как имя этого друга?

И, встретив в ответ молчание, предложил:

– Оставьте посылку мне. Я вручу её гражданину Дюперре, как только он появится.

– Я понимаю, уважаемый, что вы охраняете дом и покой его жильцов, – сказала Мария как можно мягче. – Но эту ценную посылку я передам только Дюперре или членам его семьи.

Бдительный консьерж проникся важным тоном посетительницы и поднялся по лестнице на последний этаж. Марии было слышно, как он звонит в дверь и докладывает о неожиданной госте. Через минуту он спустился обратно, а следом за ним по ступенькам сбежали две хорошенькие девочки в лёгких белых платьицах.

– Это вы пришли к папе? – спросили они, с любопытством разглядывая путницу. – Поднимайтесь за нами на третий этаж.

Очутившись в просторной светлой прихожей, Мария вынула из сумочки перетянутый тесёмкой пакет и отдала его девочкам. Дочери Дюперре были прелестными невинными созданиями. Старшей на вид исполнилось лет четырнадцать, а младшей было не более десяти. Однако наиболее говорливой из них оказалась эта кроха.

– Вы знаете, папы нет; он ещё не пришёл с работы.

– Во сколько он ушёл?

– В десять утра.

– А когда должен вернуться?

– Сказал, что придёт к шести часам вечера, и чтобы мы к этому времени накрыли стол. Он всегда приходит к этому времени, покушает и опять идёт на работу.

«Всё-таки лукавый у них консьерж... – подумала Мария, – Про два заседания сказал, а о том, что в перерыве Дюперре всегда приходит домой пообедать – ни слова».

– Передайте вашему отцу, что эту посылку я привезла из Кана, из департамента Кальвадос, и имею сказать ему кое-что на словах. В шесть часов я снова приду к вам.

– Вы будете у нас жить?

– Нет, я остановилась в гостинице, – улыбнулась Мария (этих девочек нельзя было слушать без умиления). – А вы сами-то давно живёте в Париже? Насколько мне известно, вы приехали из департамента Буш-дю-Рон?

– Из Апта, – уточнила старшая, показывая рукою куда-то на юг. – Папа служил там в мэрии. Потом он уехал работать депутатом в Париж, и мы писали ему, чтобы он забрал и нас.

Потом папа приехал за нами, и вот уже полтора года мы живем в этом доме. Здесь тоже хорошо, только очень мало зелени и чистого воздуха как у нас, в Провансе.

«Полтора года... – задумалась Мария. – Значит, Дюперре был ещё депутатом Законодательного собрания».

– В вашей семье ещё есть дети?

– Наш братец Пьер сейчас служит в армии, а братец Эжен – на Коронной заставе.

– А где ваша мама?

– Мама не живёт с нами. Уже давно, с тех пор, как папа стал революционером.

– Ну, а гувернантка почему от вас съехала?

– Марион? Нет, она не съехала, а поехала в деревню навестить больного дядю. Только вот что-то долго не возвращается...

– Понятно, – молвила гостья. – И кто же теперь за вами ухаживает?

– С нами занимаются учителя музыки и танцев. И кухарка ещё приходит, но только по утрам...

Корде не удержалась, чтобы не погладить девочек по головкам (это вышло у неё непривольно), одарила их парой сахарных палочек и покинула квартиру. Открывший ей дверь на улицу консьерж заметил, что незнакомка чему-то улыбается про себя.

На обратном пути в гостиницу Марии пришлось вновь переходить через площадь Равенства, где полчаса назад её едва не сшибла чёрная карета. Она на секунду задержалась на том же самом месте. «Всё-таки это был не Марат, – пронеслось в её голове. – По словам девочек, их отец ушёл на работу в десять утра. Стало быть, в это время началось заседание Конвента, и продолжается по сей час. Но если Конвент заседает с утра, а Марат его член и главарь, то как он мог раскатывать в карете во время заседания? Значит, это был не Марат, а кто-то иной. И дьявольская улыбка в окне экипажа принадлежала не предводителю санкюлотов, а другому, неизвестному человеку. Чего только не померещится в этом причудливом Вавилоне!...»

Из защитной речи Лоз-Дюперре в Конvente 14 июля

Когда в четверг я возвратился к себе, чтобы пообедать, то мои дочери, которые живут со мною в Париже, сообщили, что мне оставлен пакет из Кана, запечатанный в этом городе и адресованный мне Барбару... Я открыл пакет и нашёл пару публикаций, отпечатанных в Кане, которые предполагалось распространять в Париже, а также письмо, написанное мне Барбару, которое я передаю для ознакомления, чтобы весь народ узнал его содержание.

Письмо Барбару от 8 июля, адресованное Лоз-Дюперре

Посылаю тебе, мой дорогой и добрый друг, некоторые сочинения, которые желательно распространить. Прежде всего это сочинение Салля о Конституции. В настоящий момент оно производит наибольшее впечатление. При случае я пришлю тебе побольше экземпляров.

Я писал тебе через Руан, чтобы обратить твоё внимание на дело, касаемое одной нашей согражданки⁵³. А именно: надо извлечь из министерства внутренних дел некоторые бумаги, которые ты мне переишлешь в Кан.

⁵³ Лоз-Дюперре не получил этого письма.

Гражданка, которая передаст тебе моё письмо, сама очень интересуется этим делом. Оно кажется мне настолько справедливым, что я, не колеблясь, принял в нём участие.

Прощай, обнимаю тебя и приветствую твоих дочерей, Марион и друзей. Сообщи мне новости о твоём сыне.

Здесь всё хорошо. Вскоре мы будем под стенами Парижа⁵⁴.

⁵⁴ Письмо не подписано. В материалы процесса оно вошло с некоторыми пометками. Вверху сделана запись рукою Дюперре: «Удостоверяю, что это письмо Барбару ко мне. Лоз-Дюперре». Внизу приписка: «Не копия. Франсуа Шабо». В протоколе заседания Конвента 14 июля, напечатанным в «Мониторе» (№ 197 от 16 июля 1793 г.), текст этого письма выглядит несколько иначе.

Гостиница «Провиданс». 2 часа пополудни

В прихожей гостиницы по-прежнему было безлюдно, куда-то удалилась и матушка Гролье, а за конторкой стоял Луи Брюно. Корде протянула ему ладонь, чтобы получить свой ключ.

– Уже вернулись? – приветливо осведомился он, снимая ключик с крючка. – Так скоро! Вы, верно, не нашли того, кого искали на улице Сен-Тома-дю-Лувр...

– Почему не нашла? – Мария взяла ключ и поправила перчатки. – Прекрасно нашла.

– И... что же?

– Ничего.

Портье хотел сказать что-то приличествующее случаю, но не смог найти, что именно, и только глуповато заморгал глазами.

Мария быстро поднялась на второй этаж. По коридору на детском самокате катался шустрый мальчишка, в котором она узнала одного из постояльцев соседнего с нею шестого номера. Она появилась перед ним столь внезапно, что мальчик от неожиданности выпустил из рук руль, и несущийся самокат врезался в консоль, на которой стояла ваза с цветами. На крик упавшего сынишки из шестого номера выбежали его родители и увидели, как его уже поднимает с пола молодая женщина в белом платье с чёрными мушками. «Ты не ушибся, Альбер?! – встревожилась мамаша, принимая ребёнка на руки. – Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не носился как угорелый! Хорошо ещё, если только расквасишь себе нос, а то ведь можешь свихнуть шею!»

С мальчиком было всё в порядке; он кричал не столько от боли, сколько от испуга. Мамаша поставила его на ноги и повела в номер. Тем временем отец мальчугана, также выбежавший в коридор, почёл своим долгом поблагодарить молодую незнакомку за заботу о его сыне.

– Ох уж, этот младший Бензе! – проворчал он, приближаясь к Марии. – С утра до вечера прыгает, скачет, ни минуты не сидит на месте. Никакие уговоры не помогают. Что тут поделаешь? Весь в отца. Имею честь представиться: старший Бензе. Негоциант. Мы приехали из Дижона.

– Рада познакомиться. Корде из Кана, из департамента Кальвадос.

Рукопожатие старшего Бензе было крепким. Если бы не белая сорочка, велюровый фрак и атласный жилет с серебряной цепочкой, свисающей из кармана, этого широкоплечего, крепко сбитого дижонца можно было принять не за коммерсанта, а за кулачного бойца с какой-нибудь сельской ярмарки.

– О, да мы с вами соседи! – радостно воскликнул он, увидев, как Мария открывает ключом дверь седьмого номера. – Позвольте пригласить вас на чашку кофе. У нас, видите ли, собственная горелка имеется. Готовим кофе, когда пожелаем. Я пристрастился к нему в Англии, где учился на агронома. Если изволили заметить, у меня и супруга англичанка. В девичестве мисс Грей. Ну, так как же? Зайдёте к нам на чашечку?

– Благодарю, как-нибудь в другой раз. Сейчас я утомлена и хотела бы немного поспать.

– Конечно-конечно! – снова поклонился здоровяк. – Как вам угодно. Не смею беспокоить.

Закрыв за собою дверь, Корде почувствовала, что её ноги делаются свинцовыми, а усталые веки слипаются сами собой. Разостланная постель тянула к себе как магнит. «Нужно хотя бы немножко поспать», – сказала Мария самой себе, быстренько снимая платье и чулки, и облакаясь в длинную белую сорочку и ночной чепец. За стеной, в шестом номере возник какой-то шум, вновь заплакал голосистый мальчишка, но она ничего этого уже не слышала, отдавшись долгожданному сну.

Ей снилось, что она лежит на своей постели в Большой Обители, в тот послеобеденный час, когда большинство горожан, отягчённые сытной трапезой, обыкновенно предаются корот-

кому сну, когда на два часа закрываются все лавки и по улицам не бегают даже собаки. Тихо и пустынно в Кане, погруженном в полуденный зной. Кто-то скребётся в запертую на крючок дверь её комнаты, царапая когтями кожаную обшивку. Верно, это хозяйская кошка Минетта. Мария пытается встать, хочет крикнуть, чтобы отогнать назойливое животное, но не может издать ни единого звука. Она даже не в силах разлепить веки. Но она хорошо слышит, как падает железный крючок, как открывается дверь, и кто-то тяжёлыми шагами ходит по комнате, двигая стулья, задевая тонкие ножки стола. На столе дребезжит посуда. Нет, это явно не кошка... И это не шаги мадам Бретвиль. «Кто здесь?!» – силится вскрикнуть Мария, но всё, что ей удаётся, это немного пошевелить рукой. Шумно отодвигается занавеска её кровати. Что-то похожее на платок падает ей на лицо. Она хочет освободиться от платка, хватая его пальцами и стягивает вниз, но платок всё тянется и тянется, ему нет конца; он превращается в длинное и прочное покрывало, которое нельзя ни разорвать, ни сбросить с себя. Мария запутывается в складках этого покрывала, беспомощно барахтается в клубке, с ужасом осознавая, что в таком положении она представляет собою отличную мишень для вошедшего в комнату. Ему даже не надо душить её; достаточно лишь подождать, когда она сама задохнётся, окончательно запутавшись в необъятной материи...

Тут Корде проснулась и открыла глаза. Она лежала на краю постели, комкая в руках покрывало. Сквозь задёрнутые гардины пробивался солнечный свет. Кроме неё в комнате никого не было, дверь всё также была закрыта и ключ лежал на столе. Только из гостиничного коридора доносились приглушённые голоса постояльцев. Мария сбросила с себя покрывало и села на кровати, свесив ноги на пол. Что за наваждение?! А ведь это только её первый день в Париже. Не надо было бы ложиться вовсе! Дневной сон ей противопоказан.

Стрелка золотых часов показывала половину шестого. Таким образом Корде проспала три с лишним часа, и если бы провела в постели ещё двадцать или тридцать минут, то к Дюперре можно было уже не торопиться. Но сейчас оставалась надежда, что ей удастся застать его в своей квартире в перерыве между заседаниями. Одев капот из полосатого канифаса и сменив ночной чепец на домашний, Мария прихватила полотенце и направилась в уборную. По коридору, мимо её двери, прохаживался взад и вперёд сосед из шестого номера, с которым она познакомилась некоторое время назад. Увидев молодую соседку, он вынул изо рта дымящуюся трубку и отвесил ей лёгкий поклон.

Мария задержалась возле него:

– Скажите, кто-нибудь входил в мою комнату немногим назад, когда я спала?

Бензе сделал удивлённые глаза:

– Воспитанные люди обычно не входят в чужое помещение без стука. К тому же, мне кажется, вы заперлись. Я слышал, как вы поворачивали в двери ключ, перед тем, как выйти в коридор.

– Не знаю. Может быть, от этой двери есть несколько ключей...

– Вам показалось, что к вам кто-то входил? – обеспокоено спросил сосед. – Во всяком случае могу поклясться, что за те десять или пятнадцать минут, пока я нахожусь в коридоре, к вашей двери никто даже не прикасался.

Корде продолжила свой путь. Когда она возвращалась из уборной, сосед-дижонец всё ещё прогуливался по коридору, хотя его трубка уже не дымилась.

– Говорите, вы учились на агронома, – молвила Мария, останавливаясь, – а стали негоциантом. Стало быть, вы торговец?

– Вроде того, – ответил здоровяк с нарочито простодушной улыбкой. – Что такое негоциант в наше смутное время? Это человек, берущий то, что лежит плохо, и помещающий туда, где будет лежать хорошо.

«Всё понятно, – подумала она. – Скупщик. Много сейчас развелось предприимчивых дельцов, наживающих капиталы на скупке и перепродаже конфискованного имущества, цер-

ковных угодий, всяких ценностей, оставшихся от эмигрантов. Для кого Революция – светлое божество, для кого – ужасный Молох, а для кого-то – дойная корова. Впрочем, не такой уж он и предприимчивый, коли поселился в дешёвеньком “Провидансе”».

Взгляд Марии остановился на огромном выпяченном носе собеседника.

– Скажите, вы еврей?

Здоровяк галантно поклонился:

– Мой дедушка был потомственным раввином. Его звали Бензадон. Мой отец стал бакалейщиком, женился на француженке и сократил фамилию. Сам я женат на англичанке. Теперь посчитайте, сколько еврейской крови осталось в моём сыне, младшем Бензе.

– Говорят, кровь сказывается и в пятом поколении, – заметила Мария.

– Вы так думаете? – развеселился сосед, не догадываясь, что собеседница, скорее всего, имела в виду себя и своего предка драматурга Корнеля.

Одеваясь для выхода в город, Корде слышала через стенку, как снова кричал и плакал младший Бензе, которого видимо, наряжали в непривычную и неудобную для него «столичную» одежду, как грозно прикрикивала на него мамаша и что-то деловито басил отец. Вскоре всё семейство шумно вывалилось в коридор и, стуча каблуками по паркету, удалилось в сторону лестницы, по которой спускались в прихожую. Минуты через три вышла и наша героиня.

Квартира Дюперре. 6 часов вечера

В то время, как провинциалы уже давно откушали, парижане ещё только садились за обед. Что касается членов Конвента, то у них обеденное время вообще сместилось на семь часов вечера, когда закрывалось собрание. Если же заседание затягивалось, что бывало отнюдь не редко, то давался часовый перерыв где-то между пятью и шестью часами, чтобы граждане представители могли подкрепиться на скорую руку и затем уже заседать до позднего вечера. Режим, надобно отметить, был прямо-таки каторжный, и Конвент работал на износ. Даже если и не назначалось вечернего заседания, то рабочий день депутатов всё равно не кончался, – они торопились на собрания в секции и народные общества или же отправлялись в политические салоны. Многие спали не более шести-семи часов в сутки, а члены больших Комитетов и того меньше.

В этот день у Дюперре обедали депутаты Бекер, Лоранс и Гюйомар, которые жили далеко от Конвента и не успевали во время перерыва съездить к себе; потом пришёл ещё и Менвель. Как и всегда рядом с отцом за столом сидели его дочери: справа старшая Аделаида, слева младшая Франсуаза. Кухарка уже ушла и поэтому хозяин сам подавал блюда на стол. Только приступили к трапезе, как позвонил консьерж и доложил, что явилась та женщина, которая приходила днём, и просит её принять.

– Это та, которая оставила тебе пакет из Кана, – проворковали девочки, выбежавшие вслед за отцом в прихожую. – Она нам очень понравилась.

– Чем же? – спросил отец.

– Она такая умная! У неё приятное выражение лица и благородные манеры. Мы думаем, что она из дворян.

– Из дворян? Вот как?! Любопытно... – Дюперре велел привратнику пригласить посетительницу и обернулся к дочерям. – А вы, непоседливые девчонки, немедленно возвращайтесь к столу и ухаживайте за гостями. Я скоро приду.

Ожидая визитёршу, Дюперре не преминул поглядеться в зеркало, стоявшее в прихожей: достаточно ли опрятно он выглядит, чтобы принимать благородных особ. Отёр салфеткой усы и бороду (среди депутатов Конвента он был едва ли не единственный бородач), поправил галстук, ещё немного подумал и надел длиннополый шлафрок⁵⁵, чтобы скрыть свою полноту. «Что-то я раздался в последнее время...» – отметил он про себя.

Вошедшая с первого взгляда показалась ему необыкновенной особой. Дело даже не в том, что она была настоящей, породистой нормандкой. Дюперре встречал нормандок и они не производили на него впечатления. Холодные, заторможенные, чопорные; казалось, суровые северные ветра застудили их сердца и притупили чувствительность. Но эта барышня... В её манере держаться, а *façon de parler*, во всех её движениях ощущалась деятельная решительная натура. В её речи, состоящей из коротких отрывочных фраз, было что-то весомое, внушающее уважение. Эти чувства уже испытали Петион и Барбару, а теперь настала очередь их более опытного и более искушённого коллеги.

– Вы гражданин Дюперре, с которым я имею честь говорить?

– Совершенно верно.

– Я – та, которая привезла вам пакет.

Депутат слегка повёл рукой, приглашая её пройти в столовую комнату, дверь куда была приоткрыта и откуда доносились взрослые и детские голоса, но Мария не двинулась с места.

– Мы можем поговорить тет-а-тет?

⁵⁵ Шлафрок – домашняя одежда типа халата.

Понимающе кивнув, он открыл дверь в небольшое боковое помещение, судя по обстановке, – рабочий кабинет. Там они расположились на мягких стульях возле мраморного камина.

– Чем могу служить? – осведомился хозяин.

– Вы прочли письмо Барбару? – спросила гостья в свою очередь. Дюперре протянул руку к камину, взял пакет и распечатал его. Во время чтения письма посетительница хранила молчание.

– Очень любопытно, – молвил депутат, помахивая бумагой. – Как я понимаю, вы состоите в дружеских отношениях с Барбару, и он вас весьма ценит.

– Я знакома со многими представителями, укрывшимися в Кане. – заметила Мария.

– Укрывшимися в Кане... В предыдущем письме Барбару сообщал, что в город съезжаются посланцы нескольких департаментов и что затевается нечто необыкновенное.

Гостья ответила так, словно была штабным офицером и зачитывала последнее донесение:

– В Кане учреждён Центральный комитет департаментов, которые не подчиняются Горе. Готовится армия для похода на Париж, во главе которой стоит генерал Вимпфен. Передовые части уже выступили из Эврё.

– Выступили из Эврё... Очень хорошо, – произнёс Дюперре с улыбкой, хотя он вовсе не был уверен, что это хорошие новости. – Как поживают мои коллеги-депутаты?

– Мне известно, что Барбару, Петион, Лесаж и ещё кто-то собирались идти вместе с армией. Сейчас они, должно быть, уже в походе.

– Уже в походе... – повторил хозяин ещё более неуверенно (у него была манера повторять последние слова собеседника, в чём многие видели особый приём, рассчитанный на то, чтобы потянуть время и обдумать свой ответ). – Стало быть, начинается большая заваруха...

Тут Дюперре придал своему лицу серьёзное выражение:

– Вы уже знаете о том, что Комитет общественного спасения предложил объявить ваших друзей вне закона? (Так, с «моих коллег» он плавно перешёл на «ваших друзей»).

– Нет, – сказала Мария. – Я не читала газет с тех пор, как покинула Кан.

После этого депутат взял с камина вчерашний номер «Национальной газеты», как назывался теперь «Монитор», и положил его перед гостьей:

– Вот: подчёркнутое мною место.

Это был конец доклада Сен-Жюста о бриссотинцах, сделанного в Конвенте 8 июля:

Комитет общественного спасения полагает, что во имя справедливости вам следует одобрить следующие положения:

1. Национальный Конвент объявляет изменниками Отечества Бюзо, Барбару, Горса, Ланжюине и всех тех, которые уклонились от выполнения декрета, принятого против них 2 июня сего года.

2. Есть основание выдвинуть обвинение против Жансонне, Гюаде, Верньо, Биротто, уличённых в сообщничестве с заговорщиками.

3. Национальный Конвент вернёт в своё лоно Бертрана и других арестованных, которые более обмануты, нежели виновны.

– Так-то вот, добрая гражданка, – поднял палец Дюперре, когда Мария пробежала глазами подчёркнутые строки. – Надеюсь, вы понимаете, что теперь имена Барбару и Петиона вам следует произносить только в узком кругу доверенных лиц, да и то шёпотом.

– И что же? – подняла она вопросительный взгляд. – По этому докладу уже принят декрет?

– Пока нет. Но скоро примут. Читайте дальше.

Далее следовала реплика Лежандра: «*Предлагаю отпечатать этот доклад в листовках и раздать каждому из членов Конвента*». Это предложение принимается».

– На самом деле было так, – пояснил Дюперре, лично присутствовавший в тот день в Собрании. – Сен-Жюст назвал имена Бюзо, Барбару, Горса и Ланжюине, потом запнулся и сказал: «и остальные». В зале поднялся ропот: что значит «остальные»? Сен-Жюст признался: «Я не знаю имён всех предателей, которые бежали из Парижа». Тогда кто-то из наших крикнул ему: «Пойди, справься у Марата». Хохот стоял неопиcуемый...

– Да, это смешно, – произнесла Мария бесстрастно. – Впрочем, я приехала сюда по другому делу.

Дюперре увидел, что гостя повернулась и смотрит на распечатанный пакет.

– По другому делу... Ах, вы об этом! Барбару пишет о каких-то бумагах, лежащих в министерстве внутренних дел.

– Верно, – кивнула Мария. – Это дело моей подруги, Александрины Форбен. Ныне эмигрантки.

– О чём, собственно говоря, идёт речь?

– О восстановлении отменённой пенсии. Для этого нужно получить её бумаги из министерства, отправленные туда полгода назад.

Дюперре вздохнул и откинулся на спинку стула:

– Бумаги из министерства... Боюсь, что это дело невозможно в той инстанции, о которой вы говорите. Наше министерство внутренних дел – невыносимо бюрократическое заведение. Вы будете ходить месяц, три, полгода, но ничего не добьётесь. Это при Ролане там ещё что-то шевелилось. Но как пришёл Гара, всё замерло точно в египетской гробнице. Вряд ли даже вас примут.

– Но они примут вас, – парировала Корде.

– Меня?

– Ну, да! Вы же депутат, представитель народа. Вас не посмеют не принять. Скажите, вы знакомы с министром? С этим, – как его? – с Гара?

Дюперре встрепнулся:

– Это Барбару вам сказал, что я с ним знаком?

– Он лишь заметил, что у вас обширные связи в правительстве.

– Обширные связи... Барбару явно преувеличивает. Но вы правы: с Гара я действительно знаком. Он даже как-то обедал у меня.

– Отлично! Не сочтите за труд сопровождать меня к нему на приём.

– Сопровождать? Когда? – опешил депутат.

– Завтра вы зайдёте за мной, и мы вместе отправимся к министру. Дюперре поднялся со стула и сделал несколько шагов по комнате. Он поймал себя на мысли, что ему трудно смотреть госте в глаза. От неё исходила какая-то необычайно сильная энергия. Эдакая нормандская Медея. От её напора он сбивался и терял нить разговора.

Только став сбоку от гостыи, он смог разглядеть её как следует. На вид самая обычная дамочка. Лет двадцать с небольшим. Тоненький звонкий голосок, почти как у его старшей дочери Аделаиды. От чего же он стушевался? Ведь он вдвое старше её!

– Да, вместе идти, конечно, приятнее, – молвил депутат, делая лёгкий поклон. – Но, простите, я не знаю, где вы остановились.

– В гостинице «Провиданс». Вот, возьмите.

Мария протянула гостиничный проспект, который она получила в бюро дилижансов.

– А как вас зовут?

На это она вынула из сумочки карандаш и написала на проспекте одно слово: «Корде».

Пока Дюперре читал её фамилию и отпечатанный адрес гостиницы, Мария уже стояла у двери. Беседа длилась всего шесть минут. Оторванный от обеда хозяин квартиры, понятно, не собирался особенно разглагольствовать с нежданной визитёршей. Но чтобы разговор оказался

настолько короток!.. Озадаченный и сбитый с толку, он неуверенно двинулся следом за гостьей в прихожую, затем на лестничную площадку и только там успел промолвить:

– Хорошо, я зайду за вами завтра утром. Часов в девять.

Мария обернулась:

– А правда, что отменили праздник Федерации?

– Вы о четырнадцатом июля? Хм... Можно сказать и так: отменили. Официально же его перенесли на десятое августа, на годовщину взятия дворца Тюильри. И называться он будет праздником Единства и неделимости Республики. Они надеются, что к тому времени с федералистами будет покончено...

Гостья быстро спускалась по лестнице.

– До свидания: я буду вас ждать, – были её последние слова.

Вернувшись к столу, к обедающим приятелям, Дюперре занял своё место, но не спешил возобновлять трапезу, задумчиво постукивая вилкой по тарелке.

– Дружище Клод, после randevu с приезжей особой ты обрёл вполне заговорщический вид, – заметил депутат Гюйомар.

– С молодой дворянкой, – уточнил Менвьель, многозначительно подмигивая сотрапезникам.

– Надо было пригласить благородную даму к нашему столу, – добавил почтенный депутат Лоранс. – Мы бы потеснились и устроили место для ещё одной персоны.

Дюперре бросил укоризненный взгляд на своих чересчур говорливых дочерей, не умеющих хранить секреты, и натужно улыбнулся:

– Забавная интрига, друзья мои! Гюйомар прав: я начинаю чувствовать себя заговорщиком. Да-да... Вот кем я ещё не был в этой жизни.

Впрочем, дальше распространяться на эту тему он не стал, как сотрапезники не старались выведать у него подробности. Каждый из гостей составил своё мнение. Красавец Менвьель вообразил амурную историю; Лоранс и Гюйомар склонялись к тому, что здесь замешана политика; и только депутат Бекер, не проронивший ни слова, обратил внимание, что таинственная дворяночка прибыла из Кана – из центра федералистского мятежа.

Из защитной речи Лоз-Дюперре в Конвенте 14 июля

...Когда она ушла, я сказал себе: забавное приключение! Эта женщина поселила во мне дух интригана. Из-за той манеры, с которой она держалась со мной, она показалась мне необыкновенной. В её взоре, в её походке, в осанке я заметил несколько вещей, показавшихся мне необычайными.

Гостиница «Провиданс». 7 часов вечера

Корде уже неплохо ориентировалась в этой части города. Дорогу от квартиры Дюперре до гостиницы «Провиданс» скорым шагом она могла бы одолеть за пятнадцать минут, но двигаться быстро мешало палящее над головою солнце и раскалённый душный воздух на улицах. Впрочем, на сей раз, возвращаясь в гостиницу, наша героиня позаботилась о своём ужине и купила полфунта копченого байонского окорока и банку маринованных корнишонов в лавке Тустена на пересечении улиц Вье-Огюстен и Кокийер, на том самом углу, где незадолго до этого, следуя «Парижским ночам», патруль стрелял в Ретифа де-ла-Бретонна, когда он не остановился на окрик «Стой!»

Писатель прогуливался по ночному Парижу, как это делал всегда, как и десять лет назад, когда он только начинал писать свой знаменитый роман, – он вновь бродил в поисках свежих впечатлений, совершенно забыв, что на дворе не старый прогнивший режим, а новая эпоха, когда вместо забавных приключений можно запросто получить выстрел в затылок. Особенно если идёшь после десяти часов вечера и не останавливаешься на окрик патруля.

Впрочем, и в прежние времена кварталы вокруг площади Побед не отличались спокойствием. По уверению Себастьяна Мерсье, на самой площади среди бела дня грабили прохожих и проклятое место это у парижан называлось *le quartier Vuide Gousset* – «квартал, очищающий карманы»⁵⁶. Революция отняла у местных грабителей настоящего «клиента» (прохожие сделались не богаче их), и мало-помалу они подались на окружные бульвары, где всё ещё попадались состоятельные люди. Теперь разбойников не было, и тишина кварталов нарушалась только по ночам стрельбой патрулей и погоней за подозрительными личностями. Впрочем, нашей героини это не касалось, ибо она возвращалась в «детское время».

Вечером гостиница была необычайно оживлена. Возвращались, закончив дневные хлопоты, постояльцы; в вестибюле их встречали продавцы прохладительных напитков, которые являлись сюда именно к этому часу. Вдобавок к прежним покупкам Корде приобрела бутылку оранжада и парочку бриошей: всё, что нужно для уединённой трапезы.

Недаром всё-таки мадам Бретвиль окрестила её домашней затворницей. Мария сторонилась большого общества; обедать в присутствии посторонних лиц было ей неловко, – кусок застревал в горле. С великим трудом удавалось усадить её в гостях за общий стол. Единственной сотрапезницей, которой она не стеснялась, была хозяйка Большой Обители, и только потому, что Мария привыкла делить с ней трапезу. С любым другим человеком, оказавшимся с ней за одним столом, она становилась скованной. Поэтому она предпочитала обедать одна. Ещё в пансионе юная Корде избегала общей столовой и в укромном месте жевала какие-то сухие корки. За эти и другие странности подруги-пансионерки прозвали её Диогеном в юбке.

Ну да ладно, с ужином покончено. Время подумать о дорожном платье и белье, которое за двое суток пути настолько пропотело и запыхтелось, что вновь надеть его можно было лишь после очень хорошей чистки. Мария быстренько приготовила узел с грязным бельём и подёрнула за шнур, висевший у двери. По её расчётам портье или гарсон, услышав звонок, должны были явиться с минуты на минуту. Однако прошло десять минут, и пятнадцать, но никто не приходил по вызову. Что это значит? Звонок не работает? Отчего же висят эти бесполезные шнуры? Как лишняя деталь интерьера? Хороши же эти «меблированные апартаменты по различной цене»!

Что ж, придётся ей самой отнести приготовленный узел. Поглядев на себя в зеркало и поправив чепец, Мария вышла из номера и отправилась на нижний этаж. Она даже не стала

⁵⁶ По другим данным, такое название носила часть улицы Репосуар, выходящей на площадь Побед, опять же, из-за частого грабежа и разбоя.

гасить лампу и закрывать комнату на ключ, думая, что вернётся через какую-нибудь минуту-другую. Долго ли сдать бельё в стирку?

Пока наша героиня шла по коридору и спускалась по лестнице, ей встретила добрая дюжина постояльцев, идущих навстречу. Сначала прошествовала пожилая дама, ведущая на поводке крохотную собачку. «Добрый вечер. Как ваши дела?» – одарила она Марию ласковым взглядом. «Благодарю вас, всё хорошо», – отвечала Корде в некотором смущении. Немного дальше наша героиня поравнялась с двумя хмельными студентами, возвращающимися из какой-то ресторации. При виде неё они нарочно загородили собою коридор, так что ей пришлось прижаться к стене, чтобы миновать их. На лестнице кряхтел, поднимаясь по ступеням, древний старичок в дореволюционном камзоле и огромном накрахмаленном парике, – он вынул из кармана лорнет и внимательно разглядел встреченную. Мария прибавила шаг и при входе в вестибюль столкнулась с целой группой мужчин и женщин, о чём-то оживлённо беседующих. Ей вновь пришлось протискиваться меж сюртуков и блузок, причём каждый из этой компании освобождал ей дорогу не раньше, как рассмотрев с головы до ног, в том числе и узел, который она несла перед собою. Словом, в прихожую Корде выбралась уже достаточно наэлектризованной.

Луи Брюно сидел, закинув ногу на ногу, на мягком диванчике, поглощённый какой-то газетой.

– Скажите, – обратилась к нему Мария, – кому я могу отдать в чистку моё платье и бельё?

Портё перевёл взгляд на внезапно возникший перед ним узел, поверх которого светилось озабоченное лицо новой постоялицы.

– А, это вы, из седьмого номера... Хотите отдать бельё в стирку?

– Именно так, – кивнула она.

– Приходите завтра в десять часов утра. В это время к нам обычно навещается прачка и собирает заказы.

– В десять утра? Но в это время меня уже не будет; я уйду по делам.

– В таком случае обратитесь к гарсону: пусть он позаботится, чтобы ваше бельё попало по назначению. – Брюно показал в глубину коридора нижнего этажа: – Его комната перед ванной.

И вновь погрузился в чтение.

В тёмном служебном коридоре Мария столкнулась ещё с двумя незнакомцами, на ходу утирающими полотенцами мокрые головы: по-видимому, они только что мылись в ванной. Комната рядом и впрямь принадлежала славному малому Франсуа, о чём свидетельствовала соответствующая табличка на двери: «Мсье Фейяр, старший гарсон». Дверь была приоткрыта и изнутри пробивался свет керосиновой лампы. Однако ни на стук, ни на голос гарсон не отзывался. Мария подумала, что он вышел куда-то совсем на короткое время, и стала прохаживаться взад и вперёд по коридору, ожидая его возвращения. Однако прошло минут десять, но Фейяр не появлялся. В то же время через приоткрытую дверь слышалось какое-то движение в комнате, и наконец Корде явственно различила звон стеклянной посуды. Это было в высшей степени странно. Она ещё раз постучала в дверь и громко позвала гарсона; результат тот же самый. Только теперь, употребив все возможные средства, она решилась открыть дверь комнаты и посмотреть, что там происходит.

Экс-гвардеец из Шательро был мертвецки пьян. Он сидел на полу, широко раскинув ноги, уронив голову на грудь, и не опрокидывался навзничь только потому, что прислонился спиной к упавшему на бок стулу. Рядом валялась стянутая со стола скатерть с остатками пищи, а немного поодаль – откатившаяся пустая бутылка из-под портера. Не привыкшая к подобному зрелищу, Мария поначалу вообразила, что человеку сделалось плохо, и от этого он оказался на полу. Всё ещё не расставаясь со своим узлом, она подбежала к упавшему, который на все её расспросы и предложения помочь подняться тупо мотал головою и бубнил что-то нечленораздельное. Только теперь гостья ощутила исходящие от него винные пары.

Всё же она не могла оставить живого человека полулежащим на голом полу, пусть даже он горький пьяница. Не таково было её воспитание. Отложив свой узел, она подхватила гарсона под мышки и после нескольких сильных рывков сумела-таки поставить его на ноги. Теперь оставалось лишь довести незадачливого бражника до его постели... Право, за этой сценой стоило понаблюдать со стороны! Приезжая нормандская барышня волочит едва ли не на себе грузного увальня, которого видит второй раз в жизни, и который, уронив голову на её плечо, бурчит что-то по-медвежьему попеременно с иканием и отрыгиванием. Дальнейшее было не менее занимательно. Как только Мария посадила его на кровать, Фейяр вдруг обрёл человеческую речь, и, несмотря на то, что ослотившиеся глаза его по-прежнему взирали куда-то поверх себя, расплылся в широкой улыбке:

– А-а, матушка моя... Ты всё-таки вспомнила о добром миле Франсуа и бросила своего плешивого ух... ухажёра. И правильно: зачем тебе этот старикашка? Иди ко мне, ми... милая.

С этими словами гарсон обхватил руками голову Марии, быстро приблизил к себе и запечатлел на её устах смачный поцелуй, слышный, наверное, и в коридоре. Корде с возмущением оттолкнула от себя редкостного наглеца, который мешком упал на постель и тут же заснул.

– Это не гостиница, а какой-то вертеп! – воскликнула гостья, вскакивая с кровати и отирая губы.

Она пожалела о том, что вошла в эту комнату и протянула руку помощи тому, кто этого вовсе не заслуживал и, наверное, даже, не очень-то в этом нуждался. Громким хлопком двери за собою Корде дала понять, что считает происшедшее пошлой выходкой, недостойной воспитанного человека. Посапывающий на кровати гарсон не повёл даже бровью. Таков был первый парижский поцелуй нашей героини (она надеялась, что и последний), который возмутил её до глубины души и бросил в краску стыда, несмотря на то, что предназначался он, по-видимому, вовсе не ей.

– Ваш гарсон напился до чёртиков в глазах, – заявила она портье Брюно, сидящему в прихожей и продолжающему как ни в чём не бывало почитывать газеты. – Он не узнает даже родной матери, если она к нему войдёт.

– Напился? Опять?! – сокрушённо покачал головою Брюно. – Ох, Франсуа, Франсуа... Ох-ох!.. Спасибо, что сказали. Сейчас я им займусь.

– Постойте-ка! – окликнула Мария портье, рванувшегося было в комнату своего сослуживца. – А как же с моим узлом?

– С каким узлом?

– С бельём, которое я принесла для чистки. Или вы уже забыли?

– Нет, не забыл, – попытался оправдаться привратник. – Дело в том, что прачка приходит в десять часов ут...

– Это я уже слышала. Довольно! – глаза постоялицы высекли гневную искру. – Говорите, где находятся апартаменты хозяйки гостиницы. Я сдам бельё ей.

Брюно озадаченно почесал за ухом:

– Видите ли, гражданка, это будет не совсем удобно. Дело в том, что матушка Гролье сейчас занята.

– Что, она тоже лежит в беспамятстве?

– Нет, у неё гости: приятельница Жюли с супругом и ещё присяжный заседатель Каррэ. Матушку сейчас никак нельзя отвлекать.

– Но, поскольку мне ничем не могут помочь её подчинённые, придётся побеспокоиться ей самой, – резонно заметила Мария. – Уже полчаса я брожу по комнатам с узлом в руках, с бельём, предназначенным для стирки, но никто не шевелит даже пальцем. Живо показывайте, где проживает ваша хозяйка!

Требовательный голос приезжей возымел своё действие, и портье не оставалось ничего иного, как показать ей дорогу в апартаменты матушки Гролье, которые хотя и находились в

том же здании, но имели отдельный вход. В прихожей, рядом с диванчиком, на котором сидел Луи Брюно, за плотно задёрнутой портьерой открывалась небольшая дверца, войдя в которую, попадали на маленькую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Прodelав этот путь, Мария оказалась на плохо освещённой площадке перед резной дубовой дверью, по одной массивности которой можно было судить, что за нею располагается целая квартира.

Наша героиня долго дёргала за шнур звонка, но это не принесло успеха, и только когда она прибегла к стуку, дверь наконец отворилась, и из покоев выглянула недоумевающая хозяйка.

– Это вы стучите? Что вам нужно?

– Я Корде из седьмого номера. Принесла вещи в стирку.

На Луизе было дорогое вечернее платье с кружевами, за спиной у неё горел яркий свет, доносились голоса и звучали клавикорды.

– Какие вещи? Какая стирка? Видите ли, гражданка: я сейчас очень занята. Обратитесь к гарсону или к портье.

– Я была и у того, и у другого, но толку никакого. Теперь я пришла к вам, гражданка, тем более, что вы сами говорили мне, что я могу обращаться к вам запросто и без церемоний.

– Послушайте, дорогая моя... – торопливо произнесла Луиза, стараясь придать своему голосу как можно приятный тембр. – Всё дело в том, что в нашей гостинице нет прачечной. Постояльцы сдают бельё и одежду в гостиницу «Тулуз», из которой каждый день в десять часов утра сюда приходит прачка и собирает заказы.

– Об этой прачке я прекрасно наслышана. Но завтра утром я уйду по делам и в десять часов меня уже не будет.

– Ах, боже мой, какие все это пустяки! – отмахнулась хозяйка, начавшая уже терять самообладание. – Оставьте ваше бельё где-нибудь...

– Где-нибудь? Прекрасно! Я оставлю свой узел у вашей двери. Надеюсь, утром вы не забудете передать его прачке.

Лицо Луизы исказила внезапная гримаса. Она почти вырвала ношу из рук постоялицы и с силой захлопнула перед нею дверь. Мария провернулась и пошла в свою комнату.

Приближалась ночь. В половине десятого вечера наша героиня стала потихоньку готовиться ко сну. Предвечерний отдых ничуть не изменил её обычный режим. Сняв капот, она повесила его в платяном шкафу, надела просторную белую рубаху, ночной чепец, завела часы и положила их под подушку. В гостинице ещё раздавались голоса, кто-то проходил по коридору, хлопали двери, но её уже пробирала зевота. Без пяти десять масляная лампа была потушена, и Корде лежала в постели, накрывшись одеялом.

Так прошёл её первый день в Париже. Не взирая на кое-какие неприятности, в целом этот день можно считать успешным. Правда, начался он с неожиданности: она выяснила, что праздник Федерации отменён, что всему городу известно о федералистском мятеже, и можно подозревать, что Гора усилила охрану столицы. Однако в дальнейшем всё складывалось удачно. Ей удалось увидеться с Дюперре и свести с ним знакомство. Это отнюдь не мало, учитывая его обширные связи и хорошую осведомлённость о происходящем в столице. Разумеется, она не собиралась открываться ни Дюперре, ни кому-то иному, поскольку не рассчитывала на чьё-либо содействие. Но она надеялась, по крайней мере, что получит важную информацию, необходимую в её деле. Знакомство с депутатом обещало быть весьма полезным.

Безусловно, известие об отмене праздника Федерации нарушило её первоначальный план. Она полагала, что до 14 июля у неё имеются три дня неспешной подготовки. Теперь эта дата и все расчёты, связанные с ней, потеряли значение. Но разве это что-то меняет по существу? Разве вождя санкюлотов можно найти только на многолюдных торжествах? В Конvente, например, добраться до него будет много проще, чем в праздничной толчее, благо заседания происходят, как она выяснила, ежедневно. Тем самым её задача не усложняется, а напротив,

упрощается. Теперь, во всяком случае, Мария не должна привязывать свой план к одному дню, к одному конкретному событию. Не события должны определять её поведение, а она сама должна определять события.

Спрашивается, однако: что же мешало ей так думать с самого начала? Ответ прост: неопытность. Плюс наивное стремление к эффекту. Ей казалось, что праздник Федерации в Париже – это лучшее время и место для совершения её подвига. Мысли о предстоящих торжествах на Марсовом поле, где должны собраться парижане и вся Гора со своими предводителями, эти мысли настолько сковали её воображение, что она вовсе не задумывалась о других возможных вариантах. Теперь она понимала, насколько была наивна. И хорошо, что дилетантский план её провалился в первый же час по приезде в столицу! Корде ещё не успела пережить его провал, как уже получила новое направление поиска. И направление это, несомненно, куда более реалистичнее первого. Конвент, – вот чем отныне ей предстоит заниматься!

Впрочем, Конвент никуда не денется. Она должна явиться туда хорошо осведомлённой и прекрасно подготовленной. Нужно всё как следует разведать. Излишняя торопливость тоже вредна. Пусть завтрашний день будет посвящён делу Александрины Форбен.

12 июля, пятница

В Париж едут искать счастья. В Париж приезжают, чтобы покорить его. Всех принимает блестящая столица мира: поэтов и генералов, крестьян и эмигрантов, финансистов и мошенников, и воздаст каждому так, как ей, столице, заблагорассудится, по её монаршей прихоти. «В Париже потребны люди всякого состояния, и все находят там место, – читаем в одной книжке, изданной в 1789 году. – Одни на всех парусах, другие греблей и баграми снискивают себе пропитание. Впрочем, по какой причине Париж должен иметь больше преимущества, нежели весь мир?»

Париж легковерен и непостоянен как красotka кабаре. Его покоритель может ожидать всего, чего угодно, даже больше того, на что он надеялся. Всё будет дано ему, чтобы быть отнятым в один миг. С одним и тем же человеком Париж может обойтись полярным образом. Сначала он не замечает его долгие годы, несмотря на всё его усердие и труд, потом вдруг в считанные дни превозносит его до небес, торжественно устанавливает его прах в Пантеоне, а ещё через некоторое время брезгливо выбрасывает его из Пантеона в сточную канаву. Париж – ветреный повеса, и поэтому ему никогда не разобраться, кто у него герой, а кто отпетый мерзавец. Одно лишь он знает точно: чтобы соискатель мог на что-либо рассчитывать, он должен обожать Париж, должен ему поклоняться, должен исполнять все его прихоти и быть уверенным, что другого такого города нет и не будет, как нет и не будет более достойного, более высокого поприща. «Париж – это вселенная в миниатюре» – с удовольствием писал Себастьян Мерсье накануне Революции.

Ничего подобного наша героиня не думала. Ничуть не походила она на нагрянувшую в столицу крестьянскую амазонку Тербуан де-Мерикур, «красавицу-трибуна, потрясающую народные массы», слишком неуравновешенную, чтобы в конце концов не угодить в сумасшедший дом; Тербуан был нужен Париж, она искала в нём счастья и даже открыла салон, куда ходили Мирабо и Дантон, и сильные мира сего. Ничего не было в Корде от ослепительной красоти Валю де-Ламот, наглой авантюристки, очаровавшей Париж и качавшей деньги, пока палач не заклеил её как воровку; Валуа нужен был Париж, его блеск и его удовольствия. Мало общего было у Корде и с честолюбивой вдовой Олимпией де-Гуж, оставившей свой родной Монтобан, чтобы прославиться в Париже, где только она и могла прославиться. Сначала Олимпии была нужна Комеди-Франсез, где её наивно-претенциозные пьесы встречали насмешки репертуарного комитета, затем ей были нужны двор, министры, Ассамблея и Якобинский клуб, которым она направляла свои утопические проекты по всевозможным предметам.

Марии Корде Париж как таковой был не нужен и никакого пиетета она перед ним не испытывала. И хотя некоторые бойкие её подруги давно уже советовали ей явить себя в столице, она не внимала их призыву до тех самых пор, пока у неё не появилась идея, осуществить которую можно было только в Париже. Для нашей героини Париж был всего лишь населённым пунктом и даже чересчур населённым, слишком многолюдным лагерем, в котором ей требовалось отыскать лишь одного человека. Гораздо понятнее звучало для неё другое высказывание Себастьяна Мерсье: «Париж представляет собою пучину, в которой исчезает человеческий род...»

Если бы Париж был величиною с Кан или хотя бы с Орлеан, ей было бы легче. Впрочем, о лёгкости или трудности своего предприятия она не задумывалась. Если так нужно для её дела, она поехала бы и в Вену, и в Константинополь. Если бы резиденцию Конвента перевели из Парижа в Блуа, как советовал Ролан в сентябре 92-го года, или в Бурж, как предлагал Гюаде в мае 93-го, Корде направилась бы в Блуа или Бурж, не ощущая большой разницы, тем более что расстояние было примерно одинаковым. И то, что она, тем не менее, оказалась в Париже, в

необъятном и, несмотря ни на что, блестящем городе, было, в сущности, случайностью, результатом сложившихся обстоятельств.

Из путеводителя по Парижу Ж. Дюлора (1824 г.)

В нескольких трудах о Париже пытаются предостеречь иностранцев от целой серии неожиданностей и неприятностей, которые, кажется, должны были заставить опасаться пребывания в столице. Эти неприятности чрезвычайно преувеличены и часто воображаемы. В Париже надлежит соблюдать полезную предосторожность, так же как во всех городах с большим населением; и после соблюдения всех требований полиции здесь находят весьма любезное гостеприимство.

Гостиница «Провиданс». 6 часов утра

Как и все провинциалы Мария Корде вставала очень рано. В шесть часов утра она была уже на ногах, совершила первый туалет и отправилась вниз записываться в очередь в ванную комнату. На её дверях не было никакого листка, а сама она оказалась закрытой. Мария вернулась к себе и вторично спустилась в семь часов. На нижнем этаже всё оставалось без перемен. Только в половине восьмого в прихожей появился только что вставший ото сна и громко зевающий портье. С трудом сообразив, чего хочет неугомонная постоялица, Брюно зашёл за конторку, снял с гвоздя ключ от ванной комнаты и вручил его Марии, говоря: «Когда помоешься, не закрывайте дверь, но ключ верните на место». – «А как же очередь?» – осведомилась она. «Очереди ещё нет. Вы первая», – последовал ответ.

Прежде чем мы последуем за нашей героиней в ванную комнату, воздадим должное гостинице «Провиданс» за то, что она вообще имела таковую. Далеко не все гостиницы и постоялые дворы могли похвастаться наличием подобных удобств. Не только в глухой провинции, но и в блистательной «столице мира» большинство жилых домов всё ещё было лишено ванн или просто душевых. Только очень состоятельные хозяева позволяли себе такую роскошь. Все остальные ходили в общественные бани. Люди с достатком посещали ароматические ванны Альбера на набережной Орсе или Китайские бани на Итальянском бульваре. Масса горожан, как встарь, продолжала пользоваться купальнями, расположенными по берегам Сены, то есть попросту окуналась в реку в специально огороженных местах; мужчины – отдельно, женщины – отдельно. В Париже насчитывалось до тридцати таких заведений, среди которых наиболее популярными были бани Пулена на набережной Музея, бани Дюгамеля на набережной Конти и бани Даниеля у Дома Республики (бывшего дворца Бурбонов). Тот, кто не желал выкладывать денежки за «правильную помывку», мылся где придётся. В своё время генеральный прокурор столичного парламента Жоли де-Флери был скандализирован видом «большого количества простолюдинов, которые купаются голыми в Сене на виду у всех, и даже главным образом на глазах у другого пола...»

Ванная комната, куда вошла наша героиня, представляла собой узкое продолговатое помещение с маленьким оконцем, выходящим во внутренний двор гостиницы. Пол был выложен плиткой из обожжённой глины, имел небольшой уклон в противоположную от входа сторону и отверстие, куда стекала вода. Слева от двери стояла чугунная печь, которую топили дровами и углём. Раскаляясь, она разогревала установленный над нею бак с водой, из которого на высоте человеческого роста отходила труба, заканчивающаяся краном с ручкой. Никакой ванны не было; моющиеся стояли как в душевой или сидели на деревянной лавке. Рядом стояло корыто, где остужали слишком горячую воду, а на стене на крючках висело несколько черпаков с длинными ручками.

Печку, разумеется, ещё не топили; Корде потрогала рукою бак с водой и нашла его вполне холодным. Ей пришлось самой очищать печь от остывшей золы, разжигать огонь и подкладывать уголь. В комнате было сыро, на полу валялись кусочки мыла и ворсинки от мочалок. Мария едва не поскользнулась и не шлёпнулась на пол. После этого она сняла чепец и капот, повесила их на гвоздь, освободилась от своих скользких тапочек и осталась на босую ногу.

Печь разогревалась медленно и ужасно дымила. Наконец из крана потекла тёплая вода. Наша героиня окончательно разделась, взяла в руки мыло и села на лавку. В этот момент жестяная труба чихнула, заурчала, и вода перестала течь. Вначале купальнице показалось, что бак опустел, но встав на табурет и открыв крышку, она увидела, что там ещё достаточно воды. Почему же она не течёт? Конечно, следовало бы обратиться к служащим гостиницы, но Мария не могла выйти из ванной комнаты, потому что уже успела ополоснуться и даже слегка намы-

лилась. Ситуация ещё более неудобная и нелепая, нежели вчерашнее происшествие в комнате гарсона. Следовало найти какой-то выход из этой конфузии.

Сначала постоялица попыталась черпать воду через верхнюю крышку бака, но узость отверстия и длинные ручки черпаков не позволяли этого сделать. Тогда она взяла топор, которым кололи дрова, и двумя решительными ударами отсекла трубу от бака у её основания. Оказалось, в бак кто-то уронил тряпку, и она забила собою отверстие. Как только тряпка была вынута, вода хлынула из бака широкой струёй. Мария успела подставить корыто, которое мгновенно наполнилось, а вся оставшаяся вода вылилась на пол. Такое радикальное решение проблемы позволило нашей героине завершить свои процедуры. Правда, следующий купальщик оказывался перед двойной трудностью: в баке не оставалось больше воды (но это ещё полбеды; воду можно было принести и налить) и у него не имелось крана. Но почему Мария должна заботиться о других больше, чем они о ней, и почему в помещении, называемом ванной, и пользование которым входит в стоимость проживания в гостинице, она должна терпеть такие неудобства и такое унижение, оказываясь в течение нескольких минут совершенно голой и беспомощной?

Когда Корде оделась и вышла из ванной, гостиница уже вполне ожила. Где-то звенел колокольчик, слышались шаги и раздавались голоса. На внешней стороне двери ванной комнаты уже висел листок, приколотый булавкой, на котором в столбик писались фамилии желающих помыться.

У дверей седьмого номера ей встретила супруга Бензе.

– Добрый день, соседка! Как вам спалось?

– Всё в порядке, – молвила Мария сквозь зубы, торопясь отпереть свою комнату.

– А мы, знаете, провели эту ночь ужасно. Муж ворочался на постели и от духоты не мог заснуть. Наш сорванец всё время хныкал, вскакивал и просился в уборную. В результате у меня разболелась голова. Ужасная ночь... Мы завтракаем у себя в номере. Вы уже позавтракали?

– Нет, мне некогда. Я жду гостя.

Мария зашла к себе и закрыла дверь на ключ. Часы показывали без четверти девять. Было ещё время немного прибрать комнату и приготовить её для встречи Дюперре. Вот удивится этот важный господин, когда увидит её посреди такого убожества!

Из защитной речи Лоз-Дюперре в Конвенте 14 июля

На следующий день я пришёл и обратился к портье. Она меня ждала. Четверть часа мы развлекались беседой по поводу текущих дел. Я сказал ей: «Прежде чем идти к министру, будьте любезны, расскажите мне о вашем деле». Она мне ответила, что это дело не является её личным делом, но она заботится о девице Форбен, с которой много лет провела вместе в монастыре, которая отправилась в Швейцарию, и которая претендует на пенсию, какую она уже давно ожидает от министра.

Гостиница «Провиданс». 9 часов утра

Прежде чем войти, Дюперре постучал в дверь. Он ничуть не удивился, встретив столь нереспектабельную обстановку. Маленькая комнатка в плохонькой гостинице была воспринята им как своего рода походная суровость, вполне подходящая духу приезжей, предки которой были воинственными нормандцами. Мария не могла предложить гостю ни кофе, ни прохладительного напитка; однако пригласила его присесть. Она уже была вполне одета и готова к выходу, и это приглашение прозвучало как чистая формальность, дать гостеприимству. Тем не менее Дюперре сел и завёл речь о предстоящем деле. По его словам, он уже размыслил над ним и находит, что шансы на успех невелики. Если гражданка Форбен лишилась пенсии по закону об эмигрантах от 9 ноября 1791 года, то восстановить её будет очень и очень трудно. Но даже если её и восстановят, то кто её станет получать? Сама Форбен, остающаяся за границей? Кто же будет возить туда деньги, и как всё это будет выглядеть? «Как помощь соотечественнице, терпящей нужду, – сказала Мария. – Разве это может выглядеть как-то иначе?» Дюперре рассмехался и перевёл разговор на общие темы.

– Как вы нашли Париж? Не слишком ли он изменился?

– Мне трудно судить, – молвила Корде. – Я здесь раньше никогда не бывала.

– Никогда не бывали? – развеселился депутат. – Вы впервые в Париже?! Что же вы не сказали мне об этом ещё вчера? Это многое меняет. В таком случае вы обратились по адресу. Без меня вы рискуете потеряться в этом безбрежном море. Ведь Париж – это море. Боле того: океан. Я стану вашим провожатым.

– Буду очень признательна вам, – отвечала она с улыбкой.

Эта её улыбка, бесхитростная и доверительная, подействовала на него ободряюще. Он увидел перед собой хорошенькую провинциальную барышню, правда, с характером, но всё же достаточно неискушённую.

– Что же мы сидим? – спохватился он. – Пойдёмте скорее; ведь солнце уже высоко, и сейчас самое время рассмотреть этот город вблизи.

Выводя Марию из гостиницы, Дюперре проявил всю свою галантность, что тотчас же бросилось в глаза встречным постояльцам. Они таращили глаза на грациозную пару и расступались, освобождая дорогу. Гарсон Фейяр, поднимавшийся по лестнице с подносом в руках, так загляделся, что запнулся на ступеньках и едва удержался на ногах.

Дюперре был одет в тёмно-жёлтый фрак с золочёной вышивкой, из под которого выглядывали белый жилет с поджилетником; на голове его красовалась английская шляпа с широкими загнутыми краями; правой рукой он поддерживал даму, а левой опирался на длинную трость с изящным серебряным набалдашником. Депутатского значка⁵⁷ он не носил, и вообще избегал всевозможных трёхцветных эмблем, которыми обильно украшались революционеры и радикалы. Только на отвороте фрака у него имелась предписанная законом кокарда⁵⁸, но такая малюсенькая, что казалась не кокардой, а лишней пуговицей.

При виде изысканно одетого господина Луи Брюно поспешно бросился открывать входную дверь. Стоявшая за конторкой матушка Гролье, которую четверть часа назад Дюперре спрашивал, в каком номере проживает гражданка Корде из Кана, вновь расплылась в лучезарной улыбке. Мария сдала ей ключ от комнаты, также улыбаясь и стараясь не вспоминать вче-

⁵⁷ Отличительный знак членов Конвента – медаль с профильным изображением сидящей женщины с непокрытой головой, держащей в правой руке фасции, а в левой – фригийский колпак.

⁵⁸ Декрет об обязательном ношении мужчинами национальной кокарды был принят ещё Законодательным собранием 8 июля 1792 г.

рашнюю неприятную сцену с узлом белья. «Гулять пойти изволите? – заискивающе спросила хозяйка. – В добрый час!» – «Нет, – ответила постоялица. – Мы идём по делу».

Из гостиницы парочка вышла под руку, как кавалер с дамой прогуливались по бульвару в прежние времена – а l'ancien régime, когда ещё правил король и дамам полагалось целовать ручку. Потом, в грохоте великих свершений всё это стало непатриотично и даже как-то неприлично.

«Давайте пройдемся до министерства пешком, – предложил Дюперре. – Вы не пожалеете, потому что по пути нас ожидают несколько замечательных памятников». – «Если вы имеете в виду Пале-Рояль или площадь Равенства, то я уже проходила их вчера», – заметила Мария. «Считайте, что вы их не видели, – улыбнулся бывший виконт. – Чтобы действительно увидеть Париж, требуется знаток-проводной. Впрочем, сейчас наш путь лежит в другую сторону, по улице Нёв-де-Пети-Шам».

Для начала добровольный гид сообщил, что город Кан со всеми предместьями составляет только ничтожную часть такого великана, как Париж. Чтобы пройти Париж из конца в конец, надобно потратить целый день, а то и больше; даже верхом на коне галопом через него надо скакать два часа. Народу живёт в Париже столько же, сколько во всём Кальвадосе в придачу с департаментом Эр. Дворцов в нём такое множество, что один только их перечень утомит самого выносливого чтеца. Прекрасные сооружения встречаются на каждом шагу. Но это не хаотическое нагромождение памятников, как в иных городах, а гармоничный архитектурный ансамбль.

Париж можно изучать годами. Но считайте, что вы вовсе не были в нём, если не прогулялись по набережным Сены, не прокатились в лодке от острова Сен-Луи до пристани Каменщиков, не посидели в тени каштанов на бульваре Капуцинов и не испили чудесной воды Гренельского фонтана. И уже в обязательном порядке (иначе просто свинство) следует посетить величественный Нотр-Дам на острове Сите, а также Пантеон и Дом Инвалидов – самые высокие здания в Париже, пройти по Елисейским полям, заглянуть в картинную галерею Лувра (сейчас там, кажется, выставка Фрагонара), сходить в Оперу и хотя бы пару раз побывать в театре.

– А здесь ещё дают представления? – прервала Мария пространный экскурс своего гида.

– О, и ещё какие! – воскликнул Дюперре. – Билеты нарасхват! Возможно, направляясь сюда, вы полагали, что в Париже царит полная анархия, люди прячутся по подвалам, а по улицам бродят дикие звери. Как видите, ничего подобного. Всё идёт своим чередом: газеты печатаются, выставки открыты, библиотеки посещаются, в театрах рукоплещут, а в церквях служат мессу. Впрочем, Гора наводит свой порядок повсюду. С девятнадцатого июня все наши театры обязаны раз в неделю ставить патриотические трагедии «Брут», «Гай Гракх» или «Осада Тионвиля». Комедия также не забыта. В Варьете с успехом идёт хлесткая пьеса «Бюзо, король Кальвадоса». По слухам, в театре на улице Фавар готовится реприза на вашего канского друга. Хотите, сходим на премьеру? Очень любопытно, кто будет в роли Барбару. Быть может, мы и меня увидим на сцене. В самом деле: ведь я не последний человек в этой шайке.

– Вы расхваливаете мне столицу, – молвила Мария, заглядывая в глаза своему спутнику, – но в ваших словах чувствуется горькая ирония. На самом деле вы не любите Париж.

– На самом деле я люблю Париж! – мягко возразил Дюперре. – Да и как мне его не любить, если добрая половина моей жизни прошла в этом городе? Посудите сами. С семнадцати лет я здесь, сначала как университетский школяр, потом как поверенный в делах отца, затем как представитель торговой палаты моего родного Апта; наконец как депутат от Буш-дю-Рон. Я уже давно парижанин. Могу показать вам сотню антресолей и мансард, в которых я обитал, прежде чем снять приличное жильё. Могу показать те харчевни, в которых я питался, прежде чем

смог заказать себе обед от Мео⁵⁹. Здесь я встретил свою первую любовь и здесь впервые бился на дуэли. И вы говорите, что я не люблю Парижа... Да я окропил этот город своей кровью, милая Корде! Первая любовь, как и первая схватка не забываются... Кстати, вы замужем? Нет? Значит, у вас ещё всё впереди: любовь, замужество, дети. Вы ещё обретёте свой Париж.

– Но ведь вы развелись со своей женой, – заметила Мария.

– Откуда вы об этом знаете? – удивился Дюперре. – Впрочем, это тоже часть парижской жизни, мадемуазель. Париж сводит и разводит...

– Как вы меня назвали? – улыбнулась она.

– «Мадемуазель», – повторил он и наклонился к уху собеседницы. – Позвольте мне хотя бы между нами обращаться к вам: «мадемуазель». А то, честно сказать, меня уже тошнит от этих «гражданок» и «гражданинов». Вы же называйте меня: «мсье». Просто «мсье Дюперре». Или «мсье Клод». Договорились?

За всеми этими разговорами дошли до пересечения с улицей Святой Анны, переименованной в улицу Гельвеция. Тут наперерез нашим спутникам стремительно вышел и прошагал по направлению ко дворцу Тюильри рослый молодой человек в распахнутом тёмно-синем рединготе, без головного убора, с блестящей серьгой в левом ухе и с развевающимися от быстрой ходьбы пепельно-серыми волосами.

⁵⁹ Владелец шикарного ресторана в Париже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.